

ПРАВОСЛАВНЫЯ МИССІОНЕРСТВА

ВЪ РОССІИ.



АЛТАЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ

МИССІЯ.

W. B. № 2.
Ѣ. Вп. Саввы.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОСНОВАТЕЛЯМЪ ПЕРВАГО ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ

МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

Однимъ изъ его Членовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ.



От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать позволяется. Іюня 19 дня, 1865 года.

Ценсор Архимандрит *Сергій*.





Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданій промелькнули, въ началѣ прошедшаго года, краткія извѣстія объ Алтайской Миссіи,—объ учрежденіи тамъ женской общины,—о разрѣшеніи устроить въ Алтайскихъ горахъ мужскій общежительный монастырь, — о приглашеніи къ пожертвованіямъ и т. д.

По разсчету вѣроятностей не воспрещено предполагать, съ значительною достовѣрностью, что извѣстія эти, говоря вообще, должны были пролетѣть для насъ, т. е. для большинства тревожныхъ читателей газетъ, совершенно безслѣдно. Томская Епархія,—Алтай,—Миссія духовная для обращенія идолослужителей,—община,—монастырь?—что таить грѣха,—это, при современномъ направленіи всеустрояющей зоботливости, что могло значить для публицистовъ православной Россіи, рядомъ съ монументальными, горячими: пожалуй *міровыми* вопросами: — Датскимъ, — Папскомъ, — Итальянскимъ, — Панскимъ,—Мексиканскимъ,—Американскимъ;—съ поѣздкою Гарибальды и просвѣщенными продѣлками съ нимъ просвѣщеннѣйшей публики просвѣщеннѣйшаго государства;—съ фокусами Князя Куцы;—съ прорицаніями пиѳіи національностей и *имперіи мира*, держащей, десять лѣтъ, весь свѣтъ на расколенныхъ угольяхъ? — Что могло это значить рядомъ съ неоцѣнимою арлекинадой Европейской дипломаціи, съ честностью ея политики, съ чистотою ея философіи, съ Европейской всё—ложью?—Касалось ли это, покрайней мѣрѣ, хоть на волосъ, *равновѣсія* Европы, новыхъ антропологическихъ принциповъ

и гуманныхъ системъ? — Могло-ли имѣть какое либо вліяніе на выработанные нами свободные нравы, на всемірную подачу голосовъ, на самодурство самовоспитанія и самоуправленія, на возвышеніе или пониженіе биржеваго курса, артеріи всякой жизни; на возобновленныя новыми теорію и практику жизни древнихъ, и пр. и пр.?

Дѣло Миссій ничего подобнаго не касалось; но какъ оно ничему этому и не мѣшаетъ, то можно полагать, что никому не помѣшаетъ, если мы, по поводу малыхъ извѣстій,—о которыхъ упомянуто въ первыхъ строкахъ,—представимъ немножко подробнѣйшія свѣденія, о дѣлѣ и мѣстѣ, къ которымъ онѣ относятся.—Во всемъ на свѣтѣ, какъ и въ этомъ, есть своего рода *равновѣсіе* и важность. *Дѣло* всякаго дѣла въ самомъ *дѣлѣ томъ*; а кто какъ о немъ посудитъ,—это само по себѣ.—«У Бога,—говоритъ старая пословица,—*всякихъ* людей довольно?»—найдутся, пожалуй, и такіе православные, которымъ и это дѣло покажется не совсѣмъ пустымъ. У каждаго свой вкусъ и свой умъ, кромѣ тѣхъ, которые занимаютъ чужой.

По естественнымъ законамъ здраваго разума, трудно напасть на мысль,—(мы исключаемъ Гг. ренанистовъ, нигилистовъ и др. болѣзнующихъ интелектомъ, для которыхъ всё дѣлается само собою, а тоже и ими,—такъ какъ они собственно полагаютъ составлять тотъ промыслъ, который управляетъ судьбами обществъ, народовъ и государствъ),—трудно, говоримъ мы, напасть на мысль, чтобы Божественное Провиденіе, устрояющее во времени, исторію и ея выводы, т. е. судьбы государствъ, народовъ и частно каждаго смертнаго, окружило и такъ сказать засыпало огромное, самостоятельное и, что всего важнѣе, православное государство, — (избавившее своей грудью, шипящую и ярящуюся на него Европу, отъ ордъ Азійцевъ),—на чрезмѣрномъ пространствѣ пограничныхъ его областей, язычниками, идолопоклонниками, собственно для того лишь, чтобъ могущественное государство это собирало съ нихъ кое-какой ясакъ, а мелкое его чиновничество, выжимало-бы отъ этихъ нецивилизованныхъ, государствомъ тѣмъ покрови-

тельствуемыхъ, всякими средствами дошедшей до него научности (цивилизаціи тожь), всѣ возможные способы къ возможному развитію комфорта своей жизни?—Чрезвычайно трудно повѣрить такому разсчету Провидѣнія!—Еще труднѣе при опытномъ убѣжденіи, что прямымъ результатомъ такого положенія было держаніе бѣдныхъ полу-дикарей тѣхъ въ вѣчномъ мракѣ глубочайшаго невѣжества,—можетъ быть и не безвыгоднаго для кого-либо,—и если не всегда явно провозглашаемое, то постоянное, подъ различными предлогами, сильное препятствованіе и затрудненіе просвѣщаться имъ истинно, т. е. просвѣщаться свѣтомъ самой истинны черезъ переходъ изъ тьмы язычества въ вѣру православную?—Затрудненіе разума еще осложняется, когда примешъ въ соображеніе, что вѣра эта есть владычествующая вѣра того государства, которое всё, — положительно видитъ и знаетъ, что безъ такого просвѣщенія могутъ созрѣвать только гнилые плоды, похожіе на яблоки мертваго моря; что гдѣ не насаждено, какъ корень, просвѣщеніе это, тамъ не можетъ быть развитія духовнаго, а безъ него невозможно нравственное, безъ котораго въ свою очередь недостижимы семейное и гражданственное съ ихъ прямыми добродѣтелями; а безъ всего этого не откуда истечь истинной пользѣ, не только для бѣдныхъ тѣхъ дикарей, но и для края, который есть членъ тѣла всего государства.

Любому маловѣру такое положеніе показалось-бы невозможнымъ; но къ сожалѣнію и удивленію точно такою представляется историческая истинна относительно многочисленныхъ тамъ кочующихъ и другихъ язычниковъ, разсѣянныхъ по огромнѣйшимъ прирубежнымъ пространствамъ Имперіи, съ сѣвера на сѣверо—и—юго-востокъ.

Объ этомъ-то предметѣ, своемъ, родномъ, хотя, пожалуй, и не столь глубоко—интересномъ для современныхъ дѣятелей, какъ декламаторства о разныхъ *вопросахъ*,—шутовскія, хотя и пахнущія кровью лжи всякихъ публицистовъ,—спичи и сборища революціонеровъ всякой шерсти,—новыя системы жизни государствъ и народовъ выходящія изъ фабрики недорослей—

учителей человѣчества и т. п.;—объ этомъ, своемъ собственномъ дѣлѣ, по чему не сказать чего либо? — Сыщутся быть можетъ люди, которые найдутъ, этотъ предметъ, довольно затертый, невидный, достойнымъ видимости. Для русскаго мыслителя, человѣка частнаго, а тѣмъ болѣе государственнаго, онъ нетолько любопытнѣе многихъ Итальянскихъ, Французскихъ, Греческихъ, соціальныхъ, псевдо-философскихъ и другихъ утокъ, но—важнѣе и даже обязательнѣе.

Принадлежа къ числу людей, которые могутъ и хотятъ думать именно такъ о предметѣ этомъ, мы попробуемъ указать нѣкоторыя части этого цѣлаго, такъ сказать особеннаго міра, въ томъ отношеніи къ которому такъ же очевидно, какъ настоятельно и давно, призывается самая благородная, плодотворная и высокая дѣятельность государства, понынѣ всѣми способами какъ будто-бы упорно отталкивавшагося отъ этого великаго призванія.

Начнемъ съ *Алтая* и тамошней *Миссіи*, — о которыхъ у насъ съ 1830-го года было напечатано около десятка мелкихъ статеекъ, на листочкахъ похороненныхъ въ нѣкоторыхъ малочитаемыхъ періодическихъ изданіяхъ.



АЛТАЙ И ТАМОШНЯЯ ЦЕРКОВНАЯ МИССІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Алтайскій край лежитъ въ предѣлахъ Томской губерніи; не говоря о сѣверной ея части, выше Колывани и Томска, острымъ клиномъ врѣзывающейся между Енисейской и Тобольской губерніи, гдѣ размѣстились племена Остяковъ Сургутскихъ и Нарымскихъ, край Алтайскій, внизъ отъ Кузнецка[1]), раздвинувшійся вправо и въ лѣво огромнымъ полукругомъ, между границъ владѣній Китайскихъ, Семипалатинской области и Сибирскихъ Киргизовъ, перерѣзанъ вдоль величественнымъ хребтомъ Абаканскимъ, подъ южною оконечностью котораго покоится прекрасное Телецкое озеро.—Ниже его край изчерченъ поперегъ отрогами горъ Телецкихъ, Ануйскихъ, Тегерскихъ (бѣлковъ), Агулакскихъ, Чуйскихъ (бѣлковъ), Нурайскихъ и Катунскихъ съ множествомъ ихъ отроговъ, грядами тянущихся до Китайской границы; лѣвѣе отъ Катуни, выше Тегерскихъ горъ разлеглись горы Ануйскія, Чарымскія, Коксинскія, а ниже Катунскія, подъ которыми, въ связи съ ними, хребетъ Холсунъ, доводящій свои отроги до граничной рѣки Бухтармы. —Это сплошная, все болѣе тѣсная къ низу, сѣть,

---

[1]) Выше гор. Кузнецка издавна кочуютъ *Черновые* татары, Бійскіе и Кузнецкіе; ниже Кузнецка, гдѣ ровныя и болѣе сухія мѣста, между увалистыхъ горъ, живутъ оседлые инородцы этого округа.

архипелагъ, невыходный лабиринтъ горъ и долинъ, омываемый величественною Біей, быстрою Катунью, Чулышманомъ и Башкоусомъ сливающимися при оконечности Телецкаго озера,—Чуей и сотнями рѣкъ, рѣчекъ, притоковъ, текущихъ изъ горъ, одна изъ другой, — стремящихся и вьющихся по всѣмъ направленіямъ до Холсунскаго хребта и за нимъ до самой границы Китайскихъ владѣній. — *Алтаемъ* называютъ въ странѣ по преимуществу южную часть, какъ по лѣвую сторону Катуни, такъ и по правую до Телецкаго озера; она отличается вышиною каменистыхъ горъ съ грозными утесами; на нѣкоторыхъ высотахъ нѣтъ растительности, на крайныхъ вершинахъ залегаютъ вѣчные снѣга. Въ части сѣверной, напротивъ того, между большихъ, но отлогихъ горъ, покрытыхъ хвойными лѣсами, стѣлются болота, топи и непроходимыя трущобы; эту часть называютъ *Чернью*.

Центральное Телецкое озеро, какъ огромный сафиръ вставленный въ эту богатую оправу, чрезвычайно величественно и живописно. Озеро это, *(Алтынъ—Норъ, Алтынъ—Куль)*, открыто русскими въ 1632 году; боярскій сынъ Петръ Собанскій, въ тѣ времена, свободныхъ жителей при озерѣ этомъ предавалъ смерти или бралъ въ плѣнъ; теперь все тихо около озера, тихаго—пока нѣтъ бурь. Кругомъ шумятъ водопады, клокочущіе потоки, за шагъ отъ которыхъ не слышно и громкой рѣчи; скалы и лѣса картинно отражаются въ его зеркалѣ; но когда забушуютъ сильные и продолжительные ураганы, озеро начнетъ игратъ, потомъ вздуется, разводитъ огромныя волны и долго, долго не улегается послѣ окончанія бури. Мирныхъ жителей около него тревожатъ еще иногда посѣтители изъ недоступныхъ дебрей и притоновъ, большаго роста медвѣди; но и эти пустынники такъ робки, что убѣгаютъ отъ звука сильнаго голоса; даже дѣти, оставшіяся одни въ юртахъ, къ которымъ подходятъ незванные гости, безбоязненно прогоняютъ ихъ горящими головнями. Западный берегъ крутъ, дикъ, во многихъ мѣстахъ недоступенъ по высокимъ и отвѣснымъ утесамъ; на берегахъ Сѣверномъ и Восточномъ на-

ходятся многія удобныя для жительства мѣста [1]); на южномъ необитаемомъ, есть прекрасная и удобная дельта, Чулышманская,—(она избрана для построенія новаго Благовѣщенскаго монастыря),—на ровной луговой мѣстности. Жители чрезвычайно боятся нѣкоторыхъ скалъ, увѣряя, что тутъ обитали въ прежнее время ихъ божества; а потому, когда плывя по озеру проходятъ мимо, они запрещаютъ говорить и пѣть, и сами шепчутъ молитвы о благополучномъ минованіи этихъ мѣстъ:—на голосъ дерзкаго человѣка, по мнѣнію ихъ, прогнѣванныя скалы тотчасъ отвѣчаютъ страшною бурей.

Почти на одной высотѣ съ этою оконечностью озера, но гораздо лѣвѣе, за Катуньей, между ею и р. Чернымъ—Ануемъ, замѣчательно въ краѣ этомъ мѣсто *Мыюта*, гдѣ теперь станъ Миссіи между двумя другими, (Чемальскимъ и Черно-Ануйскимъ;—о станахъ послѣ).—На пунктъ этотъ стекаются и Русскіе и Алтайцы; послѣдніе, какъ и двоеданцы съ р. Чуи, приходятъ чтобъ итти въ русскія селенія и несть ясакъ въ Бійскъ; первые отправляются отъ сюда, сквозь весь Алтай для мѣны съ Монгольцами, на рѣку Чую, текущую отъ Катуни подъ бесчисленными отрогати Чуйскихъ бѣлковъ, почти до самой границы Китайской, не въ далекѣ отъ которой есть крестъ и лавки русскихъ купцевъ. Мыюта окружена горами; строевой лѣсъ, лиственичный, чрезвычайно труденъ для рубки, по твердости; морозы жестоки и нерѣдко доходятъ до 40°/₀; снѣгу мало, и тотъ изчезаетъ съ первымъ бураномъ. Стало быть мѣсто весьма трудное,—но для Евангельскаго дѣла богатое.—Жители кругомъ, большею частью Алтайскіе кочевые Калмыки, отличаются отъ всѣхъ другихъ племенъ особенною дикостью, а въ близи много раскольниковъ и одноплеменныхъ Мыютинцамъ язычниковъ. — Есть много и другихъ прекрасныхъ, обширныхъ долинъ, *Чакыръ*, *Абай* и друг., обрамлен-

---

[1]) Но и тутъ въ настоящее время жители находятся едва-ли въ трехъ мѣстахъ. Это *Телессы*, Калмыки сродные съ Телеутами, остатокъ отъ множества погибшихъ, лѣтъ 16 тому назадъ, въ жестокой горячкѣ, послѣ которой наибольшая часть уцѣлѣвшихъ скочевали.

ныхъ горами разнообразнѣйшихъ формъ и пресѣкаемыхъ кустарниками,—черноталомъ, пихтою, елью,—а подъ часъ и благовонными цвѣтистыми кустами деревца Марала. — Превосходна обширная долина *Урсульская*, по удобствамъ для жительства она одно изъ лучшихъ мѣстъ въ Алтаѣ, потому-то и живущихъ въ близости ея много. Тутъ часты общественные съѣзды Калмыковъ и ихъ Зайсановъ; это важный пунктъ и по безпрестаннымъ переѣздамъ черезъ него въ Уймоны и къ Чуйскимъ двоеданцамъ; — долина большею частью безлѣсна, быстрый Урсулъ, примыкающій къ правой окраинѣ ея и множество рѣчекъ впадающихъ въ него, убраны кустарникомъ. Урсулъ вьется съ правой стороны отъ бѣлковъ Теректинскихъ, къ лѣвой, къ отраслямъ бѣлковъ Урсульскихъ и Семинскихъ, абрамливающихъ долину какъ и Коксинскіе и Чарышскіе (въ верхней части) и соединяющихся въ хребтѣ называемомъ Калмыками—*Ялменку*,—вѣчная грива.

Вообще прекрасныхъ мѣстъ въ живописной странѣ этой много. Господь очевидно заготовилъ удобныя помѣщенія для перехода отъ языческой кочевой жизни, къ осѣдлой, христіанской.

Одинъ этотъ край, съ разнообразіемъ его мѣстностей, а частію и климата, съ густыми хвойными лѣсами въ *Черни*, съ дѣвственною растительностью южнѣе, съ залежами сокровищъ отъ вѣка похороненныхъ въ нетронутыхъ нѣдрахъ его, съ обиліемъ рѣкъ,—какое представляетъ поприще для полезной дѣятельности? А 200 и болѣе тысячь рукъ,—какая сила для разработки непочатыхъ богатствъ его?... Но здоровыя руки эти, суть руки дикарей язычниковъ. Для влитія въ нихъ той силы, того умѣнья, которыя содѣлываютъ трудъ правильнымъ и плодоноснымъ, нужно сперва влить въ ихъ души тотъ свѣтъ, который проникаетъ и въ мозгъ, и въ кровь, и въ мускулы; перерождаетъ понятія, нравы, потребности и стремленія.—До 1830-го года объ этомъ было весьма мало заботливости, да и мгновенный проблескъ ея, какъ будто для вида, исчезъ почти безслѣдно, какъ всякое дѣло совершаемое

такъ, безъ сознанія,—обрядно, безъ ясной, безъ глубокой мысли, проникнутой завѣтомъ священной обязанности, согрѣтой чувствомъ добра.

По округу Кузнецкому много *считалось* крещенныхъ, но при открытіи Миссіи оказалось, что если они и были окрещены, то этимъ закончилась вся любовь и заключились всѣ попеченія православныхъ къ нововведеннымъ ими въ семью свою братіямъ! Живя смѣжно, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ идолопоклонниками, окрещенные эти, не наставленные, не утвержденные, не поддержанные въ христіанствѣ между противниковъ его, подъ обыденнымъ вліяніемъ и противодѣйствіемъ послѣднихъ, разумѣется должны были зарыться въ грязь общей колеи. Они остались въ полнѣйшемъ суевѣріи своего племени, въ отчужденіи отъ Церкви и воспитывали дѣтей своихъ по прежнему.—Что это было не ошибкою или не *недосмотромъ*, а прямо-сознанною мыслью будто-бы неважности дѣла, самаго важнаго, и мыслью пребывательною, вкорененною, доказывается ясно послѣдствіями. Въ 1830 году, при самомъ началѣ дѣйствій Миссіи, при вступленіи Арх. Макарія на эту высокую степень свободно избраннаго имъ, самоотверженнаго и полезнѣйшаго служенія Богу, государству и человѣчеству, первое слово, которымъ встрѣтила его мысль главнаго, начальника края (Г. Г. Вельяминова) было: «*теперь заниматься этимъ еще слишкомъ рано.*» При начальствѣ католическомъ и даже лютеранскомъ это могло бы быть понято, хотя съ трудомъ, такъ какъ служащій въ государствѣ на низшей, а тѣмъ болѣе на высшей степени, если не обязанъ самъ исповѣдывать владычествующую въ немъ вѣру, то всячески обязанъ,—по разуму, по совѣсти, по чести, по долгу и присягѣ, — не дерзать вмѣшивать мудрованій и мнѣній своего религіознаго ученія въ дѣло правительствованія православнаго, относится-ли оно къ одному лицу или къ массѣ, касается-ли законодательства, администраціи, науки, воспитанія или полиціи. Вѣротѣрпимость, высокая принадлежность православія, изъ чистѣйшей христіанской добродѣтели обрати-

лась-бы въ безуміе и въ гнуснѣйшій порокъ, еслибъ вмѣсто дозволенія каждому свободно исповѣдывать свою вѣру, имѣющую свое свободное и покровительствуемое представительство въ государствѣ, было дозволено каждому, вліяніемъ службы, въ которой онъ почтенъ одинаковою со всѣми гражданами довѣренностію, дѣйствовать на совѣсть другихъ умаленіемъ вліянія на нее и значенія владычествующей въ государствѣ вѣры?.

Не менѣе того по истеченіи *тридцати лѣтъ* послѣ положенія начала правильному миссіонерству, о. Архим. Макаріемъ, на всѣ скромныя ходатайства если не о способствованіи дѣлу проповѣди Евангелія, то о незатрудненіи его,—таже мысль, голосомъ начальства отвѣчала: «*теперь, заниматься этимъ, уже слишкомъ поздно.*» Мы увидимъ въ послѣдствіи какъ, въ теченіе этихъ 30-ти лѣтъ, точно дѣло велось и поддерживалось,—разумѣется не Миссіею,—на основаніи конечно все той-же мысли, такимъ образомъ, что самимъ питавшимъ мысль эту могло казаться теперь *поздно*, какъ тогда казалось *рано*! Но это миражи неправославнаго мудрованія, отражающія картины лживыя, чуждыя истинной вѣрѣ. Люди предающіеся имъ, въ туманныхъ пространствахъ своего разсужденія всегда видятъ поительныя рѣки, плодоносные сады и обворожительные замки—въ пустотѣ!.... Когда *рано* и когда *поздно* у Господа Бога обратить хотя бы и одну душу отъ лжи погибельной въ спасительную истину Его? — Онъ все тотъ же, вчера, сегодня, и во вѣки! Но мы не безъотвѣтны..

Возвратимся къ свѣденіямъ о краѣ, излагаемымъ здѣсь въ объемѣ необходимомъ собственно лишь для болѣе точной оцѣнки трудовъ Миссіонерства, которому посвящена эта статья.

На описанномъ выше пространствѣ для малаго числа дѣлателей разсыпалась жатва огромная. Перечислить каждую мѣстность, всѣ ягоды этого винограда, — и невозможно и не для чего; мы покажемъ главныя группы, какъ необходимое для яснаго уразумѣнія трудовъ тѣхъ людей, о бездѣятельности которыхъ мірскіе *дѣятели* имѣютъ всегда такое же вѣрное

понятіе, какое имѣла, на минуту, многопопечительная Мароа о безпечной будто-бы Маріи.

Въ округѣ Бійскомъ, находится, кромѣ осѣдлыхъ идолопоклонниковъ шаманскаго суевѣрія, семь волостей Черневыхъ татаръ (до 5.000 ч.); семь дючинъ (волостей) Алтайскихъ Калмыковъ (болѣе 10.000 ч.), разбросанныхъ по прибрежьямъ Телецкаго озера и рѣкъ Біи, Катуни, Чарыма и другихъ; двѣ волости Калмыковъ — двоеданцевъ (болѣе 2.000) [1]) да проживаютъ Киргизы Семипалатинской области, въ неизвѣстномъ числѣ, держащіеся и магометанства и идолопоклонничества. Вверхъ по всей Біи, надъ озеромъ Телецкимъ, въ право, и въ низъ, улусы инородцевъ, Елейскіе, Кумандинскіе, Тогульскіе и Агкиштимскіе многочисленны; болѣе сближенно размѣстились они, отъ Біи до предгорій Абаканскаго хребта, по р. Антропѣ, Мундыбашн и Кондомѣ, а за ними по р. Томи, Мрасу, Чумышу, Тузасу, Бугунчи и др.; ихъ считаютъ до 10.000 осѣдлыхъ, да кочевыхъ, съ двоеданцами и Киргизами болѣе 26.000 ч. Вообще полагается, что собственно кочующихъ здѣсь не болѣе третьей части, прочіе живутъ деревнями и имѣютъ хозяйство сходственно съ русскимъ; тогда какъ въ округѣ Бійскомъ обществами не живутъ,—(кромѣ Тогульцевъ и Кумандинцевъ, которые, и при житьѣ улусами, тоже вообще не имѣютъ порядочнаго домоводства),—а кочуютъ, помѣщаясь въ юртахъ, покрываемыхъ лиственничною корой, берестой, или войлоками. Такимъ образомъ выше озера Телецкаго по всему краю расположились Черневые-татары, а ниже его,—(тотчасъ, при совпадающихъ тутъ рѣкахъ Чулышману и Башкоусу, потомъ изъ р. Катуни въ право, гдѣ болѣе двоеданцевъ, вплоть до Китайской границы, до 600 в., и особенно, на лѣво отъ рѣки этой, гдѣ размѣстились стойбища Ал-

[1]) Названіе *двоеданцевъ* они носятъ потому, что подчиняются правительствамъ Русскому и Китайскому платя *двѣ дани*. Они сродники Телеутовъ, стало быть по происхожденію принадлежатъ Россіи; двѣ же дани платятъ по собственной волѣ, въ видахъ совершеннаго спокойствія, которымъ вполнѣ наслаждаются, — и точно такъ же наслаждались-бы платя одну дань Россіи.

тайскихъ Калмыковъ и гдѣ Миссія учредила станы и подвигается ими впередъ, въ самую глубь), вплоть до Семипалатинской области и Китайской же границы, (до 700 в.), все, сплошь, совершенно засѣяно одними язычниками, да по мѣстамъ, какъ уже было сказано, русскими раскольниками, нерѣдко изъ злѣйшихъ. Тутъ между горъ Апуйскихъ, Чарышскихъ, Тегерскихъ, Коксинскихъ, Агулакскихъ, Курайскихъ, Чуйскихъ, и конечнаго въ нашей границѣ хребта Холсуна, въ неисчеслимыхъ меандрахъ ихъ своенравныхъ извилинъ и отроговъ, подъ дебрями, на долинахъ, по берегамъ тысячи рѣкъ и рѣчекъ, для поименованія которыхъ нужна цѣлая книга, до самыхъ Китайскихъ пикетовъ (карауловъ) на границѣ, растетъ эта дикая маслина, ждущая прививки....

Киргизы вольные и подданые [1]), прежде идолопоклонники, а теперь полуязычники и полумагометане,—благодаря ревностнымъ стараніямъ, которыми мудрованіе нашей космополитической попечительности и научнаго индиферентисма, противъ собственной, сознательно-заявленной ими воли, вталкивало ихъ въ магометанство;— все это множество душъ, такихъ-же какъ наши, поставлено здѣсь, въ совершенно-особенныхъ условіяхъ жизни между Китаемъ и православною Россіею; — для чего?.... Неужели для того, чтобъ Россія сама, переводила ихъ изъ идолопоклонства ищущаго исхода, въ безъисходную тьму ученія корана, непримиримо-заклятаго врага христіанства?—или же за тѣмъ, чтобъ ею быть выведенными въ свѣтъ истины?.... Вопросъ, для совѣсти и здраваго разсужденія, не трудный!....

Кромѣ этой огромной площади съ ея населенцами, т. е. племенемъ Киргизъ,—едва-ли не многочисленнѣйшимъ всѣхъ прочихъ племенъ Сибирскихъ инородцевъ [2]),—какъ еще далеко и глубоко предлежало-бы распространиться православ-

---

[1]) Киргизы такъ называемые *Чало-Казаки*, вообще суть выродки отъ Киргиза и Татарки, большею частію подъ названіемъ этимъ кроются бѣглые Татары, Ташкентцы, солдаты, преступники и т. п.

[2]) По весьма неполному счисленію, въ 1857 г. ихъ полагалось до 135.000 чел.

ному труду мирныхъ завоеванiй, и какъ давно онъ распространился-бы уже и утвердился для всякой пользы, еслибъ головы, не миссiонеровъ конечно, были съ молода научены сами умѣть понимать каждую изъ двухъ политическихъ правдъ Талейрановскихъ, одну,—истиную—истинной, а другую, лживую—ложной.

Изъ историческихъ извѣстiй о присоединенiи къ Россiи южной части западной Сибири открывается, что край этотъ заняли первоначально русскiе солдаты и другаго званiя люди бѣжавшiе отъ кары закона, за совершенныя ими преступленiя. Вслѣдствiе заселенiя ими мѣстъ этихъ, связей ихъ съ Китайцами и возвращенiя многихъ изъ нихъ къ обязанностямъ подданства, ускорилось и самое утвержденiе земли той за Россiею. Въ 1792 г. (указ. 20 Янв.), даровано было прощенiе всѣмъ такимъ людямъ; но не только не всѣ воспользовались правомъ возвратиться къ долгу вѣрно-подданства, а вскорѣ, (лѣтъ черезъ пять), открылось и подтвердилось собственнымъ сознанiемъ,—что изъ новыхъ ясачныхъ многiе собирались бѣжать въ Китайскiе предѣлы и присоединиться къ находившимся тамъ русскимъ. Общая молва, особенно между раскольниками Бiйскими и теперь утверждаетъ, что *гдѣ то*, въ юго-западныхъ отрасляхъ Китайскаго Алтая, близь *Моря-бѣловодья*, живутъ, большими селенiями, чисто русскiе *Чало—казаки*, въ полной свободѣ и великомъ привольѣ; это потомки бѣглыхъ давно зашедшихъ туда искать свободы. Раскольники пытались бѣжать туда даже цѣлыми семьями, да и теперь иногда бѣгаютъ казаки, ихъ жены и дѣвки. Миссiонеры наши не разъ слышали отъ бывшихъ въ тѣхъ мѣстахъ людей, что они встрѣчали тамъ русскихъ женщинъ, увезенныхъ еще въ дѣтствѣ силою; многiя желали-бы возвратиться, но боязнь быть пойманными и разумѣется избитыми, если не убитыми, да и привязанность къ прижитымъ тамъ дѣтямъ, препятствуютъ этимъ побѣгамъ. Другiе чрезвычайно хвалили мѣстность занимаемую русскими Чало—казаками за нашею границею въ Китайскомъ Алтаѣ, какъ особенно хлѣбородную, богатую лѣсами, пастбищами, огром-

нымъ пчеловодствомъ и сильными золотыми пріисками. По разсказамъ этимъ русскіе Чало—казаки, скрывая впрочемъ свое происхожденіе, живутъ тамъ огромными селеніями, при рѣкахъ, текущихъ изъ Алтая въ Норъ—Зайсанъ и черный Иртышъ; они богаты, не заимствуются отъ другихъ ни чѣмъ, имѣютъ своихъ мастеровъ для всякаго дѣла и обладаютъ значительными промыслами.

Миссіонерство, хотя на десятую долю столько поддержанное всѣми матеріальными, и, что можетъ быть еще важнѣе, всѣми нравственными способами и вліяніями отъ правительства, сколько поддерживаются католическіе,—перебирающіеся не за три-четыре сотни верстъ, а чрезъ моря, океаны, въ другое полушаріе,—не оставило бы этихъ сѣмянъ православія заглохнуть, такъ сказать подъ рукою. Но у насъ все это было почему-то, невозможно; то рано, то поздно; а по законамъ русскаго-европеисма, насъ печатно только что не увѣряли нѣкоторые изъ дѣятелей успѣха, что и о самомъ православіи нашемъ—«нельзя ужъ смѣть *свое* намъ мнѣніе имѣть.» Между тѣмъ отъ этихъ же разсказчиковъ—самовидцевъ, вошедшихъ въ довѣріе Чало-казаковъ, извѣстно, что хотя они утратили не только русскій языкъ но и вѣру христіанскую, не менѣе того она, какъ будто природная печать выражена въ нихъ замѣчательнымъ, нерушимымъ признакомъ,—способомъ и наружными пріемами моленія, ярко отличающими ихъ отъ туземцевъ. Они сохраняютъ еще темное преданіе, какъ о чемъ-то хорошемъ и великомъ, о вѣрѣ своихъ отцевъ, отъ которой уцѣлѣли, въ ихъ молельнѣ,—Икона Святителя Николая; да въ памяти немногихъ — нѣсколько словъ изъ молитвы Господней и изъ Сумвола-Вѣры.

Кромѣ этихъ русскихъ Чало — казаковъ, находятся еще въ верховьяхъ Чернаго Иртыша Урянхайцы, Калмыки—идолопоклонники, одноплеменные съ нашими двоеданцами, перекочевывающими съ ними, на зимовку, въ Китайскую часть Алтая. На пограничныхъ же мѣстахъ, прилегающихъ къ Бійскому и Кокбектинскому округамъ, кочуютъ киргизы вольной орды.

Они переходятъ и на земли принадлежащія Россіи, къ верховьямъ Катуни,—какъ вѣрноподданные Киргизы Кокбектинскаго округа переходятъ на земли Китайскія; движенія эти опредѣляются непреложными требованіями климата и скотоводства.

Тотъ не ошибется, кто скажетъ:—тутъ можетъ быть наберется всего до полумилліона?—Но и оставляя столь широкій кругъ дѣйствій,—хватающій дальные отроги Китайскаго Алтая съ заблудшими въ него овцами,—какъ, въ такое продолжительное время, не привели мы къ Пастырю Доброму хотя тѣхъ, которыя у насъ подъ рукою, которыя преданы намъ Провидѣніемъ собственно для этого?...

Вотъ очеркъ поприща дѣйствій Алтайскаго Миссіонерства, взглядъ на человѣческія массы, которыя, святымъ его трудомъ, должны быть выведены изъ жизни скотоподобной, во всей ея наготѣ и отвратительности, потому что въ ней нѣтъ уже ни малѣйшаго признака тѣхъ прикрасъ, ширмъ, физическихъ, гражданственныхъ, научныхъ условій и масокъ, которыми украшаются и закрываются всѣ скотственныя пятна жизни цивилизованной.

Взглянемъ теперь поближе на бѣдныхъ смертныхъ этихъ, разумѣется въ тѣхъ лишь отношеніяхъ, которыя непосредственно вяжутся съ нашимъ дѣломъ.

II.

Мы случайно пріобрѣли, давно уже, рукопись, повидимому составляющую часть сборника или записокъ объ Алтаѣ, вѣроятно обязанныхъ своимъ существованіемъ кому либо изъ трудолюбивыхъ миссіонеровъ; въ этой части изложены легенды края; относящіяся къ его исторіи, космологіи, суевѣріямъ и пр. все это,—даже и нынѣ, хотя не весьма многими, сохраняемое въ памяти, — заимствовано изъ древнихъ Ойротскихъ книгъ. Составитель говоритъ, что книги эти есть еще у нѣкоторыхъ, что они тщательно скрываются, а что знающіе ой-

ротскую грамоту едва-ли найдутся теперь между Алтайцами. История послѣдняго рѣшительнаго переворота записана со словъ принявшаго христіанство инородца, *Корту* (въ св. крещ. Евѳимія), которому теперь было-бы около 70 лѣтъ; отецъ его, болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ умершій въ девятомъ десяткѣ жизни, былъ сынъ *Саты*, жившаго 85 лѣтъ; въ молодыхъ еще лѣтахъ этотъ *Саты* былъ взятъ Алтайцами въ плѣнъ, въ послѣднюю великую междуусобицу; онъ былъ писаремъ затѣявшаго возстаніе начальника части народа, *Чаган-Нараттана.*

История эта можетъ быть передана на нѣсколькихъ страницахъ.

Во время Царицы Екатерины въ Россіи, по смерти Ойротскаго хана царство его распадалось отъ смутъ и междуусобій. Главный военачальникъ Ойротскій, *Амыр—санагá*, видя что *Чаган—Нараттанъ*, начальникъ, какъ сказано, одной части народа, хочетъ утвердиться ханомъ надъ всѣми, пошелъ на него съ войскомъ. *Чагáнъ* испугался, бѣжалъ съ 60-ю чел. (въ числѣ которыхъ былъ и писарь его *Саты*) и заключился, на горѣ *Тарлыкъ* [1]), въ пещерѣ *Бій—шибизи* [2]). Но его взяли въ плѣнъ подъ горою этой, при истокѣ изъ нея рѣчки *Бій—тутханъ* [3]). Онъ объявилъ, что хотѣлъ пробраться къ народу Пюрь—узь—аймакъ, (нынѣ Черновые татары), чтобъ соединиться съ нимъ.—*Амыр—санагá* Ойротскій, въ свою очередь былъ разбитъ и прогнанъ за Иртышъ войсками Алтайцевъ подъ начальствомъ *Код—Кокшинъ* изъ племени *Эркьтъ*. Война эта продолжалась три года. — Въ ней не принимали участія только два мѣстные начальника, жившіе въ вершинахъ р. *Чуи*; уклоняясь отъ усобицы они наконецъ ушли съ своимъ народомъ къ *Эде—хану* (Китайс. царю); одинъ изъ нихъ былъ названъ тамъ *Талай—ханомъ* и занялъ мѣсто смежное съ зем-

---

[1]) Гора *Тарлыкъ* (пороховая) замѣчательна; на камняхъ ея скопляется селитренная отпоть; когда она сохла и осыпалась Калмыки, говорятъ, дѣлали изъ нее и смѣси крови животныхъ, порохъ, который былъ *сильнѣе русскаго.*

[2]) *Бій-шибези*, знач., защита, крѣпость начальника.

[3]) *Бій—тутханъ*, знач., начальникъ пойманъ.

лею *Сойонцевъ* (на р. Кемчугъ), которые ходятъ въ Пекинъ съ податью чрезъ его землю; народъ другаго называется *Тёрбётъ*. За ними-же ушелъ, тайгами (т. е. бѣлками), *Чаган—Нараттанъ* [1]) съ своими людьми, которые и стали жить вмѣстѣ съ народомъ *Талай—хана*. Противникъ его, *Амыр—санагà*, потерявъ двѣ трети своего войска ушелъ съ остальною за Иртышъ къ *Тургуутамъ*, и соединясь съ ними отдался въ подданство Россіи; онъ былъ принятъ какъ дворянинъ и названъ *краснощекимъ*.—Вскорѣ явился Монгольскій предводитель *Чадакъ*, съ многочисленнымъ воинствомъ, чтобъ покорить Алтайцевъ оставшихся совершенно свободными; но былъ разбитъ и прогнанъ. Калмыки утверждаютъ, что идя воевать, *Чадакъ*, у одной рѣчки, велѣлъ брать каждому воину по камню и бросать на указанное мѣсто на горѣ; изъ каменьевъ этихъ составился огромный курганъ; возвращаясь, разбитый, онъ велѣлъ остальнымъ воинамъ брать по камню съ кургана и сваливать нѣсколько подалѣе,—образовался небольшой холмикъ.—Алтайцы понесли тоже сильный уронъ и устрашась мщенія и новыхъ нападеній отъ Монголовъ, предались Россіи.—Тогда-то взойдя на гору *Ял—менку* [2]) въ вершинахъ рр. *Себи и Короттù* [3]), и видя обширный Алтай заваленный трупами, лишенный жилищъ и разоренный, они воспѣли свою великую *Пѣснь—плачь*, и теперь еще сохраняемую въ памяти народа.—Вотъ сколь можно близкій переводъ ея:

—«О трехъ шпиляхъ ты, Царь Алтай!—Какъ посмотримъ съ боку, о девяти граняхъ ты, Царь Алтай!—Если-же смо-

---

[1]) Онъ объявилъ, что хотѣлъ пробраться къ народу *Пюрь—узь—Аймакъ* народъ: *реи—вьтьеи*, нынѣ Черновые татары, у которыхъ однихъ и теперь юрты или шалаши (*янашъ*) дѣлаются изъ вѣтьвей.

[2]) Вѣчная грива.

[3]) *Себи*, знач. украшеніе, нарядъ, приданое; *Коротти*—убавилъ или уморилъ. Отъ этого же слова и названіе перевоза черезъ Катунь, въ Алтаѣ,—*Коргечу*, ибо и тутъ погибло много войска *Чадака*; оно во множествѣ подавлено въ теснинѣ, на правомъ бер. Катуни подъ скалой *Бичиктукая*, каменьями, которыя бросали съ этой скалы; ихъ такъ много, что и теперь нѣтъ прохода. Не далеко отъ вершины *Айгулака* вправо гора *сіок—тайга* (гора костей), говорятъ по всей вершинѣ засѣяна костями.

трѣть по скату горъ, то будто плеть хребетъ твой, Царь Алтай!—По осеннему жилищу твоему какъ бурое сукно разостлался ты, Царь Алтай!... Жалкимъ зовутъ тебя сердечный мой Алтай! Напоенъ ты множествомъ крови.—Ты сосна съ мерзлыми сучьями!... Пропадай же ты если случится опять такое обезглавливаніе!... О! полный величія Алтай мой! Горе, горе тебѣ отъ такого опустошенія!—Да, ты сосна съ посохшими вѣтьвями!... Погибай-же если опять станутъ обламывать ихъ!.. О! Алтай мой! мило устроенный! горе тебѣ отъ такой обчистки»!!..

Такимъ образомъ и въ памяти народа и въ названіяхъ урочищъ, сохранились понынѣ живыя доказательства окончательнаго разгрома Алтая. Онъ былъ нѣкогда страною сильно населенною, многовоевавшею и гражданственною; объ этомъ есть свидѣтельства въ множествѣ кургановъ, памятниковъ и, особено, остатковъ валовъ городскихъ или усадищныхъ. На пространствѣ до 80 верстъ кругомъ *Улалы*, главнаго стана Миссіи, насчитываютъ до десяти такихъ древнихъ валовъ, и изъ нихъ нѣкоторые двойные, тройные и очень обширные.

Отъ *исторіи* перейдемъ къ другому предмету, еще болѣе близкому къ цѣли этой записки; взглянемъ бѣгло на религіозныя преданія Алтайцевъ.

Алтайцы имѣютъ прекрасную пословицу, здѣсь совершенно умѣстную:

—«*Чин—была тёгуньнынъ ортозы—діортъ элю*».

Т. е.—Между истиной и ложью разстояніе—четыре пальца, (собственно между глазомъ и ухомъ).

Мы упомянули о древнихъ Ойротскихъ книгахъ,—какъ извѣстно и понынѣ нѣкоторыми изъ Алтайцевъ сохраняемыхъ въ великой тайнѣ, — въ нихъ-то заключаются *легенды* ихъ *фетишисма*, гдѣ сквозь слои нелѣпостей,—самыхъ странныхъ родословій боговъ, воиновъ и чудовищъ, — толкованій космическихъ, изображеній и понятій, носящихъ на себѣ яркую печать природы края и грубой фантазіи необразованныхъ его племенъ, постоянно просвѣчиваютъ, — какъ сквозь пестрый, исхитренный узоръ, главныя нити канвы,—черты преданій

священно-библейскихъ. Одна изъ этихъ книгъ даже носила наименованіе: «*Алтын-Керель*», т. е. *золотое свидѣтельство*,—названіе по смыслу очень близкое къ значенію: *откровеніе*. Эти собственно черты, эти *золотыя свидѣтельства* драгоцѣнны, и на нихъ-то мы остановимъ на минуту вниманіе вѣрующаго читателя. Легенды сами по себѣ любопытны; нерѣдко исполнены поэзіи, разумѣется заимствовавшей всѣ свои краски и очерки изъ дикой простой природы, простаго быта и неразвитаго какъ онъ воображенія; но дѣло для насъ не въ любопытномъ и не въ поэтическомъ,—а въ *истинномъ*, хотя и затертомъ ложью. Дѣло въ томъ, что современные-ли намъ *Сальвадоры*, *Ренаны*, *Мироны*, или Ойротскіе мудрователи накладываютъ слои штукатурки и лѣпныхъ, доступнаго имъ измышленія и вкуса, орнаментовъ, на нерушимое зданіе откровенныхъ истинъ, въ глубокомысленномъ убѣжденіи, что объясняютъ, улучшаютъ ихъ;—штукатурка отваливается, возобновляется хлопотливой работой разныхъ рачителей,—но зданіе остается то же!—Черезъ сто вѣковъ, какъ и теперь премудрый планъ его строительства, вездѣ одинаково сквозитъ изъ подъ лживыхъ этихъ наклѣекъ. Величіе и святость его одинаково сознаются вездѣ окомъ и разумомъ вѣры! Ренаны и Ойроты, на разстояніи вѣковъ, одинаково смѣшиваются, не смотря на различныя начала и измышленія ихъ фантазіи, въ общую тьму, въ которой, необъемлемый никакою тьмою, неугасимый свѣтъ,—всегда свѣтится.

Предваримъ здѣсь краткое указаніе на первозданныя истины эти, только двумя вопросами: трудно-ли было напр. государству Православному, уважающему православіе свое и разумѣющему его воистину, разсѣять по немногу мракъ лжи, въ племенахъ слабыхъ ему покорныхъ, сознающихъ эту ложь открыто, и носящихъ напечатлѣнными, въ преданіяхъ и понятіяхъ своихъ, тѣ проблески вѣры истинной, которые вездѣ, остаются какъ нить для выхода изъ лабиринта путаницы человѣческаго ума?—Къ чему, изъ чего *нужно* было, не только не исполнять, съ стараніемъ и любовію, этой высокой

обязанности, но затруднять еще исполненіе; находить его—то ранновременнымъ, то запоздалымъ, то невозможнымъ будто-бы политически, и своеручно такъ сказать выдавать мусульманству массы людей нехотящія его и очевидно ведомыя Божественнымъ провидѣніемъ къ свѣту православія, т. е. къ спасенію ихъ душъ изъ вѣчной гибели?.... Отвѣты трудны, хотя очень легки для разума истины.

Предоставляя всякой политикѣ, дипломаціи, администраціи, цивилизаціи, научности и пр. пр., выработывать приличные и благовидные рѣшенія, на эти и многіе подобные простые вопросы, не можемъ не заявить благовременно, что, по свойству дѣла, отвѣты необходимо должны будутъ оказаться всячески несостоятельными передъ неподклоняющеюся ни подъ какія мудрованія истиною.—Вотъ кадры религіозныхъ преданій Алтайскихъ.

Сотвореніе міра. Легенда о сотвореніи міра вся проникнута высочайшею истиною: признаніемъ предвѣчнаго, Единаго Бога, Создателя міра. Изложеніе ея есть великолѣпно-поэтическое, хотя и Алтайское, изображеніе, — чрезвычайно близко напоминающее библейское. Стихи пѣсней, какъ и наши, заимствуютъ свою красоту не отъ однѣхъ мыслей и картинъ, но и отъ созвучій. — «Когда не было еще ни неба, ни земли, а былъ только одинъ *Ульгэнь*, (въ произношеніи созвучно съ Евр. *Элогимъ*, Творецъ Богъ), онъ трепеталъ простръся, надъ безбрежностію водъ подобно какъ нетопырь распростираетъ крылья. Ощутивъ въ себѣ будто голосъ говорившій: «*алдында-тутъ*,» (впереди хватай!), онъ произнесъ эти слова, устремляя руку и помышляя какъ и что творить? Тогда, будто-бы изъ водъ изникла *Аг-энъ* (бѣлая матерь; не туманное-ли назнаменованіе премудрости Божіей?); она внушала ему, чтобъ для сотворенія всего, что его мысли будетъ *угодно*, онъ только *хотѣлъ* и *произносилъ*: «*этътымъ, пютты денъ*» (сдѣлалось, совершилось, бысть); а не говорилъ-бы: »*эткенным пюдпеды денъ*» (несовершилось) [1]. *Аг-энъ* бо-

[1]) По созданіи людей Богъ повелѣлъ и имъ: о томъ что *есть* не говорить *нѣтъ*

лѣе пе являлась никогда. Такъ *Ульгэнь* сотворялъ, произнося и пр. *«э! ьрь пютсын!» «э! тенгере пютсын!* Э! да будетъ (совершится) земля. Да будетъ небо, прибавляя: *«алдындатутъ;»* [1]) и сотворилъ онъ такимъ образомъ небо, землю, всѣ до послѣднихъ тварей; т. е. созидалъ своею премудростію, мыслью, волею, и словомъ устъ своихъ! О двухъ огромныхъ рыбахъ па которыхъ укрѣплена земля; объ арканахъ захваченныхъ за ихъ жабры и притянутыхъ къ двумъ столбамъ па небѣ, чтобъ опускать землю, на рыбахъ, въ воду, производить *потопъ*; — о двухъ великихъ черныхъ камняхъ, для созданія изъ нихъ, впослѣдствіи, новыхъ людей и *новой земли*, уже бѣлой, т. е. чистой, когда старая *вся сгоритъ* и останется прежняя вода, а надъ нею вѣчный *Ульгэнь*, и о пр. въ легендѣ этой, не говоримъ, какъ о второстепенныхъ развитіяхъ. Но замѣтимъ, что создатель продолжаетъ дѣло творенія *семь дней*, (*теты-кунь*, по Ойротски *тологонъ ченгынь*); изъ нихъ шесть дней *Ульгэнь* творилъ, въ седьмой день спалъ, а въ осьмой всталъ.—И нынѣ у Алтайцевъ одинъ разъ въ году, когда они услышатъ первый громъ, когда закукуетъ кукушка и распустятся на деревьяхъ листья, къ началу Мая, они собираются на высокую гору, сжигаютъ курево, брызжутъ во всѣ четыре стороны коровьимъ молокомъ и кланяются. Это моленіе совершалось у прежнихъ Алтайцевъ и Ойротовъ каждый седьмой день утромъ; послѣ омовенія лица и рукъ, не вкусивъ ничего и не кормя дѣтей грудью, они становились лицемъ къ востоку и совершали поклоненіе до земли, держась за руки, за косы и повторяя безпрерывно:—*Пуодомйнэ бурканымъ!*

Обширность мірозданія.—Кромѣ нашего міра, солнечнолуннаго, создано еще девяносто-девять міровъ; каждый имѣетъ

иначе для человѣка оно точно и *не будетъ*. Видите-ли, какое око для вѣры, и какое слѣдствіе безвѣрія; это пе въ бровь, а прямо въ глазъ нашимъ мудрецамъ.

[1]) Эти слова Бога впечатлились въ созданнаго имъ человѣка, а потому и онъ тоже: *«все впередъ хватай»*, т. е. «не ходитъ задомъ», все дѣлаетъ передъ собою, а пе за собою». Каково Алтайское опредѣленіе улучшаемости?

свое небо, свою землю, свой адъ, своего особо-поставленнаго управителя и своихъ людей; свое мѣсто въ вселенной и свое названіе. Нашъ міръ есть самый меньшій и низшій; наша земля, *Кара-ѣръ*, земля черная; для нее свой, черный же адъ, *Пятьшангъ—Кара-тѣшъ*. Главный управитель нашей земли *Керей* (лютый).

Эрликъ (злобный духъ). Прежде человѣка Богъ создалъ изъ слоя глины существо, которому *вдунулъ въ ухо жизнь* и назвалъ его *Эрликъ* (мужественный). Вскорѣ онъ зазнался, началъ равняться съ создателемъ своимъ *Ульгэнемъ*, и все болѣе завидуя ему и отдаляясь отъ него, наконецъ сдѣлался противникомъ и злѣйшимъ врагомъ *Ульгэня* и всѣхъ его тварей. Такихъ слугъ себѣ, или *богатырей*, какъ *Эрликъ*, было создано *Ульгэнемъ* множество.

Человѣкъ сотворенъ изъ глины, а кости его изъ камыша; *Ульгэнъ* вдунулъ въ него жизнь, (душу—въ уши, а умъ—въ носъ) и приказалъ ему (далъ способность) все знать, что сотворено и надъ всѣмъ властвовать. Тутъ начинается сказка о твореніи женщины человѣкомъ, которому было подано въ письмѣ отъ *Ульгэня* наименованіе его: *Майдере*, (всѣмъ завѣдывай;—голову всего знай); *Эрликъ* пришелъ тайно и вдунулъ въ этого еще бездушнаго человѣка—женщину, душу изъ трубы о семи ладахъ, и сдѣлалась у нее душа злобная, какъ змѣя, *на семь ладовъ*, а умъ на девять разноголосій. Собака, которая стерегла эту еще неодушевленную женщину, была наказана, за то, что допустила *Эрлика* одушевить ее, низведеніемъ въ настоящее ее состояніе, и предана всѣмъ бѣдствіямъ и униженію, тогда какъ прежде она была другомъ, помощникомъ человѣка и ѣла вмѣстѣ съ нимъ. Вмѣсто этой негодной, зловонной женщины *Ульгэнь* самъ создалъ другую — «*взявъ изъ обоихъ боковъ человѣка, названнаго имъ Таргынъ—нама, по двѣ реберныя косточки*;»—онъ назвалъ женщину *Мунтю—шайди* и отдалъ *Таргыню*.—Потомъ *Ульгэнъ* уходитъ на свою гору, гдѣ распредѣляетъ разныя назначенія своимъ слугамъ; одному—сохранять дѣтей человѣка и птенцевъ; другому—учить

людей какъ и что имъ можно и не должно ѣсть, пить;—оберегать пьяныхъ, устарѣлыхъ;—вразумлять всѣхъ на добро;—отвращать отъ зла.—Другому—научать людей нравственнымъ правиламъ и открывать имъ адскія наказанія за пороки.—Третьему—помогать въ войнѣ и во всемъ безсильнымъ, но надѣющимся на Бога,—смиреннымъ и честнымъ;—гордыхъ и самонадѣянныхъ унижать;—далѣе, охранять отъ бѣдъ, отъ звѣрей и чудовищъ на сушѣ и на морѣ;—лжецамъ утверждать на концѣ языка ячьмень;—на верхушкѣ головы вора ставить зажженную свѣчу;—на блудникѣ и блудницѣ дѣлать особыя примѣты, чтобъ всѣ узнавали и остерегались,—и пр.

Ссылка Эрлика.—Злой *Эрликъ* всячески вредитъ человѣку, приготовляетъ ему разныя засады самъ, и чрезъ народившихся отъ одушевленной имъ женщины; наконецъ замышляетъ разомъ погубить всѣхъ живущихъ въ *аруунъ-сюдюнъ*, (первое жилище, рай). Онъ призывается, и вмѣстѣ со всѣмъ родомъ (отъ той женщины), изгоняется въ землю лежащію между двумя морями, гдѣ не свѣтятъ ни солнце ни луна.

Ослушаніе и осужденіе человѣка.—Люди живутъ въ *аруунъ—сюдюнъ*, и *Майдере*, всѣмъ завѣдываетъ; по приказанію *Ульгэня* всѣ его слушаютъ, а онъ все что происходитъ между Ульгэнемъ, Эрликомъ и людьми, записываетъ; для чего имѣетъ особенную чернильницу; такъ ведется исторія повелѣній Бога и судебъ человѣчества.—*Эрликъ* съ своимъ народомъ, изъ мрачнаго царства своего, не перестаетъ приходить, вредить людямъ и опять хочетъ разомъ захватить всѣ ихъ души;—но *Ульгэнь, которому извѣстно все еще и не совершившееся* предваряетъ его.—На однозвучный кличь его—«*Кый!*» содержащій въ себѣ какъ его имя, — (обратите вниманіе на созвучность съ *Сый*),—такъ и имена всѣхъ людей, всѣ въ одинъ разъ откликнаются — «*А!*» и онъ, однимъ махомъ руки, — «какъ ловятъ муху [1])», *хватаетъ въ свою горсть*

---

[1]) *Камы* (шаманы) и теперь такъ ловятъ души, нѣсколько разъ произнося: *Онн-ядымъ!* (втягиваю въ себя, какъ кличь помогающимъ духамъ, и —*Куруи!*—какъ отголосокъ пойманной, втянутой души; это выражаетъ просто словомъ:—*куркнуло*,

всѣ души всѣхъ людей, спасая ихъ такимъ образомъ отъ *Эрлика.* Не безподобное-ли, хотя дикое изображеніе понятія о томъ, въ чемъ, въ какой десницѣ спасеніе всѣхъ душъ, и какъ, однимъ откликомъ на призывъ, онѣ спасаются!—Злобный придумываетъ новыя хитрости; ко всему прекрасному, и вкусному, ко всѣмъ плодовымъ растеніямъ созданнымъ Богомъ онъ прибавляетъ на половину такихъ-же своихъ, говоря;— «Кто будетъ ѣсть это, будетъ *ѣсть меня*; *введетъ меня въ себя самъ.*» Кромѣ того онъ создаетъ свое дерево съ самыми сладкими и красивыми плодами, говоря: — «сколько бы люди ни ѣли, плоды всегда будутъ; а кто будетъ ѣсть, всѣ будутъ непреложно мои.»—*Майдере* приходилъ съ своею чернильницей съ горы *Алтынъ—ту*, чрезъ три года смотрѣть какъ живутъ люди. Видя порчу причиненную *Эрликомъ*, онъ согналъ безчисленныхъ его слугъ, въ видѣ плодовъ посаженныхъ имъ на деревья, исторгъ созданное имъ дерево, а ихъ всѣхъ загналъ опять въ мрачную ихъ страну. По приказанію его *змѣй* въ это время стерегъ его чернилицу, лежа на ней. Кончивъ дѣло *Майдере* нашелъ змѣя на чернилицѣ, но уже пустой. Змѣй объявилъ будто чернило взято женою *Таргынъ—нама,* по приказанію его, *Майдере*; она же объявила, что это приказано ей мужемъ, а онъ увѣрялъ, что жена принесла ему

Алтайцы вѣрятъ, что человѣкъ можетъ долго оставаться безъ души; о сумашедшемъ, безчувственномъ и т. п. они говорятъ:—*бѣсъ унесъ его душу.* Унесенная душа можетъ быть возвращена выкупомъ, чрезъ *Кама*, тогда человѣкъ будетъ здоровъ;—если не выкупятъ, то онъ останется боленъ, но живъ. Дѣло въ томъ, что они признаютъ двѣ души, духовную—*Суузы* (Калмыц.), *Тюла* или *Кутъ* (Телеут.), и животную—*Тынъ,* и въ животномъ и въ растѣніи, и въ человѣкѣ; это жизненность, связь духа съ тѣломъ; безъ первой можно оставаться нѣкоторое время, но если она слишкомъ долго не будетъ возвращена, то и другая *щелкнетъ*, перервется и исчезаетъ *). Названій души у нихъ множество, потому что множество примѣнительныхъ значеній:—н. пр. нѣчто теряющееся,—смѣшивающееся,—рвущееся,—жидкое, почерпаемое;—здоровье или плодовитость;—кругленькая бѣлая пулька подвижная какъ шарикъ ртути, (такъ *Камы* и показываютъ будто-бы пойманную ими душу);—обликъ полнаго человѣка;—разумная часть человѣка и пр. и пр.

*) Потому-то душа умершаго называется *узютъ*.

сама; всѣ въ похищеніи этого *источника познанія* обвиняли другъ друга и окончательно самаго *Майдере*. Причина же заключалась въ томъ, что жена ѣла ягоды съ произращеннаго *Эрликомъ* дерева, (и теперь въ Алтаѣ есть дерево *уюнгатъ*,— ягоды жены), а съ ягодами въ нее вошелъ самъ бѣсъ.—Тутъ совершены были проклятіе змѣя, судъ и приговоръ надъ мужемъ и женой; они изгнаны, и проклята самая земля.—Многія выраженія, по сближенію, такъ любопытны, что мы приведемъ нѣкоторыя.—Змѣю сказано: —«будешь отвратителенъ и страшенъ для всѣхъ; ползай; воронъ будетъ клевать твою голову, собака будетъ обрывать твой хвостъ, человѣкъ будетъ давить и дробить палкой черепъ твой, сдирать съ тебя шкуру на выворотъ; тѣло твое пусть извиваясь изсыхаетъ отъ солнца.»—Мужу объявлено:—«всѣ дѣла твои будутъ—трудъ тяжелый; дѣти твои будутъ болѣзненны, воры, лжецы и злоумышленники; они будутъ жить въ подчиненіи и терпѣть наказанія; Богъ и начальство да не взираютъ на васъ виновныхъ милостиво.—Всѣ члены твоего тѣла пусть узнаютъ каждый свои болѣзни; да не будетъ тебѣ пища ни въ сытость, ни въ здоровье, а одежда не въ красоту.»—Женѣ опредѣлено:— «болѣзни охватятъ тебя всю, въ родахъ особенно, и если внутренность твоя порвется тогда—ты умри, если же нѣтъ— роди; но сильнѣе всѣхъ болей пусть будетъ для тебя дѣторожденіе.»—Произнеся приговоръ *Майдере* изгналъ ихъ изъ *Аруунъ—сюдюнь*,—гдѣ все имъ было готовое, въ довольствѣ и мирномъ подчиненіи,—въ другую землю, знойную, гдѣ все нужно брать съ боя, трудомъ и мучительствомъ и гдѣ нѣтъ ни прежнихъ деревьевъ, ни камней и никакой тѣни.

Человѣкъ въ землѣ безтѣнной, въ изгнаніи, сперва питается травами: но когда онѣ изсыхаютъ, и въ зиму,—онъ тощаетъ.—Ему разрѣшается ѣсть мясо животныхъ; отсюда страхъ и вражда ихъ къ человѣку.—Добытіе перваго огня изъ двухъ камней; ударяя ихъ человѣкъ, при первой искрѣ говоритъ:— «огонь этотъ сообщенъ камню силою *моего Отца*.» — Люди плодятся, живя вмѣстѣ какъ безмысленные скоты:—установляет-

ся бракъ;—вводится смерть, назначается предѣлъ жизни всякой твари. *Тепкара* вступаетъ въ обязанность собирать души умершихъ и уносить ихъ въ то мѣсто, на Востокѣ, гдѣ человѣкъ былъ сотворенъ, въ жилище праотцевъ.—*Эрликъ* продолжая злобствовать создаетъ себѣ, разными хитрыми способами, слугъ, *курюмель* т. е. бѣсовъ (*пыртакъ—нъмъ* или *кара—нъмъ*) и всякихъ вредныхъ животныхъ.—Слуги и богатыри *Ульгэня* воюютъ съ нимъ за это; онъ противится, поражаетъ ихъ, озлобляется все болѣе, наконецъ силою самаго *Ульгэня* все его владѣніе разрушается, онъ свергается со всѣми своими слугами, которыя сыплются какъ дождь или градъ. Падающіе въ во́ду дѣлаются *водяными* (*су—ээзи*), на каменья—*камневыми* (*таш—ээзи*), въ лѣсъ—*лъшими* (*агаш—эзи*), и т. д.;—падая на звѣрей, рыбъ, на все существующее, эти злые духи дѣлались такъ сказать хозяевами того на что упали. Не имѣя царства, съ разсѣяннымъ народомъ своимъ, *Эрликъ* проситъ у *Ульгэня* дать ему на землѣ только одну равнину, (*кообы*), десятину (*кралыкъ*), одну сажень, одну четверть, наконецъ столько, чтобъ поставить свою палку.—Это дано ему.—Онъ вбиваетъ всю свою палку въ землю, потомъ вмѣстѣ съ нею извлекаетъ изъ земли прицѣпившихся къ палкѣ змѣй, ящерицъ, цѣлую цѣпь гадовъ для вреда человѣку. За послѣднее коварство эго *Эрликъ* и его силы свергаются въ преисподнюю.— Злоба его еще болѣе распаляется; онъ объявляетъ *Ульгэню*, что 43 рода слугъ его сверженныхъ и попадавшихъ на землю и на тварей, знаютъ ихъ теперь насквозь, и будутъ управляться съ ними, муча ихъ до смерти; а послѣ смерти будутъ приводить умершихъ къ нему, въ преисподнюю. Это *ъткери*, 43 рода духовъ производящія всевозможныя бѣды и напасти.

Всемирный потопъ, (якъ).—Прежде былъ царемъ всей земли ханъ *тенысъ* (море), потомъ славился по всей землѣ человѣкъ, котораго звали *Нама*. При немъ былъ потопъ. Ему *Ульгэнъ* приказалъ строить *керепъ* (коробъ, корабль, ковчегъ) изъ испытаннаго сандалъ—дерева. Строеніемъ распоряжался одинъ

изъ трехъ сыновей *Нама*; по повѣленію *Ульгэна* дѣлалось все; оклѣивали берестой, обмазывали чернымъ клѣемъ и привязали восемь веревокъ по 80—сажень съ чугунными бревнами на концѣ. Собраны были въ ковчегъ любимые *Нама* люди, его семейство и всякаго рода животные, всѣ кто только могъ *дойти и хвататься до кереба*. Когда вошли, сдѣлалась по всей землѣ тьма, вдругъ прорвалась вода изъ подземныхъ жилъ и полилася съ неба. Вскорѣ *херебъ* поднялся на 80 саж., вода все прибывала, веревки съ чугунными бревнами порвались, *керебъ* поплылъ носимый водами, наконецъ онъ остановился на двухъ горахъ, одна другой ниже, т. е. сталъ косо. *Нама* выпустилъ на первый день ворона, (*кускумъ*); на второй—ворону (*карга*); на третій—сороку (*сангысханъ*); ни одна изъ этихъ птицъ не воротилась. На четвертый день онъ выпустилъ голубя; онъ прилетѣлъ назадъ и принесъ березовую вѣточку. *Нама* сказалъ ему:—ты вѣрный слуга, благословляю тебя до скончанія вѣка жить съ людьми, моими потомками. Ворону же опредѣлилъ клевать глаза труповъ (воронъ не боится клевать ихъ); воронѣ—задъ, (она не клюетъ глаза падали, а начинаетъ всегда съ зада); сорокѣ—хребетъ.

Нама и три его сына послѣ потопа.—Послѣ потопа люди изъ благодарности и уваженія къ *Нама*, стали называть его *яячи* (творецъ), потому что и животныя и все было чрезъ него сохранено, какъ будто-бы вновь сотворено. По смерти его ему стали приносить жертвы; это совершается и по нынѣ ежегодно, особенно весной, когда опушится лѣсъ, принося *Яикъ—хану* (Царь—потопу), на высокой горѣ бѣлую овцу; по смерти кого либо тоже молятся ему, чтобъ онъ проводилъ душу къ *Ульгэню* и очистилъ домъ; что онъ исполняетъ, по ихъ мнѣнію, пуская въ домъ потопъ и тѣмъ выгоняя *алдачи* (олицетворенная смерть).—Замѣчательно, что это совершается всегда въ 40-й день; о камланьѣ этомъ и вообще, мы упомянемъ въ другомъ мѣстѣ.—Сыновья *Нама* получили отъ него, послѣ потопа, въ благословеніе, другія имена. Когда одинъ изъ нихъ, *балыкчи* или *кар—улы* (черный или злой сынъ), третій

сынъ *Яикъ—хана*, занемогъ, онъ призвалъ человѣка по имени *Тянгара* и тотъ, наученный *Эрликомъ*, первый началъ камлать; до него же никто этого не зналъ и не дѣлалъ.—*Ульгэнь* объявилъ *Балыкчи*, что за такое приношеніе жертвы не ему, а *Эрлику*, онъ и всѣ послѣдователи его будутъ ему слугами, а послѣ смерти сдѣлаются его жертвами. *Тянгаръ* же объявилъ что отъ нынѣ онъ и подобные будутъ называться *Камъ*, и на землѣ никогда не будутъ имѣть богатства. Точно *Камы* и нынѣ всегда люди бѣдные.—Двухъ другихъ сыновей *Нама*, *Ульгэнь* благословилъ объявивъ, что отъ нихъ произойдетъ народъ благоразумный, знатели и пророки (*Яйладучи*) цари и ханы, и что одного изъ нихъ онъ возьметъ къ себѣ на небо.

Обѣщаніе Царя-Царей. — При этомъ *Ульгэнь* обѣщалъ, въ свое время, послать съ неба Царя, который будетъ Царемъ-Царей; сила его будетъ столь великою, что никакой богатырь его неодолѣетъ, имя ему будетъ *Калданъ-Каанъ*. Съ царями онъ воевать не станетъ, всѣ народы покорятся ему безъ войны, у него будетъ три богатыря [1]) для исполненія его дѣлъ.—Выше мы видѣли, что исторія о бытіи міра и дѣлахъ Божіихъ произошла и сохранилась въ слѣдствіи возложенной на *Майдере* обязанности записывать все что совершалось; *Майдере* передавалъ все написанное имъ тремъ своимъ писарямъ *Тидымини*, *Шигимини* и *Топшуну*; такъ преданія, въ ихъ спискахъ, расходились въ людяхъ и не могли погибнуть;—но все это, писанное въ небѣ, принялъ отъ туда на землю и передалъ живущимъ на ней *Тюрунъ—Музыкай*; по созвучію Моисей, но личность, понятія о которой довольно смутно. Онъ считался управляющимъ среднимъ изъ 99-ти міровъ, т. е. нашимъ; не менѣе того когда *Эрликъ* сотворилъ великое морское чудовище, звѣря, *андалма*, для пожранія поочередно всѣхъ людей, то довольно сильнымъ чтобъ побѣдить и уничч-

---

[1]) Любопытно знаменательное наименованіе перваго изъ нихъ:—Тэлеңгэй-ян-бербесьтенгысъ; (теленгей—*внезапный*; Ян—*подступъ*, Янп—ядымъ—*отнимаю*, *беру приступомъ*; Тенгысъ—*море—силачъ*; недающій, недопускающій внезапнаго подступа.

тожить его, оказался въ небѣ только *Тюрунъ—Мызыкай*, здѣсь уже принимающій будто бы образъ Спасителя, который для сего сошелъ съ неба, сдѣлался человѣкомъ родясь отъ дѣвицы *Эрькэ—Шюдюнь*; онъ ходилъ по всей землѣ, проповѣдывалъ и училъ, но никто не зналъ откуда онъ. Окончательно побѣдя и уничтоживъ звѣря, онъ слѣдовательно былъ истиннымъ избавителемъ всего человѣчества. Но вотъ, въ глубокой старости онъ ушелъ на небо,—объявивъ сыну *Созуну*, что возьметъ его туда; точно черезъ три дня онъ исчезъ такъ, что одежда осталась какъ была на немъ и ни поясъ ни завязки не развязались.—Отецъ поставилъ его пятизвѣздіемъ, (недалеко отъ больш. медвѣдицы).—Алтайцы замѣчаютъ хорошій и тяжелый для народа и скота годъ, по явленію этого созвѣздія, которое зимою мѣсяца два не бываетъ видно; весною особенно положеніе его отъ зап. къ сѣв. считается благопріятнымъ.—*Ячи* на небѣ служитъ посредникомъ между *Ульгэнемъ* и людьми, передавая имъ его благословенія и избавленія. Алтайцы и Кумандинцы признаютъ согласно, что всякое благословеніе идетъ чрезъ *Яик—хана*; на счетъ же наказаній мнѣнія ихъ разнствуютъ, первые считаютъ, что они приходятъ чрезъ *Ад—эбіого* (жилище—предковъ), вторые—чрезъ *Эрлика.*

Раздѣленіе языковъ;—надѣлъ Алтайскихъ инородцевъ.— Земля послѣ потопа оправилась; по скатамъ (*арка*—заднимъ) горъ выросли лѣса; народъ размножился, наполнилъ землю, всѣ говорили однимъ языкомъ. Боязнь потопа побудила ихъ построить огромнѣйшую гору,—*Ту*; они расположились 77-ю станами и начали работу. Богу было непріятно это дѣло; онъ насылалъ сильнѣйшія бури, которыми сбрасывало каменья и людей;—они продолжали. Былъ посланъ изъ нихъ же человѣкъ объявить, что они дѣлаютъ великое зло предъ Богомъ;—они не послушались и его; человѣкъ этотъ изчезъ. Тогда Богъ самъ сказалъ: — вы не послушали ни меня, ни посланнаго мною,—говорите-же разными языками.—Лишь только это было произнесено, въ каждомъ изъ 77-и становъ люди вдругъ

начали говорить своимъ, особеннымъ языкомъ, непонятнымъ ни одному изъ остальныхъ становъ; работа была брошена и станы разошлись по землѣ. Изъ нихъ составилось 77 народовъ. Эрликъ, чтобъ завладѣть ими всѣми, тотчасъ назначилъ каждому по одному *ѣткерю* (духъ бѣдъ и напастей) и по одной особенной болѣзни, сообразно съ свойствами народа. Богъ же, чтобъ оградить отъ злобы *Эрлика* людей и разумно уничтожать дѣйствія *ѣткерей*, далъ народамъ грамотность.—Но какъ изъ народовъ сихъ три происходили отъ *Балыкчи* и приняли отъ *Эрлика*, чрезъ перваго *Кама*, *Тянгера*, камланье и бубенъ, то Богъ не далъ грамотности тремъ народамъ этимъ:— Союнцамъ, Калмыкамъ (*Уранха*), и Черновымъ татарамъ (*Туба*); онъ сказалъ имъ:—вы добровольно сами приняли *Камовъ* вмѣсто лекарей и лекарства, а бубенъ вмѣсто книги, вѣдайтесь же своими *ѣткерями* какъ хотите.

Мѣсто пребыванія душъ по смерти.—Души по смерти людей отходятъ въ то мѣсто, гдѣ былъ сотворенъ первый человѣкъ, т. е. въ *Аррунъ—Сюдюнъ* (по Ойротски: по Алтайски-же *Ад — абіого*, — отечество предковъ; а по Телеутски *узютъ—ѣри*, земля умершихъ) [1]).—Мѣсто это невѣдомо, но находится на поверхности земли,—которая, какъ извѣстно состоитъ изъ семи слоевъ,—на верьху поставленъ отъ *Ульгэня* надзиратель *Тѣпкара*, а подъ первымъ слоемъ поставленъ надзиратель *Карашъ* отъ *Эрлика*; два стража эти безпрерывно спорятъ, до скончанія вѣка, о находящихся между ними душахъ.

Кончина вѣка.—Люди становятся тѣмъ грѣховнѣе, чѣмъ болѣе умножаются, т. е. чѣмъ долѣе тянется вѣкъ; это дойдетъ до того, что почти ни въ комъ не будетъ уже и страха къ грѣху. Смрадъ грѣховности отъ людей, восходя все выше и гуще, будетъ причиною все большаго удаленія отъ нихъ *Ульгеня*, а *Эрликъ* будетъ, въ той же мѣрѣ, подниматься къ нимъ

---

[1]) Называютъ еще:—*арбысъ—ѣри*, тамошнее мѣсто; *олъ—ѣри*, тотъ свѣтъ, или *кунъ іокъ—ѣръ*; *кунъ корюндесь—ѣръ*, мѣсто гдѣ солнце не показывается; *карангуй—ѣръ*, мѣсто—мрака.

изъ преисподней все ближе и наконецъ приблизится къ самому *Карашу* [1]), который выйдетъ на поверхность земли, чтобъ сразиться съ *Тепкара*. На помощь первому сперва прибудетъ *Керей* [2]), а потомъ и самъ *Эрликъ* [3]); на помощь же другаго; *Ульгэнь* пошлетъ сперва *Мангды—шире* [4]), а послѣ и *Майдера* [5]), сказавъ имъ—«вы не сражайтесь, а только стойте, уговаривая людей вѣрить мнѣ, но не вѣрить *Эрлику* когда онъ будетъ склонять ихъ; мнѣ жаль людей! И смотрите! не убѣйте разгнѣвавшись, *Эрлика* или кого изъ его богатырей, это будетъ грѣхъ! Пусть онъ убьетъ тебя; не будетъ ни страшно, ни больно; я приду самъ и возвращу васъ къ себѣ».— Такъ все и будетъ. *Эрликъ* станетъ заставлять людей бросать къ его ногамъ лѣстовку (*эрекэнь*, четки, знакъ молитвы Богу); поклапяться и вѣровать ему, обѣщая за то *свободу* и *всякое наслажденіе*, а противникамъ недостатки и муки. Предавшихся ему онъ тотчасъ будетъ нанизывать на тонкую проволоку (*ээликъ*); а не предавшихся—терзать и жечь; но имъ не будетъ ни больно, ни страшно, потому что *Ульгэнь* будетъ ихъ поддерживать до самой смерти. *Майдера*, уговаривая и склоняя многихъ, возбудитъ всю ярость *Эрлика*, который наконецъ и поразитъ его. Кровь *Майдера*, хотя онъ ростомъ *не великъ*, брызнетъ въ такомъ количествѣ, что обагритъ всю землю; она вспыхнетъ вся и пламя подымется до неба. — Тогда сойдетъ съ него самъ *Ульгэнь*, ударитъ въ ладони и вскрикнетъ:— «*встаньте мертвые!*»—Отъ дыханія его гласа встанутъ всѣ съ тѣлами своими; земля, вода, звѣри, рыбы возвратятъ всѣ частички тѣлъ ими истребленныхъ. Земля, черпая и испорченная грѣхами, со всѣмъ на ней и вмѣстѣ съ *Эрликомъ*, съ его силою и съ преданными ему,—сгорятъ; они сдѣлаются безтѣлесными, будутъ прокляты на всегда и, какъ мошки,

---

[1]) Назирающій людей, отъ Эрлика, и уловляющій ихъ души.

[2]) Начальникъ адскаго отдѣленія, принадлежащаго нашей землѣ.

[3]) Начало темныхъ силъ.

[4]) Главный богатырь и другъ Ульгеня.

[5]) Правитель нашего луннаго міра.

полетятъ въ преисподнѣйшія пропасти ада на муку.—Изъ бѣлаго слоя земли *Ульгэнъ* создастъ *землю новую*, а всѣхъ оставшихся ему вѣрными вмѣститъ *въ свои жилища*,—въ мірѣ высшемъ.

Міръ нашъ, лунный *айлу-ороны*, инородцы дѣлятъ па три части:—1) высшій *устюнгы ороны*, гдѣ *Ульгэнъ* и его слуги;—2) средній *ортонгы ороны* жилище людей живыхъ и мѣсто мертвыхъ;—3) нижній, подземный *алтынгы ороны*, гдѣ *Эрликъ* и его слуги.—Они въ очень живописной простотѣ выражаютъ на своемъ языкѣ эти отдѣлы міра такъ.—«Средній міръ перепоясывается по серединѣ; нижній—внизу, а верхній—подъ пазухами.»

Въ обширной легендѣ ихъ: *о признакахъ кончины вѣка* есть очень замѣчательные стихи и исчислены всѣ знаменія извѣстныя христіанамъ.—Небо затвердѣетъ какъ желѣзо; земля сдѣлается мѣдяною;—милостивый отецъ Богъ зажметъ уши свои;—возмутятся народы;—пойдутъ цари на царей, свои на своихъ;—всѣхъ людей воодушевитъ только вѣтръ вражій. Распадутся общества; умалятся люди, и великіе изъ нихъ будутъ *съ большой палецъ;*—не спознаютъ отецъ дѣтей, дѣти-отца и матери;—поводъ мужа будетъ коротокъ;—кромѣ ноги—*все будетъ начальникъ!*—Луковица будетъ стоить головы человѣка; — за слитокъ золота съ конскую голову не дадутъ горсти хлѣба;—подъ ногами будутъ валяться драгоцѣнности, да брать будетъ не кому. *Шандимы* [1]) невозможетъ тогда помочь, ни *Майдерè* ни *Мангды-ширè*. Какъ косами скосятся лѣса, дерева и травы; источники потекутъ кровью; разшатаются горы, застонетъ земля;—солнце и луна не дадутъ свѣта! и пр. и пр.

Вотъ главные кадры въ которыхъ развиваются религіозныя преданія.—За тѣмъ, съ узорчатыхъ и спутанныхъ разсказахъ этихъ легендъ, встрѣчается еще множество лицъ и событій, обстановленныхъ разными фантазіями, изъ временъ прежде и послѣ образованія царствъ и царей; т. н. п. является длин-

---

[1]) Хранитель жизни людей и животныхъ.

ная исторія знаменательнаго лица *Тэнгере-тѣдыэчи* (небо-заключителя);—преданіе о двукратномъ ежегодно поклоненіи народовъ Богу на горѣ; — объ ученіи письменномъ о вѣрѣ правой и о моленіи истинномъ;—о разсѣченіи мечемъ рѣки, воды которой разступаются и даютъ проходъ народу; о взятіи праведнаго на небо въ огненной колесницѣ; о брошенномъ имъ ученику мечѣ (вмѣсто милоти); о царѣ, который хочетъ помышлять только о Богѣ; объ изгнаніи и раззореніи народовъ не принимающихъ писаній закона даннаго свыше; о пылающей горѣ;—объ установленіи поста отъ послѣдняго грома до перваго грома [1]); о томъ, что кто крѣпко выучилъ всю книгу закона высшаго, съ сильною вѣрой, тотъ не сгоритъ и въ огнѣ;—о погубленіи передъ народомъ, который камлалъ всѣхъ его Камовъ, огнемъ, который сойдя съ неба, по молитвѣ и жертвѣ учителя, пожралъ ихъ жертвенники, жертвы и ихъ самихъ; — о другихъ чудесахъ въ доказательство которая изъ двухъ вѣръ истинная и которая лживая;—о продолжительной засухѣ, бездождіи и голодѣ;—о старушкѣ накормившей праведнаго послѣднею горстью муки, которая послѣ никогда не убывала у нее изъ кувшина,—о низведеніи дождя;—о праведномъ мудрецѣ, толковавшемъ царскіе сны и знавшемъ всѣ мысли царя;—о малорословъ человѣкѣ побѣдившемъ въ единоборствѣ великана-богатыря и отрубившемъ ему голову его же мечемъ;—о сошествіи *Тенгере* подъ землю, гдѣ онъ побѣдилъ злыхъ духовъ, и пр. и пр.—Наконецъ о великомъ священникѣ, проповѣдающемъ всѣмъ крещеніе, вѣру въ истиннаго Бога и осѣдлую жизнь; о данномъ ему народомъ и нѣсколько разъ, неисполненномъ обѣщаніи креститься;—даже о воинѣ на бѣломъ конѣ, явившемся чтобъ избавить праведную дѣвицу, которая предавалась на съѣденіе змѣю, выходившему изъ моря, для пожиранія людскихъ жертвъ, выставляемыхъ ему дурнымъ народомъ и царемъ.

(¹) Алтайцы въ прежнее время держали постъ,—что теперь совершенно оставлено ими.

III.

Посмотримъ теперь, что практика жизни и сознаніе инородцевъ выработали изъ ихъ священныхъ преданій,—чѣмъ и какъ выражается суевѣріе шаманисма этихъ идолопоклонниковъ? Мы ограничимся только общимъ бѣглымъ очеркомъ, такъ какъ подробное изложеніе предмета, на сколько оно возможно, было бы и слишкомъ обширно и не умѣстно въ нашей статьѣ, по главной ея цѣли.

Инородцы, Монгольско-татарскаго происхожденія, живущіе въ округахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ, всѣ идолопоклонники, (разумѣется кромѣ принявшихъ уже христіанство);—какъ по нарѣчію, такъ по вѣрованію и нравамъ они мало различествуютъ. Разсудительнѣйшіе изъ нихъ признаютъ единство божества; но по понятію всеобщему *Ульгэнъ* считается началомъ силъ свѣтлыхъ (*ару-нѣмъ*), а *Эрликъ*—началомъ темныхъ (*Кара-нѣмъ*). Признавая перваго существомъ высшимъ, они приносятъ кровавыя жертвы и другому, какъ богу-же; животныя свѣтлой масти, обреченныя въ жертву первому, выставляются на востокъ, черной—другому, на западъ. Независимо отъ сего они честятъ жертвами множество другихъ, подчиненныхъ первымъ, духовъ чистыхъ (*акъ-нѣмъ*) и нечистыхъ (*пыртакъ-нѣмъ*), тоже какъ боговъ, но гораздо, меньшихъ. Не довольствуясь этимъ, они поклоняются еще солнцу и лунѣ, горамъ, озерамъ и рѣкамъ, чтя жертвами духовъ ихъ обладателей или хозяевъ (*ээзи*), на основаніи того вѣрованія, что при разгромѣ и сверженіи *Эрлика* и его слугъ, каждый изъ нихъ *на что* упалъ, *тому* и сдѣлался хозяиномъ-обладателемъ, получивъ силу и право всячески вредить человѣку и даже умерщвлять его въ своей области. На всякой высокой горѣ набрасываютъ груды камней и втыкаютъ въ нихъ палки съ подвѣсками тряпокъ и конскихъ волосъ, въ признательность горѣ за то, что она дозволяетъ подыматься на ея высоту.—Кромѣ многочисленности этихъ общихъ боговъ, каждый родъ имѣетъ еще своего собственнаго, фамильнаго. Понятно въ какомъ постоян-

номъ смущеніи и страхѣ долженъ находиться духъ и умъ несчастныхъ людей этихъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, во всемъ, божествами злобными, коварными и враждебными, требующими постоянно умилостивительныхъ, кровавыхъ и разорительныхъ жертвъ?—Для олицетворенія Божествъ дѣлаются безобразныя куклы, ставятся шесты обвязанные тряпками, съ подвѣсками изъ конскаго волоса, и т. п. Жертвоприношенія *Ульгэню*, высшему доброму началу, рѣдки, за множествомъ случаевъ умилостивленія всѣхъ возможныхъ божествъ, ибо при жертвахъ и приношеніяхъ призываются еще и души умершихъ родственниковъ, и отдѣляется еще часть жертвенной пищи и питія огню, оспѣ, и др. болѣзнямъ, чтобъ смягчать демоновъ (*ъткерей*), которые производятъ ихъ. Для каждаго женатаго считается однако обязательнымъ три раза въ жизни принесть жертву *Ульгэню*; иначе онъ передастъ судъ надъ неисполнившимъ это, *Эрлику*, а тотъ конечно уже не замедлитъ послать *ъткеря* для расправы; у инородцевъ есть выраженія: « *Эрликъ-билъ Ульгэнь янчысь эжикту*» , (къ Эрлику и Ульгэню одни двери), или *Эрликъ билъ Ульгэнь ягы-алыштү*, (они передаютъ одинъ другому, или взаимно принимаютъ, судъ).

Вѣру свою они считаютъ фаталистически назначенною въ удѣлъ ихъ племени, такъ какъ всѣ вѣры и всѣ языки были распредѣлены единожды на всегда всѣмъ народамъ. Не менѣе того,—кромѣ развѣ самыхъ дикихъ и закоренѣлыхъ,—всѣ свободно признаютъ эту вѣру дурною, гибельною, бѣсовскою; ясно, практически убѣждаясь, что не только на мысль и сердце, но и на тѣло, бѣсы дѣйствуютъ осязательно, видимо, зловредно и мучительно. Нѣкоторые, но и ихъ остается съ года на годъ менѣе, суровы, неприступны, холодны какъ ихъ скалы и могутъ помѣряться съ самыми цивилизованными нигилистами. Съ младенчества до смерти , которою , по твердому убѣжденію ихъ оканчивается все безпослѣдственно, они знаютъ только одно,—свое *я*, и это *я* чисто животное; пища, здоровье, наслажденіе какое имъ можетъ быть доступно ,—вотъ

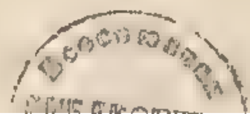
все. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе отъ медвѣдя; чѣмъ же они менѣе образованы пресловутаго профессора нашихъ дней, I. *Ренана* подражателя другимъ, ведущаго весь человѣческій родъ отъ какого-то животнаго, внезапно очеловѣчившагося!—медвѣдь, обезьяна, — не все ли равно? Другіе еще тщеславнѣе, они увѣряютъ, что имѣютъ ближайшими друзьями бѣсовъ, даже самаго шайтана (высшаго изъ злыхъ духовъ) и торжественно гордятся тѣмъ, что по смерти сами будутъ злыми духами! Эти уже прямо спириты.....

Наибольшая-же часть, неисключая и шамановъ (*Камовъ*), знаютъ, что изъ вѣры этой имъ *непремѣнно нужно выйти*, и что каждый непремѣнно выйдетъ въ свое время; самый извѣстный изъ нихъ совѣтывалъ всѣмъ креститься,— «и я окрещусь,—говорилъ онъ,—когда настанетъ мое время; шаманю-же *изъ хлѣба: жить надобно!*»—Этимъ словомъ *Кама*, дѣло опредѣляется ясно.—Перемѣну вѣры люди эти вообще признаютъ совершенно тождественною съ перемѣною подданства; многіе собственно потому лишь не крестятся, не смотря на желаніе, что увѣрены будто-бы *начальство* сочтетъ это за измѣну или за непостоянство и отступленіе отъ общаго положенія и признаетъ это непріятнымъ для себя.—Вопросъ:—при первой, сейчасъ приведенной увѣренности ихъ, кто же могъ привить имъ эту?.....

Собственно молитвы общественной, какъ и религіозныхъ обрядовъ въ семействахъ и юртахъ, ни для какого случая жизни у нихъ нѣтъ. Только ужасъ, боязнь, страхъ гибели, личной и имущественной, отъ злобы бѣсовъ, вынуждаютъ всѣ ихъ жертвища и гаданья; при чемъ, стараясь избѣгнуть раззоренія, они всегда окончательно раззоряются именно этимъ; скотъ безжалостно изводятъ, рѣжутъ и терзаютъ, съѣдая мясо, изъ котораго шаману достается хорошая доля.

Принявъ въ соображеніе все сказанное, не трудно понять, что суевѣріе инородцевъ сихъ заключается въ трехъ предметахъ, которыми оно держится, какъ корнями, глубоко ушедшими въ почву ихъ невѣжества, природной трусости и стра-

ха внушаемаго бѣсами; страха не мнимаго только, а фактически оправдываемаго безчисленнымъ множествомъ испытанныхъ инородцами на себѣ, и всѣмъ извѣстныхъ тамъ, дѣйствій.—Три предмета эти суть:—*Камъ*; *Бубенъ*;—и *Камланье*; вотъ символы, орудія, связи, контракты.—*Камъ* (шаманъ, кудесникъ, заклинатель), то-же, если угодно, что древнія пиѳіи, волхвы, обаятели, жрецы; что въ низшихъ слояхъ кликуши, бѣсноватые, колдуны,—а въ высшихъ—новѣйшіе столгадатели, медіумы, вызыватели духовъ.—Околичности, пріемы, явленія, отношенія, сообразныя съ степенью понятій, съ средою и т. д. разумѣется необходимо другія; но сущность самаго дѣла, безъ маски, все та-же. Настоящій производитель слишкомъ уменъ и умнѣе всѣхъ умныхъ людей, для того, чтобъ не знать какъ, до, и со времени земной жизни Іисуса, въ Его присутствіи, и до нашихъ дней, нужно дѣйствовать съ учеными и невѣждами; съ мудрователями и съ довѣрчивыми, въ столицахъ, въ деревняхъ, въ трущобахъ Алтая; и какія именно средства гдѣ необходимы, какъ для цивилизованныхъ, такъ и для дикарей.—*Камъ*, по общему увѣренію инородцевъ, никогда не принимаетъ этой должности добровольно; напротивъ того, онъ естественно противится—волею и умомъ принятію; но это родъ инкубаціи, которая съ дѣтства, получается отъ родителей, по наслѣдству, какъ болѣзнь. Она начинается какимъ-то особеннымъ расположеніемъ, настроеніемъ духа; потомъ легкими припадками, которые невольно все усиливаются, наконецъ продолжительнымъ безуміемъ.—Когда это дойдетъ до извѣстной степени, *Камъ* уже не можетъ не быть *Камомъ*.—Онъ тогда закабаленный слуга нечистыхъ духовъ; нужно замѣтить какъ сказано, что тутъ побужденія къ богатству нѣтъ,—*Камы* наибольшею частью бѣдны, камлаютъ они лишь для хлѣба; этого мало, большинство изъ нихъ изуродованы, скрючены, косы, хромы; не отъ природы, а отъ своего дѣла и главнаго дѣлателя; къ тому-же ихъ не только не уважаютъ, но презираютъ; люди боятся не *Кама*, а *Бубенъ*.—Были охотники желавшіе сдѣлаться *Камами*, но не смотря и на жела-



ніе не могли;—очевидно начальникъ ихъ любитъ самъ избирать служащихъ ему.

Бубенъ (ягалъ или тюнгуръ) вотъ главное бѣсовское орудіе, истинный обладатель инородцевъ.—Они вѣрятъ и опытно знаютъ, что въ бубнѣ живетъ самъ духъ, хозяинъ его, (*тюнгюръ—ээзи*) и что при камланьѣ, по призыву *Кама*,—(которому, по призванію его на это духами, дается и необходимое право,—какъ медіумамъ спиритовъ),—въ бубенъ тотчасъ сбираются демоны (*чалуларъ*). И точно, постоянно дознано, что по уничтоженіи бубна съ людей такъ сказать видимо снимается страхъ, ужасъ и тревожность совѣсти, подъ обаяніемъ которыхъ они находятся. Бубенъ,—какъ символъ, буква, связь, наружное заявленіе того, что чрезъ его посредство проявляется злой духъ,—бубенъ во всѣхъ его частяхъ, подробностяхъ и принадлежностяхъ, до самой размалевки, имѣетъ свое значеніе; въ этомъ общемъ символѣ, каждая побрякушка есть опять частный символъ.—Надлежащимъ образомъ устроенный бубенъ обновляется и вводится въ употребленіе жертвами и заклинаніями.

Камланье есть жертвоприношеніе, гаданье или колдовство и вмѣстѣ леченье. Само по себѣ это—грубое представленіе, комедія; но комедія глубоко потрясающая, ужасающая не только образованнаго человѣка, а и грубаго, закоренелаго дикаря, уже съ ребячества привыкшаго къ дѣлу. Бѣсъ беретъ ужасомъ здѣсь, то что пріобрѣтаетъ отъ образованныхъ чрезъ ихъ мудрованія, невѣріе, пытливость, нервность, тщеславіе, научность, самомнѣніе и т. п. Сущность игры одна и та-же. *Камъ* назначенный на это, съ дѣтства, частію отъ природныхъ болѣе темныхъ силъ получившій такое настроеніе,—и въ послѣдствіи постоянно побуждавшій себя,—всѣми силами желанія, воли, души и тѣла, устремляется, извѣстнымъ ему внутреннимъ дѣйствіемъ,—(о немъ спросите сильныхъ магнетизеровъ,—духовидцевъ,—спиритовъ,—медіумовъ,—мормонскихъ прорицателей и т. п.),—къ пріискреннему общенію съ невидимыми демонами и совсѣмъ адомъ,—*Камъ*, при дѣйствіи для возбужденія

себя, бѣшено бьетъ въ бубенъ, потрясаетъ неистово тѣломъ, кривляется, шумитъ, звенитъ всѣмъ что на немъ навѣшено; кричитъ,—но крикомъ столь особеннымъ и неестественнымъ, что даже и привыкшіе къ нему проникаются ужасомъ до мозжечка костей! Онъ предается дѣйствіямъ непонятно-дикимъ, изступленнымъ, раздирающимъ душу, и какъ-бы всѣхъ, все и самаго себя низвѣргаетъ въ пропасти ада!.... Все что происходитъ съ нимъ отражается и на другихъ:—печать мрачности и ужаса на лицѣ;—звѣрство выраженія;—глаза дикіе, налитые кровью;—кривлянье; — упорство, глупость, ложь въ рѣчахъ..... Все это сильно дѣйствуетъ на народъ; сообщается ему, какъ будто прилипчиво; болѣзненно терзаетъ его, оскверняетъ умъ и сердце, отупляетъ разсужденіе и природную понятливость къ добру; словомъ содѣлываетъ людей такими-же скотоподобными какъ *Камы*,—родъ которыхъ отличается этимъ отъ всѣхъ прочихъ.—Потомъ,—при каждомъ жертвищѣ, животныхъ не слыханно—мучатъ и терзаютъ; припавъ къ ихъ внутренностямъ жадно пьютъ горячую ихъ кровь, обмазавъ ею руки, лица, бороды, одежды, кумиры и чучелы!.... Обжорство, злосмрадіе.... все это отвратительно—ужасно!! Все это дьявольское, сродное съ ихъ дикою страною и бытомъ; но можетъ быть дьявольское же и въ другихъ видахъ, при другихъ условіяхъ быта и цивилизаціи. Результатъ конечный, тамъ и тутъ—одинаковъ.

Обрядъ камланья по разнымъ случаямъ, сообразно ихъ характеру и обстоятельствамъ, составляетъ драму, импровизуемую *Камомъ*, по внушенію духа; всегда хитрую и вполнѣ разсчитанную соотвѣтственно цѣли и необходимости произвесть требуемое вліяніе. Драмы эти многоразличны, разнохарактерны, какъ по многоразличію самыхъ случаевъ, такъ и по множеству демоновъ,—если угодно,—духовъ. Приведемъ хотя одинъ примѣръ камланья *комическаго*. — Выше сказано, что когда скотина не ведется призываютъ и ублажаютъ жертвами *Яикъ-хана*, на томъ основаніи, что умершіе родственники уводятъ скотъ къ себѣ, въ жилище мертвыхъ, но что *Яикъ-ханъ*, вслѣдствіе извѣстныхъ дѣйствій *Кама* отнимаетъ или лучше ска-

зать выгоняетъ оттуда скотъ *потопомъ*. Комическая идея эта, привязанная однакоже къ дѣлу, въ которомъ заключено рѣшительно все благосостояніе инородца, приводится въ исполненіе такимъ образомъ, что сами жертвоприносители смѣются вдоволь—и все таки прибѣгаютъ къ этому обряду! Прежде всего *Камъ* измарываетъ себѣ рожу сажей; умершіе могли сталкиваться съ нимъ въ жизни, а потому онъ долженъ прибѣгнуть къ этому средству, чтобъ они ни какъ не узнали его. Пантомимная сцена, вмѣстѣ разговорная и чрезвычайно-оживленная, открывается тѣмъ, что *Камъ* приходитъ будто-бы въ жилище умершихъ родственниковъ, *(узюттеръ ъринэ)*, привѣтствуетъ ихъ, пускается въ различные хитрые разговоры, въ которыхъ онъ передразниваетъ ихъ голоса, движенія и ужимки; поетъ—какъ они пѣвали; подчуетъ ихъ виномъ и напаиваетъ до пьяна, изъ чего, разумѣется, возникаютъ новыя сцены умершихъ напившихся, поющихъ и кривляющихся. Но именно въ это-то время внезапно приходитъ въ ихъ жилище *потопъ* и начинаетъ свою работу. Съ необыкновенной живостью *Камъ* изображаетъ суетливость, испугъ, ужасъ, вопли умершихъ; всѣ усилія ихъ остановить потопъ посыпаніемъ золы и др. средствами. При этомъ смятеніи онъ угоняетъ у нихъ скотъ; они бѣгутъ за Камомъ, узнаютъ что онъ пришелъ отъ ихъ родственниковъ, упрекаютъ;—онъ разувѣряетъ ихъ, увертывается;—за нимъ посылаютъ погоню, и пр. и пр. Всё это представляется въ лицахъ, однимъ лицемъ *Кама*, и точно составляетъ весьма искусно-веденный балаганный фарсъ. Такого-же рода бываетъ комедія очищенія дома въ 40-й день послѣ умершаго; дѣло въ томъ, что и тутъ *Яикъ-ханъ*, невидимо пускаетъ въ домъ *потопъ* и выгоняетъ имъ *Алдачи* (олицетвор. смерть); но безъ *Кама* онъ этого не сдѣлаетъ; приносятъ въ жертву овцу; потомъ привязываютъ пѣтуха къ постели умершаго; *Камъ* производитъ это дѣйствіе свое сидя и наконецъ освобождаетъ семью—.... отъ овцы, отъ пѣтуха и отъ *Алдачи!*....

Закончимъ этотъ отдѣлъ нашей статьи приведеніемъ нѣко-

торыхъ рѣзкихъ чертъ нрава инородцевъ, какъ потому, что тѣснѣйшую связь, солидарность нравовъ съ религіозными понятіями и практическимъ приложеніемъ ихъ къ жизни, ни кто не отвергалъ, ни гдѣ,—а въ народѣ нецивилизованномъ она, выражается несравненно ярче,—такъ и потому, что именно всѣ эти черты измѣняются тотчасъ въ инородцахъ по принятіи ими крещенія, и измѣняются въ такой степени, которая мудрователямъ-цивилизаторамъ, отвергающимъ всякое благодатное вліяніе духа самой вѣры, а ищущимъ *всего* въ стіхійной лишъ научности и внѣшней цивилизаціи,—непререкаемо доказались-бы (еслибъ они пожили нѣсколько лѣтъ съ инородцами), что при томъ незримо—маломъ пріемѣ образованности внѣшней, которая прикасается ихъ послѣ крещенія, столь сравнительно-значительная перемѣна въ нихъ, внуттенняя, нравственная, духовная, была-бы ни чѣмъ не объяснима, еслибъ съ пріятіемъ истинной вѣры, на нихъ не дѣйствовала ея благодать.

О чрезмѣрной неопрятности кажется не слѣдуетъ упоминать; она понятна между людьми живущими, какъ животныя въ загонѣ, въ юртахъ и чумахъ своихъ; можно только сказать, что кто не видалъ неопрятность эту самъ, тотъ не можетъ никакъ представить себѣ всю ея мѣру. Грязь, потъ, міріады насѣкомыхъ, дымъ, скотъ, одежды неснимаемыя, непровѣтрянныя, испачканныя кровью, смердящія;..... и ко всему этому лѣнь и почти *водобоязнь*—чтобъ не мыться!—Жить обществами вообще (особенно Бійскіе) не любятъ; почти всѣ некрещенные кочуютъ; юрты ихъ изъ бересты, войлока, а болѣе изъ лиственной коры. Племя Тогульцевъ и Кумандинцевъ живетъ улусами; но изъ нихъ мало кто имѣетъ хоть нѣсколько порядочное домоводство. Порядокъ управленія, какого-бы то нибыло, такъ не по нутру ихъ безпечности, самоуправству, дерзости и жестокости, развиваемой камланьемъ и началовожденіемъ его, что собранія общественныя, гдѣ они есть, у нихъ почти никогда не обходятся безъ дракъ и побоевъ всегда жестокихъ.—Женщины составляютъ рабочій и продажный скотъ;

матери лишены права надъ дѣтьми; дѣти суровы, непочтительны, не имѣютъ къ нимъ отношеній, которыя хоть бы нѣсколько походили на человѣческія, естественно-необходимыя.—Въ словѣ и дѣлѣ они вообще нечестны; вольница, лукавство, воровство, крайнее безстыдство, безчиніе, пьянство,—удѣлъ огромнаго большинства, особенно закоренѣлыхъ, въ извѣстномъ возрастѣ.—Многоженство, и самарянскій обычай брать женъ умершихъ братьевъ или ближайшихъ родственниковъ, или продавать ихъ въ замужество, или, народомъ, безъ согласія выдавать старухъ за мальчиковъ и обратно;—запродавать невѣсту въ малолѣтствѣ, даже въ утробѣ матери, чтобъ долгіе годы выплачивался или заработывался за нее женихомъ раззорительный калымъ; взыскивать этотъ калымъ, будто-бы не выплаченный, часто съ дѣтей и внуковъ; — а отсюда безконечныя фамильныя распри, притѣсненія, насилія, грабежи. По капризу прогонять отъ себя женъ, брать другихъ, а иногда и прежнихъ,—вотъ обычаи.—Понятно въ какомъ настроеніи выростаютъ дѣти?

Любятъ часто посѣщать другъ друга; первый вопросъ, встрѣчаясь или входя въ юрту:—*Эзень-бе?* (здоровы-ли); *Эзень* (здоровъ).—*Не табышъ—баръ?* (что новаго?); тутъ начинается разсказъ и распросъ о всемъ возможномъ. Эта безпрерывность посѣщеній и неотложность немедленной передачи слуховъ, причиною того, что всякое извѣстіе разносится и оглашается съ чрезвычайною быстротою по улусамъ и кочевьямъ.—Курятъ много и передаютъ трубку изо-рта-въ ротъ, во время бесѣдъ этихъ.—*Яхши, амыръ, энчу ясааръ-ба* (благополучно-поживаете?), привѣтствіе избранное; *ядыбисъ*! (живемъ).—Отходя говорятъ: *эзень—болзынъ*, (прощай, будь здоровъ). Русскихъ большею частью понимаютъ, но не говорятъ по русски; тоже и Русскіе—на оборотъ, хотя многіе знаютъ ихъ нарѣчіе. Неприличной нашей народной брани, не имѣютъ;—пословицъ нѣтъ или очень мало кое какихъ поговорокъ; собственно пѣсней тоже нѣтъ, а существуютъ отрывки легендъ, объ Алтаѣ, исполненные поэтическихъ своего рода описаній и

сравненій, а такъ же благожелательные и наставительные;—всѣ напѣвы заунывны.—Форма разбирательства споровъ между ними обычная, есть собственно третейскій судъ; избираютъ изъ среды себя, разумѣется, самаго уважаемаго, наиболѣе-же обращаются къ Миссіи, такъ какъ и некрещенные особенно почитаютъ *Абыса*, (*Абба*, священника), и это, собственное побужденіе сознанія совѣсти инородцевъ и выраженіе ихъ довѣрія, было всегда главнѣйшимъ поводомъ притязаній къ Миссіи со стороны земскаго и полицейскаго чиновничества;—Миссія-де вмѣшивается не въ свои дѣла!?—Ближайшее ихъ, свое, начальство: *Зайсанъ*,—наслѣдственный старшина; въ другихъ племенахъ его зовутъ *Баштыкъ*. *Демича*,—старшина.

Приводимъ, для любопытства, нѣсколько ихъ собственныхъ именъ:—*Тувашъ*, — *Путый* (*женс.*); — *Чермошка*; — *Таканай*;—*Ээбаякъ*;—*Тутувай*;—*Тюкпень*;—*Тюзюнюкъ*;—(*женс.*) *Кэчегей* (*женс.*);—*Чугичунъ*;— *Уулчакъ*;—*Бильбезенъ* (*женс.*)—*Саксаякъ*;—*Уйгучакъ* (*домикъ*); —*Сеолокъ*;—*Колунакъ*;—*Посучакъ* (теленокъ) ;— *Керенетъ* (негодяй); — *Анныякъ* (отъ имени Анна); и пр. и пр.—Наибольшая часть изъ нихъ чрезвычайно бѣдны, продовольствіе извлекаютъ изъ звѣриныхъ промысловъ и сбора кедровыхъ орѣховъ;—исправные же болѣе отъ скотоводства; крещеные занимаются хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ.

IV.

Приведенныхъ свѣдѣній достаточно для знакомства съ природою края и племенъ, которыя, какъ отдѣлившіяся отъ штамба вѣтви, проникли въ него,—чтобъ искать простора и свѣта. Но этотъ просторъ и свѣтъ, къ которому ихъ тянетъ благая воля божественнаго провидѣнія, будутъ-ли даны имъ благою-же волею тѣхъ, кому, именно для сего, издавна подаренъ капиталъ, неистощаемый этого рода ссудами?—Вотъ вопросъ?—Когда извѣстно: охранялся-ли зорко капиталъ этотъ,—не расхищенъ-ли онъ,—не замѣненъ-ли фальшивою монетой,—вла-

дѣльцы поняли-ли цѣну и назначенное употребленіе этого сокровища или, пренебрегая имъ, допустили наваливать на него, въ сокровищницѣ, столько всякаго хлама, что уже и сами не могутъ дорыться до него?—Когда это извѣстно,—то и неизвѣстное выводится; вопросъ разрѣшается самъ собою. Промыслительное сопоставленіе Россіи,—географическое, историческое, нравственное и религіозное,—съ Европою и Азіей, безошибочно-ясно опредѣляетъ *призваніе* и *назначеніе* ея православія.—Мы безъ умолка повторяемъ русская *почва* (?!), Россія,—Русь! будто бы въ этомъ заключено *всё*, или, покрайней мѣрѣ все главнѣйшее? Мало знать родъ, фамилію, даже имя и отчество человѣка, даже и положеніе его въ извѣстной средѣ, чтобъ знать его самаго;—для этого необходимо знать *его духъ*, руководящій его мыслью, которая руководитъ всѣми его дѣйствіями. Нерѣдко къ слову *русскій*, было-бы вполнѣ необходимо теперь присоединять: *православный*, а то часто выходитъ что-то, какъ нынѣ выражаются, *немыслимое*....

Жизненное *призваніе* и *назначеніе* болѣе-ли или менѣе цѣнится, уважается, постигается?—Постановлено-ли оно управленіемъ страны себѣ въ высокую обязанность?—Лица наиболѣе вліятельныя и дѣятельныя, а подъ ихъ инициативою и другіе, по ступенямъ законодательной, бюрократической и административной лѣстницѣ, поняли-ли, приняли-ли первозданную формулу эту въ основаніе своихъ построеній, разсчетовъ и въ соображенія ожидаемыхъ результатовъ?—Убѣдились-ли въ той тоже *научной* правдѣ, что употребленіе формулы лживой, вмѣсто истинной въ чемъ-бы то ни было, необходимо должно привесть къ результатамъ тоже лживымъ?—Вотъ вопросы. Отвѣты на нихъ свидѣтельствуются фактами, а не рѣзковѣщательными возгласами и разнохарактерными фразами.

Всякая вѣра *обязываетъ* всякаго исповѣдника ея; во сколько-же болѣе обязываетъ истинная, православная вѣра и ея церковь, непререкаемо и небезнаказанно? Если частная бездѣятельная, невліятельная личность, не соблюденіемъ или отверженіемъ ея основныхъ законовъ, ея духа, наноситъ вредъ

только себѣ, то цѣлая масса людей въ государствѣ, отравляетъ этимъ всѣ питательные соки жизни общей, а чрезъ нихъ портитъ ростъ и созрѣваніе нравственныхъ, разумныхъ силъ, двигателей силъ вещественныхъ; замедляетъ всякій истинный успѣхъ и нерѣдко, на цѣлые десятки и сотни лѣтъ, совращаетъ и деморализируетъ геній народа и его развитіе.

Вѣротерпимость,—безподобное отличіе православія,—и невмѣшательство Церкви Православной въ дѣло свѣтскаго владычествованія, дозволяя всѣмъ безъ изъятія иностраннымъ исповѣданіямъ находить свободу, законную ограду и покровительство въ Россіи, свидѣтельствуютъ о закваскѣ, такъ сказать, того истинно-высокаго духа православнаго просвѣщенія внутренняго, котораго мы не находимъ во всѣхъ будто-бы свободахъ, во всѣхъ будто-бы *гуманныхъ тенденціяхъ* странъ, опередившихъ насъ въ просвѣщеніи внѣшнемъ, но далеко, далеко отсталыхъ въ главнѣйшемъ, въ томъ что одно воистину связываетъ союзомъ любви, созидаетъ прочно и вѣрно,— если и не спѣшно.—По моему взгляду, уступчивость по вѣрѣ не нудя, не насилуя ни чьего обращенія, есть антиподъ того нигилистическаго гуманисма, того безсмысленнаго, космополитическаго индиферентисма и напоснаго либералисма загромоздившаго всѣ рынки фальшиво-штемпелеванною своею монетой,—которые особенными покровительствами, заботливостями, преимуществами и правами, даруемыми чужимъ исповѣданіямъ, ставятъ свое, владычествующее, ниже иностраннаго; открываютъ право широкой пропагандѣ, самой опасной, потому что она коренится и возращается въ странѣ собственною ея холодностью и неуваженіемъ къ *своему*, самому законному, важному, святому, завѣтному и всенародному. На сколько же важнѣе царствованіе подобныхъ,—если угодно,—*принциповъ* тамъ, гдѣ по сосложенію множества обстоятельствъ, въ числѣ вліятельныхъ дѣятелей, отъ начальника области до мельчайшаго чиновника, отъ профессора до учителя сельской школы, отъ публициста-педагога и наставителя воспитательнаго заведенія, до няньки, изо-ста человѣкъ едва-ли не тридцать и болѣе,

католикъ, лютеранинъ, еврей или безвѣрецъ?.. Чего ждать для дѣла, для чувства, для жизни,—не говорю Русскаго-гражданина-космополита, а православнаго сына православной матери, Россіи? Чего ждать государству и народу православному отъ дѣятелей неправославныхъ, презирающихъ православіе—или заклятыхъ враговъ его?. Тѣмъ болѣе чего же ждать идолопоклонникамъ, преданнымъ Богомъ Россіи, для введенія ихъ въ лоно истины? Того, разумѣется, что выходитъ;—со смоквъ не снимаютъ винограда!—А семидесятимилліонный народъ, развѣ на него все это не вліятельно; развѣ для него все это можетъ быть вѣчно-*индиферентно?!*... Глашатаи и адепты новѣйшихъ ученій, опровергаемыхъ обыденно фактами жизни, безъумолка жужжатъ многословную, одномысленную свою пѣсню;—«не все-ли равно жидъ, католикъ, мусульманинъ, лютеранинъ, православный, деистъ или пигилистъ, — лишь бы были въ прогрессѣ, дѣятелями утилитаріями, свободными; лишь бы были вѣрнопреданными странѣ».—Но,—свободу даетъ «*истина*», а не ложь.—Но,—вѣрность по условію, контракту, найму, и научнымъ законамъ ума,—не вѣрность по вѣрѣ; но—«гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше». Но—любить всѣхъ, другъ друга, церковь научаетъ,—«да единомысленно исповѣдуемъ Троицу единосущную и не раздѣльную»;—единомысленно, т. е. безъ этого единомысленнаго исповѣданія, не можетъ быть и истинной любви другъ къ другу, а можетъ быть только ложная.—Истинно свободный, въ лонѣ свободной, истинной церкви Христовой, очень вѣрно знаетъ, что всѣ успѣхи, всѣ возможныя пользы, все прочное благосостояніе его отечества, заключается: въ его Вѣрѣ, въ его жизни Русской по православію, а не по имени только. Ищущимъ этого *прежде всего*, вся *прочая прилагаются* въ свое время и всегда во-время;—потому-то изъ этого всегда выходятъ плоды питательные, сочные, а не красивые, но гнилыя и ядовитыя.

Религіозное безразличіе;—порядокъ и побудки жизни гражданской, отъ альфы до омеги движущейся и строющейся не только не согласно, но на перекоръ порядку жизни по вѣрѣ;—

гуманная заботливость о всемъ чужомъ до стѣсненія всего своего;—либирализмъ узаконяющій безвѣріе въ пользу свободы, и эту-то свободу, т. е. самодурство, распашку страстности, неразумныхъ, незрѣлыхъ спекуляцій неопытныхъ умовъ, да горяченькихъ зазывовъ крови, плоти и жаднаго исканія наслажденій и конфортовъ, обратившій въ тяжкое подавленіе истинной, высокой свободы совѣсти и вѣры;—мудрость замѣненная дикими мудрованіями,—все это можетъ быть *прогрессомъ* разрушенія, но никакъ уже не было и не можетъ никогда быть *успѣхомъ* созиданія......

Возвратимся однако-же къ частному предмету нашему, отъ котораго мы отклонились,—впрочемъ весьма не далеко.

Мы уже сказали, что о началѣ просвѣщенія инородцевъ, съ которыми мы ознакомились въ предшествовавшемъ очеркѣ, до 1830-го года вся заботливость ограничилась какимъ-то мимолетнымъ проблескомъ, угасшимъ безслѣдно. Между тѣмъ Киргизскія депутаціи бывшія въ С.П.Б. въ 1829 г., въ числѣ прочихъ просьбъ ходатайствовали именно о томъ, чтобъ — «мечетей и школъ у нихъ не заводить, Ахуновъ и указныхъ Муллъ не опредѣлять, и позволить имъ неотдавать дѣтей учиться въ школы.» — Каковы-бы ни были побужденія инородцевъ къ этому домогательству, они открыто заявили передъ правительствомъ нерасположеніе свое къ мусульманству и нежеланіе вводить въ него новое поколѣніе свое. Еслибъ мы предложили отгадать:—что должно было истечь изъ этого заявленія?—вѣроятно ни кто не угадалъ-бы. Вотъ что.—Не прошло года послѣ этого, первое правильное Алтайское миссіонерство прибыло въ страну, съ первоначальнымъ назначеніемъ весть дѣло проповѣди Евангелія съ Кокчетовскаго округа. Съ перваго же шага главный начальникъ края объявилъ: пріостановить всякое дѣйствіе въ Киргизской степи, излагая что особеннымъ препятствіемъ къ отправленію туда Духовной Миссіи есть именно указанный выше пунктъ прошенія инородцевъ?!—Слѣдовательно православные Миссіонеры, священники и учители, очевидно были приняты, поняты какъ Улемы и

Муллы мусульманскіе! Но любопытнѣе еще то,—вѣроятно все на основаніи того же пункта прошенія инородцевъ,—что съ этого времени началось дѣятельное учрежденіе у нихъ училищъ и мечетей; а начальство объявившее Миссіи, что для дѣла Евангельской проповѣди *еще рано*, довело это дѣло до того, что теперь мечети и училища есть уже во всѣхъ городахъ и укрѣпленіяхъ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ-же округѣ чрезмѣрная заботливость нашего вѣропокровительства устроила ихъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ при мечети всего только два дома, Чалоказака—Муллы да его сына!... Училища съ мечетями нераздѣльны, первое всегда помѣщается въ нижнемъ этажѣ самой мечети; указный Мулла поставленъ въ каждую волость; едва-ли не въ каждомъ аулѣ, гдѣ отъ 10 до 20 юртъ, есть еще сверьхъ того неуказный Мулла, обучающій дѣтей татарской грамотѣ. Въ виду этихъ распоряженій православнаго начальства, вопреки заявленнаго инородцами нежеланія, для пропаганды мусульманства, учители корана изъ средней Азіи,—разумѣется не столь образованно-индиферентные и вѣротерпящіи какъ мы,—и всегда свободно къ намъ пріѣзжающіе, начали являться чаще и въ большемъ числѣ; постоянно усиливая вліяніе свое на инородцевъ. Этотъ опытъ удовлетворенія заявленнаго инородцами *сознанія*, ведется 30 лѣтъ! Употребляемъ слово *сознаніе*, потому что юная философія наша сильно выѣзжаетъ на непремѣнномъ требованіи «*сознанія*» когда дѣло коснется желанія идолопоклонника войти въ свѣтъ христіанства; будто стремленіе выйти изъ мрака, варварства, лжи, подавляющихъ душу,—не есть самое очевидное, сильное и лучшее *сознаніе*?—Далѣе это пояснится еще болѣе.—Такова была главная *дѣятельность*, въ продолженіе тридцати лѣтъ, по истеченіи которыхъ высшее начальство края, на прошеніе Миссіи не о правахъ и льготахъ, а объ устраненіи нѣкоторыхъ препятствій, отвѣчало,—что «теперь наши *уже опоздали* обращеніемъ Киргизовъ, и что можно развѣ *попробывать* это на р. Черномъ-Иртышѣ или у дико-каменныхъ Киргизовъ при

озерѣ *Иссыкъ—Куль*, (т. е. за Китайской границей!—не замѣчательно-ли это?),—гдѣ Магометанство еще не утвердилось.»

Вотъ—*дѣятельность*; взглянемъ и на *недѣятельность* или бездѣйствіе.

По трактату съ Китаемъ, заключенному въ Таньцзинѣ, 1 Іюня 1858 года, совершенно—возможно (по 8 ст.) дѣйствовать и на самой границѣ и за нею; — мы не дѣйствуемъ. А вообще разумны-ли и на какихъ ясныхъ доводахъ могутъ быть отверждены опасенія какихъ-то , будто-бы политическихъ послѣдствій, отъ ненасильственной проповѣди Евангелія не только въ нашемъ Алтаѣ, но и у Киргизовъ внутренней орды и у всѣхъ еще и не окончательно укрѣпленныхъ? Послѣдняя (12) ст. трактата, заключеннаго нами съ Китаемъ *въ Кульджѣ*, 25 Іюля 1851 г., дозволяетъ безпрепятственно отправлять богослуженіе по обрядамъ нашей Церкви въ русскихъ факторіяхъ въ *Кульджѣ* и *Чугучакѣ*; но до сожженія факторій въ *Чугучакѣ* не было, какъ нѣтъ и въ Кульджѣ, ни Церкви, ни священника, ни Богослуженія; на вопросъ объ этомъ всегда отвѣчаютъ: «не для кого и не для чего!»—Между тѣмъ мѣста эти важны потому, что не очень далеко отъ нихъ находятся тѣ большіе и богатые селенія, заблудшихъ овецъ нашего двора,—въ юго-западныхъ отрасляхъ Китайскаго Алтая,—о которыхъ мы выше передали разсказы очевидцевъ. И почему-же *церкви* тутъ могли-бы помѣшать успѣху торговли?—Должно ожидать положительно противнаго. Правительство признаетъ-же нужнымъ, для усиленія торговли, устроивать *на свой счетъ мечети* даже и тамъ, гдѣ нѣтъ ни консуловъ отъ Магометанскаго правительства, ни жителей Магометанъ.—Такимъ образомъ и выгодность трактатовъ нашихъ съ Китаемъ , въ этомъ отношеніи, вся заключается развѣ въ возбужденіи ими зависти иностранцевъ, которые весьма естественно предполагаютъ, что мы непремѣнно извлекаемъ изъ нихъ всѣ тѣ пользы, какія они извлекли-бы изъ нихъ сами тотчасъ, очень ясно понимая всестороннее вліяніе такихъ учрежденій.—Но по духу нашего космополитисма и индиферентисма или безраз-

личія религіознаго, мы по видимому еще и не сообразили даже того, что вѣрноподданство пограничныхъ племенъ, — ихъ просвѣщеніе,—ихъ польза для государства и въ близкомъ и въ отдаленномъ будущемъ,—(вмѣсто опасности);—могутъ только укрѣпиться Православіемъ, которое, сродняя и чужихъ, содѣлываетъ ихъ своими.—Отъ того-то у насъ: то рано,—то поздно,—то неудобно,—то небезопасно,—то излишне,—то не для кого,—а то не для чего!

Слѣдствія этого порядка предъ очію нашею.....

Приведя факты административные и бюрократическіе, думаемъ не лишнимъ указать и на законодательные, чтобъ послѣ коснуться, хоть мелькомъ, и полицейскихъ.—Не весьма давно (въ 1862 г.), состоялись новыя правила для приготовленія иновѣрцевъ къ пріятію православной вѣры и для крещенія ихъ; правила эти, распространяющіяся и на Алтайскихъ идолопоклонниковъ, вѣроятно имѣли въ виду облегченіе, приведеніе въ ясность, въ стройность, великаго дѣла проповѣданія непасильственнаго—(насильственное рѣшительно невозможно), — спасительной истины и введенія въ ея лоно побуждаемыхъ къ сему Господомъ. Иначе думать невозможно, православному человѣку, о законѣ состоявшемся въ его православномъ государствѣ, въ новѣйшее время прогресса, и прямо относящемся къ православію. Но примѣненіе къ дѣлу правилъ сихъ, тотчасъ выяснило, что они затрудняютъ дѣйствія, уже трудныя по себѣ и затрудненныя околичностями, да еще возбуждаютъ нѣкоторыя недоразумѣнія и тѣмъ ведутъ къ послѣдствіямъ неблагопріятнымъ, — стало быть противоположнымъ, прямому, какъ намъ пріятно думать, назначенію новыхъ правилъ.

Если въ числѣ причинъ такой несходственности назначенія постановленій съ ихъ результатомъ, заключаются,—(по привычкѣ нашей издали, кабинетно, рѣшать и регламентировать все далекое, намъ вовсе неизвѣстное),—совершенно смутное понятіе о мѣстѣ,—о свойствахъ, правѣ, бытѣ инородцевъ-идолопоклонниковъ; неточность свѣдѣній о вліяніяхъ, характерѣ

отношеній между ими, Миссіонерами и ближайшими чинами гражданскими и полицейскими, словомъ недостаточное изученіе данныхъ, которые однако-же совершенно изучены Алтайскою Миссіею въ теченіе тридцати лѣтъ;—то и это развѣ не свидѣтельствуетъ опять о томъ же индиферентисмѣ, о томъ же безразличіи въ дѣлѣ вѣры, которое, даже не спросивъ тридцатилѣтнихъ труженикові-практиковъ, рѣшаетъ само, все, что угодно, относящееся къ православной вѣрѣ и ея церкви, по научнымъ принципамъ предвзятымъ изъ курсовъ всеевропейскаго гуманисма? Теоритическія умазаключенія, особенно по иноземному образцу, во многомъ, въ дѣлахъ же этого разряда еще болѣе конечно, оказываются крайне несостоятельными. Тутъ необходимы, разумѣется при живой, искренней вѣрѣ, трудный собственный опытъ и знаніе близкое, опирающееся на обильные факты.—Разсмотримъ дѣло,—какъ основно важное, съ нѣкоторою подробностію.

Первый пунктъ постановляетъ:—«Надъ малолѣтными Евреями, магометанами и язычниками, не достигшими 14 лѣтняго возраста, таинство Св. Крещенія совершается, по обряду православной Вѣры, *не иначе* какъ съ согласія ихъ родителей или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія Св. Сѵнода.»—Не говоря уже о чрезвычайнѣйшемъ различіи, въ религіозныхъ понятіяхъ, Еврея, магометанина, язычника-идолопоклонца, здѣсь подведенныхъ подъ одно общее условіе,—тогда какъ въ предметѣ о которомъ говорится, ихъ смѣшивать нѣтъ ни какой возможности,—правило это тотчасъ же возбудило недоразумѣнія, и, въ слѣдствіе ихъ, породило подъ часъ чрезвычайныя затрудненія, въ дѣлѣ крещенія инородцевъ идолопоклонниковъ.

Это выясняется очень просто; просимъ вспомнить изложенную нами выше *сущность* религіознаго понятія Алтайскихъ фетишистовъ. Она составляется собственно изъ *двухъ основаній*, *одно* идетъ отъ истины,—*вѣра ихъ худа, измѣнить ее*

должно; *другое*—идетъ отъ лжи: *измѣнить ее опасно, бѣсы накажутъ бѣдами.*— Изъ этого естественно истекаетъ, что на крещеніе, *по сознанію свободной совѣсти*, всякій идолопоклонникъ совершенно согласенъ; но что согласія оффиціальнаго, на требованіе сына, отецъ закоренѣлый въ этой лжи, запуганный и оскотоподобленный ея насиліемъ, — не дастъ, именно по *стѣсненію* (а не по свободѣ) *его сознанія* страхомъ бѣдъ, раззоренія и насилія демоновъ. А отъ всего этого, какъ и отъ самыхъ причинъ, онъ можетъ-быть освобожденъ только Православною Вѣрой и Св. Крещеніемъ. Понятно, что требованіе *согласія* родителей или опекуновъ, здѣсь составляетъ прямо лишь очевидное *стѣсненіе свободнаго сознанія* души и совѣсти несовершеннолѣтныхъ, неиспорченное сердце и чистая воля которыхъ доступнѣе и подклоннѣе прямому вліянію божественной благодати.—Отцы и матери почти всегда приводятся къ крещенію примѣромъ дѣтей.—Ясно-ли? Для разсуждающаго о духовномъ духовно, это именно такъ и должно быть, иначе быть не можетъ.

Истина эта, не требующая доказательствъ, для желающихъ ихъ подтверждается положительно даже и тѣмъ толкованіемъ, котораго никогда не существовало прежде, но которое тотчасъ-же составилось между язычниками, лишь только появились новыя правила. Люди стали увѣрять,—что правиломъ этимъ начальство прямо *велело унять* всѣхъ ребятъ ниже 14 лѣтъ, *чтобъ они и не думали креститься.* Замѣчательны самыя выраженія:—*чтобъ не думали,*—*унять;*—они доказываютъ какъ сильно чистыя души, еще не огрубѣвшихъ въ язычествѣ дѣтей, думаютъ, влекутся, самимъ Богомъ, къ принятію спасительной Вѣры? Такъ сильно, что ихъ слѣдуетъ *унять*, чтобъ *не думали*; т. е. нужно какъ-бы *унимать влеченіе Божіе?!*..... Далѣе инородцы, стали толковать,—(совопросники и толкователи *по своему* есть и у нихъ),—что крестить *кого-бы то ни было* теперь совсѣмъ *запрещено*, кромѣ развѣ тѣхъ, отъ которыхъ *откажутся сами* отцы и общество (*).—Наконецъ

(*) Отказываются-же они *всегда*, отъ тѣхъ которые имъ въ тягость, (вотъ *со-*

они начали вбивать всѣмъ своимъ въ головы, что и тѣхъ, которые бывъ старѣе 14 лѣтъ захотятъ непремѣнно креститься, Миссіонеры отсылаютъ въ Русь, морятъ при церкви по полугоду и болѣе, и, разумѣется уже, что при этомъ и родныхъ нельзя видѣть и промыслы пропали. Вотъ къ чему практически ведутъ правила пзникающія изъ той гуманной теоріи охраненія человѣческаго достоинства, чтобъ и душа звѣрскаго и скотоподобнаго дикаря никакъ не была спасена безъ свободнаго согласія воли, если не его собственной, то еще скотоподобнѣйшаго отца его, находящейся, сознательно, прямо подъ волею злаго духа; ибо иначе, стѣснится и унизится высокое достоинство его значенія, самосознанія и неприкосновенная святость свободы его, исповѣдной и гражданской!!!...... Самый характеръ этихъ истолкованій, какъ и быстрое распространеніе ихъ по странѣ, доказываютъ, для такой-ли цѣли могли быть сочинены эти правила? Однако же они сочинялись и соображались, не сомнѣнно, не—*зря* и не безъ разсужденія. Подавая поводъ или средство язычникамъ самимъ, подавлять въ себѣ свободу внутренняго чистаго сознанія, постановленіе это даетъ еще средство и не язычникамъ, усиливать это въ язычникахъ, а въ себѣ подавлять совѣсть изъ видовъ корысти или злобы. Несомнѣнно, что распространенію такихъ толкованій могли содѣйствовать между инородцами точно такіе же пріятели, (ихъ тамъ довольно), какіе у насъ распространяли полезную образованность посредствомъ воскресныхъ школъ, и весьма еще не давно перетолковывали народу, въ самую дурную сторону, очень ясныя и самые великодушныя постановленія правительства въ его пользу. Не должно забывать, что всѣ ближайшіе мѣстныя начальники, Зайсаны, Башлыки и Демичи Алтайцевъ, суть некрещенные идо-

---

знаніе и *согласіе* отца идолопоклонника);—т. е. отъ звѣронравныхъ, сумасшедшихъ, больныхъ, калекъ, безпріютныхъ и т. п. Миссія, по чувству православному, пропитываетъ такихъ, съ великимъ трудомъ;—возможно-ли напасть на мысль подозрѣвать ее въ насильныхъ обращеніяхъ и крещеніяхъ?!... Но все это у насъ, для насъ, terra incognita!!...

лопоклонники, а что между исправниками, земскими засѣдателями и др. встрѣчаются зачастую Поляки, воспитанники Iезуитской школы и другіе друзья православія; могутъ-ли они не быть противниками допущенія крещеній и перехода въ православную Вѣру? (*) — Эта первая статья ослабляетъ именно ту спасительную, а не мечтательную, *свободу совѣсти*, которая, сама очень сознательно и съ силою изумительною въ этомъ возрастѣ, (до 14 лѣтъ), вопреки всѣхъ преградъ, насилій, страховъ, боязней естественныхъ и сверхъ естественныхъ, власти родителей и опасности самой смерти, влечетъ отрока неудержимо, за сто и болѣе верстъ, чрезъ горы, трущобы, снѣга *къ тому*, чего алчетъ его еще чистая, Богомъ внушаемая совѣсть.

Предположимъ, что правило это имѣло въ виду двойную цѣль:—1) отвратить недобровольное, безсознательное будто-бы, (такъ какъ *насильственное невозможно*), крещеніе инородцевъ до 14 лѣт. возраста;—и—2) убѣдиться, что желающіе быть христіанами приступаютъ къ сему точно вполнѣ-сознательно.—Придуманная для сего мѣра совершенно невѣрна въ обоихъ отношеніяхъ. — Съ одной стороны, — загрубѣлый язычникъ положительно лишенъ всякой возможности судить о сознательномъ вѣрованіи въ Христа, пробудившемся въ душѣ его сына или дочери; съ другой стороны,—изъ видовъ корысти онъ и самъ будетъ нудить вступать въ Христіанство всякаго больнаго, калеку, злонравнаго, и до 14 лѣтъ, лишь бы отдѣ-

---

(*) Вотъ фактъ въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго. Некрещенный *Зайсанъ* (староста) 2-й Алтайской волости *(Дючины)* прислалъ нарочнаго объявить начальнику Миссіи и обществу некрещенныхъ, что онъ, Зайсанъ, *недозволяетъ* крестить Калмыка его вѣдомства, уже объявившаго желаніе, и чтобы Миссіонеры *не смѣли крестить ни кого*, кромѣ тѣхъ, кого крестить *прикажетъ онъ, Зайсанъ*, или же *чиновникъ* Бійскаго уѣзднаго суда.—Никогда не бывалые форма и тонъ такого объявленія, даже *приказанія*, отъ старосты, не ясно-ли свидѣтельствуютъ о необходимости измѣнить упомянутое нами правило?—Не менѣе ясно выводятся изъ нихъ и признаки солидарности понятій и дѣйствій уѣзднаго начальства и зайсановъ-язычниковъ, между коими затѣсняется всякое правильное и благодатное дѣйствіе, которое Вѣрою и правительствомъ можетъ быть поручено только Миссіи.

латься отъ него, или чтобъ воспользоваться его скотомъ, или какимъ либо имуществомъ.—Сказано и доказано, что всѣ толки о *недоброволъномъ* будто-бы крещеніи дѣтей всесовершенно лживы.—Но если находятъ нужнымъ, по чему бы то нибыло, не давать полной вѣры свидѣтельству самихъ Миссіонеровъ, то все же Правительству православному предпочесть имъ увѣреніе дикаго идолопоклонника,—еще удивительнѣе!... Это должно дѣйствовать самымъ вреднымъ образомъ, какъ на смыслъ язычника, такъ и на соображеніе тѣхъ, которые могутъ отъ него корыстоваться, или которымъ православіе не по сердцу.—Не естественнѣе-ли казалось бы постановить правиломъ:—что

1. При несогласіи родителей или опекуновъ (если они есть) язычника, желающаго принять Св. Крещеніе, лица христіанскаго общества, (достаточно двухъ), какъ свидѣтели, въ присутствіи члена, (православнаго) изъ начальства гражданскаго, (если оно есть на мѣстѣ) и духовнаго, при родителяхъ и опекунахъ, а равно и при Зайсанѣ или другомъ старшинѣ, удостовѣряются отъ желающаго принять Св. Крещеніе:—точно-ли онъ самъ сознательно хочетъ и почему оставить язычество? и не обольщенъ или не привлеченъ-ли кѣмъ къ сему насильно?—Кто бы ни были тѣ лица, при упомянутыхъ двухъ свидѣтеляхъ, достаточно по одному лицу изъ показанныхъ разрядовъ. По такомъ убѣжденіи Св. Крещеніе допускается.

Правило это, въ замѣнъ той первой статьи, оправдываетъ свою необходимость тѣмъ болѣе, что имъ требуется лишь *то самое*, что узаконено ст. 5-ю новыхъ правилъ при крещеніи. А какъ крещеніе есть прямое послѣдствіе того дознанія, которое здѣсь предлагается, то если при дознаніи — «*не будетъ сего убѣжденія*», (говоря словами 5-й ст.),—тогда крещеніе невозможно. Если же дознаніемъ будетъ доставлено это *убѣжденіе*, то оно уже не нужно послѣ, при крещеніи недостигшихъ 14 лѣтъ, а тѣмъ еще болѣе, слѣдовательно, оно не нужно при крещеніи достигшихъ сего возраста и перешедшихъ его. — По необходимой заботливости о будущемъ положеніи

желающаго креститься и объ отношеніяхъ его къ родителямъ, можно-бы было присоединить и слѣдующее постановленіе:

2.—При такомъ удостовѣреніи въ желаніи инородца, моложе 14 лѣтъ, принять Св. Крещеніе, онъ спрашивается:—хочетъ-ли остаться при родителяхъ или не желаетъ? Въ первомъ случаѣ; родители, родственники или опекуны, (если такіе есть), должны, (по ст. 80-й X. т. Св. Зак. час. I), дать письменное обязательство въ томъ, къ чему статья сія обязываетъ, и во всякомъ случаѣ дѣти сіи, остающіеся при родителяхъ-язычникахъ, должны уже состоять подъ особеннымъ наблюденіемъ и попеченіемъ Миссіи и ближайшаго христіанскаго общества. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда дѣти при родителяхъ остаться не желаютъ, дѣти сіи принимаются на непосредственное попеченіе Миссіи о ихъ воспитаніи, или же, подъ ея наблюденіемъ, къ благонадежнымъ христіанамъ.—При семъ дозволяется, по желанію такихъ дѣтей, и по усмотрѣнію Миссіи, при коей они состоятъ оглашенными, приводить ихъ къ Св. Крещенію ранѣе или позже, до 14-ти лѣтъ, когда Миссія убѣдится, что они достаточно для сего приготовлены.

Этими двумя предлагаемыми статьями обезпечивается рѣшительно *все*, чего требуетъ правительственная, законодательная, разумная, православная совѣсть государства; совѣсть всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе совѣсть и страшная предъ Богомъ отвѣтственность Миссіонера-священника.—Правила эти обезпечили-бы вмѣстѣ отношенія дѣтей къ родителямъ; послѣднихъ они удержали-бы отъ идолопоклонническаго фанатисма и ярости, первымъ же дали-бы возможность скорѣе усвоять себѣ христіанскую нравственность, обучаться грамотѣ, рукодѣліямъ, трудамъ и порядку осѣдлаго быта и т. д.;—слѣдовательно скорѣе и лучше становиться полезными себѣ, родителямъ, обществу, краю и государству.

Мы сказали, что приведенный пунктъ новыхъ правилъ, возбуждаетъ и недоразумѣнія. Взглянемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.—*а*). У Алтайцевъ не учреждается законной опеки надъ сиротами; умирая они оставляютъ полунагими или и совер-

шенно нагими дѣтей, которыя бродятъ безъ насущнаго хлѣба изъ юрты въ юрту, и если принимаются кѣмъ, то изъ корысти, когда послѣ родителей остается скотъ или какое нибудь имущество; особенно же ихъ берутъ заимодавцы или сваты, за неуплаченный, будто-бы матерью или еще бабкой, *калымъ*.—Кого же можно считать тутъ *опекунами?*—Сиротамъ моложе 14 лѣтъ желающимъ креститься возможно-ли получать согласіе отъ подобныхъ мнимыхъ опекуновъ?—Но еслибъ они и получили его, то развѣ въ этомъ будетъ болѣе *сознанія*, *свободы*, *совѣсти* и *правды* нежели въ самомъ желаніи сироты,—(а мы увидимъ какъ ему чрезмѣрно-трудно и опасно заявить его),— и въ свидѣтельствѣ православнаго Миссіонера, облеченнаго въ священство?—*б*). Безпріютные сироты моложе 14 л. подвергаются-ли этому правилу, и у кого можно искать и найти согласіе и подписку на желаніе ихъ креститься? Или же они свободны отъ сего?—*в*). Крещенные сродники такихъ сиротъ недостигшихъ 14 л., не должны-ли, какъ естественно слѣдовало-бы, имѣть въ этомъ отношеніи преимущество предъ всѣми ихъ сродниками некрещенными, и не имъ ли должно принадлежать попеченіе о нихъ и о ихъ воспитаніи?—*г*). Бываетъ, что изъ супруговъ принимаетъ крещеніе одинъ, другой-же остается идолопоклонникомъ; неужели согласіе того изъ родителей, который уже просвѣщенъ православною вѣрой недостаточно для крещенія его дѣтей не достигшихъ 14 л., хотя-бы родители жили вмѣстѣ или порознь?—И пр. и пр.—Такъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ эта первая, основная статья оказывается нераціональною, преграждающею полезное дѣйствіе Миссіонеровъ, составляющею причину множества недоразумѣній, затрудненій..... Для чего-же и изъ какихъ побужденій могло состояться подобное правило?

Должно взглянуть и на другія статьи.—*Вторая* и *третія* относятся къ инородцамъ уже достигшимъ 14 лѣтъ или недостигшимъ 21 года; статья же *пятая*, не опредѣляя возраста, говоритъ вообще объ инородцахъ, надъ которыми совер-

шается обрядъ Св. Крещенія. Всѣ эти статьи, по мѣстнымъ обстоятельствамъ прямо не исполнимы,—не говоря уже о томъ что въ разсужденіи къ ихъ духу и намѣренію, они изложены очень широко, безъ всякой видимой причины.—Въ Алтаѣ ближайшее мѣстное начальство состоитъ, какъ сказано, изъ некрещенныхъ идолопоклонниковъ; исправниками и земскими засѣдателями бываютъ Лютеране, Поляки Католики, тѣмъ и другимъ естественно-свойственно: *ни въ какомъ случаѣ недопускать крещенія*, лишь бы нашелся какой нибудь поводъ, а тѣмъ болѣе служебная придѣнка, для достиженія ею цѣли ихъ. Поручать-же имъ судить о томъ—имѣютъ-ли пріемлющіе Св. Крещеніе достаточно свѣдѣній въ догматахъ и ученія православной Вѣры,—очевидно неестественно. Къ тому же при обширности и дальности разстояній въ губ. сибирскихъ, особенно-же въ Алтаѣ, при чиновникахъ чрезвычайно-отдаленныхъ какъ отъ разныхъ мѣстъ Миссіи, такъ и между собою, это правило необходимо повело-бы только къ проволочкамъ и къ совершенному отложенію крещенія. Прямая цѣль сихъ статей никакъ не можетъ быть такою? Православный никогда не признаетъ этого. —Если-же цѣль заключается въ предупрежденіи *недобровольнаго* будто-бы крещенія,—то присутствіе чиновника не поможетъ сему ни какъ. Язычникъ, раболѣпствуя предъ чиновникомъ, всегда и согласится и несогласится на крещеніе, по хотѣнію и умѣнію чиновника. Непріятныя послѣдствія крещеніе кантонистовъ Евреевъ, при соучастіи ихъ командировъ развѣ не послужили яснѣйшимъ доказательствомъ этой истины? Жалобы только усиливались отъ постановленія этого правила.—Только одно въ статьяхъ сихъ совершенно ясно: — это недовѣріе къ Миссіонерамъ!—Но откуда, почему, зачѣмъ?... Вообще это чрезвычайно прискорбно, а для извѣстной части чиновничества и для язычниковъ, такое гласное заявленіе, подобнаго чувства къ служителямъ Вѣры, господствующей въ государствѣ,—болѣе нежели вредно. Никогда, никогда небыли крещены люди не усвоившіе себѣ, по мѣрѣ ихъ пріемлемости, главныхъ, довлѣющихъ имъ для сего

истинъ ученія Православной Вѣры.—Ставить надзирателями за Миссіонерами, дѣлать экзаменаторами новообращаемыхъ въ знаніи ими догматовъ православія, язычниковъ-идолопоклонниковъ, чиновниковъ нерѣдко католиковъ, для которыхъ вѣра эта—есть схисма и предметъ незнаемый столько-же сколько нелюбимый ими, или наконецъ людей очень мало безпристрастныхъ,—крайне нетвердо-православныхъ, индиферентовъ низшаго разряда,—какіе есть, къ горю нашему и во всѣхъ слояхъ.... Все это не совершенно-ли неестественно, чтобъ не сказать постыдно?—Что могутъ и должны думать иностранцы, которые переведутъ подобныя правила и подвергнутъ ихъ надлежащему анализу?.... Какъ же не скорбѣть, какъ же не тужить православному духу и мысли русскаго человѣка, сразсуждающаго объ обыденныхъ, всюду выказывающихся наружу, неисчислимыхъ свидѣтельствахъ хроническаго индиферентисма, внѣдреннаго въ нашъ мозгъ, въ кровь нашу, космополитичностію новѣйшихъ началъ научности и воспитанія?

Не ясно-ли что все, въ означенныхъ статьяхъ сказанное, должно быть присвоено прямо только духовному ближайшему лицу и мѣстнымъ начальникамъ духовныхъ Миссій. Откуда постоянная заботливость водить ихъ вѣчно на помочахъ, въ томъ что имъ болѣе всѣхъ вѣдомо? ставить надъ ними вездѣ надзирателями всякое мельчайшее чиновничество? держать ихъ въ дѣтствѣ, питать къ нимъ вѣчное недовѣріе??.. Неужели души у нихъ и совѣсти— иныя; неужели помазаніе ничего не значитъ? Господь Богъ, даровавшій имъ власть вязать и рѣшать души, неужели не имѣетъ надъ ними смотрѣнія, власти, храненія и благодати, на столько, сколько не можетъ найтись ихъ во всѣхъ въ мірѣ полиціяхъ?... Чудное воистину дѣло! Разумъ-ли это современнаго успѣха, или что другое?

Взамѣнъ распоряженій внесенныхъ въ упомянутыя статьи почему бы не изложить прямо слѣдующее:

—«3.—Св. Крещеніе всегда совершается тамъ, гдѣ будетъ найдено то удобнымъ, постановленіями церковными допущеннымъ и приличнымъ, въ присутствіи тѣхъ лицъ, о которыхъ

упомянуто въ ст. 1-й, (выше предложенной). Само собою разумѣется, что идолопоклонники родители, опекуны или старшины, могутъ присутствовать или неприсутствовать при Св. обрядѣ семъ, по ихъ желанію; такъ какъ желающіе креститься малолѣтные (до 14 лѣтъ), по упомянутой ст. 1-й, уже были опрошены при нихъ, а достигшіе 14 лѣтъ не имѣютъ болѣе надобности ни въ чьемъ согласіи на воспріятіе Св. Крещенія. При крещеніи всѣхъ перешедшихъ 14 лѣтній возрастъ духовное лице удостовѣряется, при упомянутыхъ (въ 1 ст.) свидѣтеляхъ, точно-ли обращающійся сознательно требуетъ присоединенія его къ православной церкви и достаточны-ли, для воспріятія Св. Крещенія, свѣдѣнія его въ ея догматахъ и ученіи.»

Такимъ постановленіемъ отстраняются какъ всѣ недоразумѣнія, такъ и всѣ возможныя злоупотребленія и придирки со стороны язычниковъ и отъ другихъ. Новое правило, о крещеніи «*всегда въ церкви,* исключая лишь больныхъ», должно отпасть, какъ невозможное по огромности разстояній, трудности и часто долговременной непроходимости путей, доступныхъ лишь верьховымъ переѣздамъ; а также по бѣдности обращающихся въ христіанство семействъ и пр.

Желая исчерпать все постановленіе это, до послѣдней его частности, мы должны сказать и о «*срокахъ*» приготовленія иновѣрцевъ къ Св. Крещенію; тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія высшаго правительства и духовнаго начальства. — Нужна-ли, полезна-ли на всѣ возможныя случаи; та заботливая регламентація, которая силится опредѣлить, назвать, указать все, до волоска, до малѣйшей частности?—Разумно и очевидно—нѣтъ. Потому-то правительство само теперь и выбрасываетъ ее изъ всего, въ законодательствѣ, въ администраціи, замѣняя изложеніемъ болѣе широкимъ, разумнымъ, менѣе допускающимъ злоупотребленіе, обманъ или прямую безполезность. Если такъ вездѣ, то по чему-же не быть такъ и въ томъ что относится до дѣлъ духовныхъ, до духовенства? Отчего оста-

влять всѣмъ инпціативу, самоуправленіе, рѣшенія собственныя по тому, для чего имѣются законы общіе, а не оставлять этого Церкви, духовенству?? Сроки *шестимѣсячный, сорокадневный,* для приготовленія иновѣрцевъ-язычниковъ къ крещенію, какъ доказано многолѣтнимъ опытнымъ наблюденіемъ, противны именно тому, чего, какъ должно думать, законъ желалъ достигнуть ими.—Какая можетъ быть надобность въ срокахъ, когда при самомъ крещеніи духовное лице уже удостовѣряется въ необходимомъ знаніи крестящимся догматовъ и ученія вѣры, и когда, при незнаніи ихъ, крещеніе не допускается? Но слѣдуетъ еще разсудить здраво,—какой законодатель и какіе кодексы могутъ угадать, не слишкомъ-ли мало шести мѣсяцевъ одному и не черезъ чуръ-ли много сорока дней другому, изъ тѣхъ простыхъ душею людей, которыхъ Самъ Богъ призываетъ изъ идолопоклонства въ благодать истинной вѣры, и которымъ Онъ, по Своему смотрѣнію, отверзаетъ для сего, ранѣе или позже разумѣніе сердца и ума?—Развѣ мы не вѣримъ уже и этому?—Православному человѣку, какъ православному законодательству и администраціи, въ высшей степени обязательно быть на высотѣ и въ истинѣ своей православной Вѣры.—Соблюденіе сроковъ сихъ не нужно. Оно всегда будетъ приводить лишь: къ охлажденію и отклоненію лѣнивыхъ, навыкшихъ къ праздности, хотя по влеченію духа и желающихъ креститься;—къ раздумью и колебанью—подстрекаемыхъ врагами истинной вѣры, бѣдностію, дальностью разстояній отъ становъ Миссіи.—Оно и не возможно, потому что Миссія при чрезвычайной скудности своихъ средствъ, не всегда можетъ доставлять одновременно нѣсколькимъ лицамъ пріютъ и пропитаніе; оно невозможно и потому еще, что бѣдныхъ инородцевъ должно будетъ при этомъ лишать, иногда въ самое драгоцѣнное для нихъ время, ихъ промысловъ.—Не должно забывать, какъ и нельзя скрыть факта капитальнаго, именно:— что самое сильнѣйшее преслѣдованіе желавшихъ креститься, состороны ближайшихъ некрещенныхъ начальниковъ ихъ и сродниковъ, въ 1858 году, было открыто возбуждено тогдаш-

ними земскими чиновниками, поляками. — Это не теоріи — а жизнь, факты!

Остается замѣтить еще,—о *выгодахъ* предоставляемыхъ *шестою статьей* разсматриваемыхъ правилъ, язычникамъ, принимающимъ христіанскую вѣру. Статья ведетъ къ недоразумѣніямъ; слѣдуетъ объяснить ее; денежная награда не замѣняетъ-ли трехлѣтней льготы отъ платежа повинностей, (по ст. 998—1002. I Т.)? Казалось бы что это невозможно. Однакоже Томскою Казенною Палатой было уже отказано принявшимъ Св. Крещеніе осѣдлымъ инородцамъ въ причисленіи ихъ на трехлѣтнюю льготу эту, даруемую конечно, не преимущественно-же надъ пріятіемъ крещенія, за измѣненіе лишь кочеваго быта на осѣдлый. — Мы, съ своей стороны, иначе не можемъ себѣ дозволить мыслить о законодательствѣ государства православнаго. Къ тому же льгота эта (по ст. 1001), даруется язычникамъ какъ кочевымъ, такъ и осѣдлымъ, и даже крестьянамъ.—Не замѣчательно-ли еще особенно, что упомянутыя выгоды и награды, въ слѣдствіе принятія крещенія, предоставлены Россіею иновѣрцамъ обращающимся не только въ православную Вѣру, но пріемлющимъ и другое, *«терпимое»* и признаваемое въ государствѣ христіанское исповѣданіе; тогда, какъ стѣснительныя и неисполнимыя правила въ отношеніи къ крещенію, отнесены исключительно къ присоединяющимся къ Церкви православной! -- *Терпѣть* какую либо вѣру, не значитъ уравнивать ее съ своею, а тѣмъ еще менѣе ставить ее выше своей въ государствѣ; а стѣснять пріятіе своей, облегчая пріятіе чужой, значитъ уже прямо пропагандировать самимъ противъ своей вѣры.—Все это до чрезвычайности трудно уразумѣть православнымъ смысломъ русскимъ.—Безразличіе-ли это; отказъ-ли отъ своей вѣры и Церкви; беззаботливость-ли о чистотѣ и неприкосновенности ея; полнѣйшее-ли равнодушіе ко всему что она и что отъ нея?— Если такъ, то къ чему-же какія бы то нибыло правила? — Формальное-ли раздѣленіе, уничтоженіе всякой связи между государствомъ и церковью?—Но духъ народный не такъ по-

датливъ на эти отступленія и не такъ воспріимчивъ на новые принципы подобнаго прогресса, чтобъ не уразумѣть здоровымъ своимъ смысломъ всю *суть* дѣла.—И въ простомъ бытѣ, н. пр. на гуляньѣ, цѣлому обществу у себя, дома, войти въ лужу или опрокинуться въ яму, чтобъ только дать мѣсто удобно пройти одному заѣзжему,—было-бы признано, всѣмъ цивилизованнымъ свѣтомъ, за учтивость гуманности и терпимости столь перечуренную, что самъ одолженный ею несомнѣнно громко расхохотался бы въ глаза одолжившимъ его!— Это видѣлось и видится, къ сожалѣнію, нерѣдко.

Да простятъ намъ настойчивость и можетъ быть несовершенную мягкость выраженій,—по нашему мнѣнію, предметъ слишкомъ важенъ, какъ-бы ни казался онъ не важнымъ нѣкоторымъ. Для насъ онъ важенъ такъ, что хотя мы и поборники желѣзныхъ дорогъ, однакоже ни какая польза, ни какая выгода, ни какой барышъ, комфортъ и наслажденіе, приносимые желѣзными дорогами, о которыхъ такъ хлопочутъ, не можетъ заставить насъ предпочесть ихъ той дешевой, удобной, простой дорогѣ, по которой души язычниковъ идолопоклонниковъ переходятъ изъ царства лжи, тьмы и вѣчной гибели, въ царство свѣта, истины и вѣчнаго спасенія.—А объ этой дорогѣ у насъ и не помышляли; можно бы было удѣлить и ей немножко вниманія и хоть нѣсколько тысячь изъ тѣхъ милліоновъ.

Что произвели и что могутъ произвесть стѣсненія и препятствія, какъ въ изложенныхъ правилахъ постановленныя, такъ и всѣ другія, встрѣчаемыя Миссіями нашими на пути ихъ дѣйствій? Уменьшить небольшое число крестящихся, особенно до 14 л. возраста, или и совершенно прекратить эти крещенія?— Прекрасно.—Но, 33-хъ лѣтній опытъ доказалъ, что именно этими крещеніями, болѣе нежели чѣмъ либо, вызывается обращеніе взрослыхъ и старыхъ язычниковъ обоего пола; съ другой-же стороны,—изъ постояннаго сознанія начальствъ въ краѣ и изъ весьма еще недавныхъ оффиціальныхъ отзывовъ ихъ и гражданъ всѣхъ сословій, открывается,—что—«новообращенные составляютъ лучшихъ тамъ людей, и что просвѣ-

щеніе инородцевъ-язычниковъ православною Вѣрой, есть вѣрнѣйшій залогъ благосостоянія страны и успѣховъ ея, во всѣхъ отношеніяхъ».—Какъ же примирить эти противорѣчія, и могутъ ли стѣсненія дѣйствій Миссіи принесть тѣ плоды, которыхъ отъ нея ожидаютъ?—Кто вглядывался не въ миражи собственныхъ представленій, а въ самое дѣло, тотъ судитъ объ обращеніи 8—14 лѣтнихъ язычниковъ совершенно иначе; по тому что судитъ вѣрно, истинно.

Сознаніе, котораго вы не признаете въ нихъ, которое такъ заботливо ограждаете отъ насилованія,—уже просвѣтлено въ нихъ съ самыхъ мягкихъ ногтей. Да,— и вы никогда не угадаете кѣмъ?.... Звѣзднымъ небомъ!—Дѣти разсказываютъ, что именно отъ взиранія часто, часто на свѣтила, такъ чудесно мерцающія вокругъ, надъ ихъ головами, въ нихъ всегда западала мысль, что—«есть Богъ, тамъ; что его непремѣнно—нужно искать; потому что ихъ боги не боги, а бѣсы, жестокіе мучители».—Вотъ кто ихъ учитель; вотъ какимъ путемъ лучь благодати пробирается въ бѣдныя сердца эти, столь же драгоцѣнные Богу, какъ и самое знаменитѣйшее сердце какого либо героя вѣка.—Когда мысль эта западетъ, вниманіе, желаніе и исканіе становятся съ часа на часъ настойчивѣе; сколько нужно ребенку силы воли, чтобъ скрывать ихъ, чтобъ терпѣливо искать, ждать случая? сколько нужно ему мужества, чтобъ воспользоваться первымъ случаемъ, который представится? Въ душахъ дѣтей начинаетъ совершаться тогда работа далеко не дѣтская. Они стараются видѣть новокрещенныхъ; проникнуть въ наши церкви; слушать разсказы и чтеніе изъ Св. Писанія. Зрѣлище порядка, чистоты жизни, душевнаго спокойствія, стройности мыслей и дѣйствій новообращенныхъ; сравненіе всего этого съ тѣмъ что дѣлается у нихъ; дѣйствіе на нихъ благолѣпія Божественнаго служенія нашего и потомъ перенесеніе дѣтской ихъ мысли къ терзаніямъ, къ крови жертвъ; къ нелѣпостямъ и мерзостямъ ихъ идолослуженія;—вотъ Миссіонеры ихъ! Вотъ неотразимые знаменія, видимо и постоянно призывающей ихъ благодати. Одинъ изъ признаковъ этихъ, по про-

стотѣ своей есть воистину самый чудесный:—нелѣпые обряды идолопоклонства вдругъ начинаютъ возбуждать въ дикаряхъ этихъ сильную досаду и *стыдъ!* Маленькій идолопоклонникъ, ко всему этому привыкшій отъ груди матери, вдругъ, тутъ, между своими, одинъ,—*стыдится, краснѣетъ!?...* Не чудо-ли это?.. Вотъ оно, истинное *сознаніе совѣсти* еще свободной отъ страстей и пороковъ.—Какой же отецъ, опекунъ, Зайсанъ или пожалуй и чиновникъ низшей полиціи, признаетъ эту краску на лицѣ ребенка за сознаніе свободной воли, и дастъ, по ней, согласіе на крещеніе?—Съ этой минуты дѣти привязываются къ добру такъ самопроизвольно и рѣшительно, что безъ чьего либо совѣта, сами уклоняются отъ всего худаго, и зрѣя въ себѣ все болѣе,—не смотря на любовь и уваженіе къ родителямъ, на страхъ бѣдъ и мучительства,—рѣшаются на дѣло превышающее силы и волю возмужалаго человѣка; на истинный подвигъ!—Они презираютъ чрезмѣрныя опасности у себя, пускаются въ путь, иногда болѣе 100 верстъ, безъ дорогъ, по горамъ, чрезъ пропасти и пустыни, безъ пищи, нерѣдко полунагіе, чтобъ бѣжать отъ нестерпимой уже для нихъ мерзости ихъ вѣры и жизни, въ станъ Миссіонеровъ и умолять тамъ о крещеніи.

Кто изучилъ и допросилъ эти души? — Кто изъ свѣтскихъ слышалъ, зналъ; кто могъ-бы понять эту ужасную внутреннюю въ ребенкѣ борьбу:—быть или не быть христіаниномъ?—Кто ему слабому, и въ такой средѣ, могъ даровать остаться побѣдителемъ?—Конечно никто, кромѣ Самаго Бога!... Да; воистину, только Его милосердіе могло излить какъ-бы съ особенною щедростью, благодать свою на мягкій возрастъ, до 14-и лѣтъ, чтобъ ею открывать сердцамъ этимъ,—еще чистымъ, но въ которыхъ вскорѣ за симъ возрастомъ зажгутся дикія страсти и закипятъ грубые пороки крови и мысли,—то, что содѣлываетъ ихъ превосходящими, въ нравственномъ и разумномъ отношеніи, не только ихъ родителей и старшихъ, но и многихъ просвѣщенныхъ. Родители и старшіе учатся уже отъ нихъ и, нехотя, — наблюдая измѣненіе ихъ нрава и жизни,—ими

образуются и почти всегда, вскорѣ за ихъ крещеніемъ, сами вступаютъ въ путь спасенія.—Вотъ Божественный механизмъ дѣла, къ которому Миссіонеры приставлены работниками.)

Посудите совѣстью;—можно-ли необращать на Миссію никакого вниманія; не имѣть къ нимъ никакого участія; не только не способствовать имъ, но стѣснять ихъ, связывать?—Можно-ли тѣхъ,—дѣтей,—неприходящихъ, а Самимъ Богомъ приводимыхъ,—отстранять отъ Церкви, къ которой они ведутся?—Можно-ли между ею и ими искать какихъ либо опекуновъ, посредниковъ, свидѣтелей?—Можно-ли не принять дѣтей сихъ, не покрыть ихъ участіемъ, водительствомъ Церкви и попеченіемъ о ихъ бытѣ и послѣ крещенія, вмѣсто того, чтобъ отдать ихъ загрубѣлымъ язычникамъ въ ту же жизнь и на тѣ-же терзанія?—Можно-ли такому, недостигшему 14 лѣтъ, приводимому Богомъ сказать: — «ты знаешъ что служишъ бѣсамъ; ты хочешъ служить Богу Истинному; котораго чувствуешъ, самъ ищешъ и который зоветъ тебя.—Погоди; родные твои хотятъ, чтобъ ты служилъ еще терзающимъ ихъ духамъ; мы не можемъ освободить тебя даже и по твоей волѣ!—Ты говоришъ, что ваша жизнь для тебя невыносимо-мучительна и мерзка, съ тѣхъ поръ какъ ты заслышалъ въ своемъ сердцѣ голосъ Истиннаго Бога?—Но опекунъ твой не согласенъ; оставайся въ твоей мерзкой жизни, подъ властью *Эрлика*; намъ, идолопоклонцы ваши не позволяютъ избавить, тебя»!.....

Да!—«Господь, утаившій сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ открылъ то младенцамъ!»—(Такъ какъ въ основаніе всѣхъ стѣсняющихъ работу Миссіи правилъ, и разныхъ дѣйствій и непріятностей ей постоянно препятствующихъ, повидимому заложенъ будто-бы *принципъ* неприкосновенности мнимо насилуемой *свободы совѣсти*; то казалось-бы, что при этомъ всякому православному христіанину слѣдовало вопросить и собственную совѣсть свою о томъ, — что же сдѣлаетъ наконецъ она сама съ свободно сознаваемою ею истиною словъ Самой Истины:—«Пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко мнѣ; ибо таковыхъ есть царство небесное. (*Матѳ. XIX.*—

14)».—Намъ кажется, что такой вопросъ, въ православномъ государствѣ, столько же естественъ сколько одинаково обязателенъ для законодателя, для высшаго начальства, для низшаго чиновника и для Миссіонера, какъ и для всѣхъ и каждаго изъ насъ; — но конечно уже не для инородца-идолопоклонника, какъ и не для исповѣдника вѣроученія признающаго православіе ересью.

Заключимъ этотъ отдѣлъ, этотъ скорбный листъ нашей статьи, еще нѣкоторыми относящимися сюда свѣдѣніями, на которыя мы укажемъ вскользь,—такъ какъ подробности потребовали бы развитія слишкомъ широкаго.—Не только трудно, но врядъ-ли возможно представить, чтобъ правительство *не знало* что язычникъ-идолослужитель, безъ догматовъ правильнаго вѣроученія, сохранившій въ религіозныхъ легендахъ своихъ множество Библейскихъ преданій, неимѣющій ни церкви, ни какой внутренней привязанности къ своему фетишисму, но еще сознающій его нелѣпость, нравственный и физическій гнетъ его тьмы,—всегда ближе расположенъ къ вступленію въ лоно Церкви истинной, нежели магометанинъ. Онъ фанатикъ и изувѣръ по крѣпкому ученію, враждебному Истинѣ, краеугольный камень основанія котораго естъ непримиримая ненависть къ всему христіанству и къ каждому *христіанину*. Точно такъ-же трудно повѣрить, чтобъ кто нибудь не зналъ, по фактамъ слишкомъ крупнымъ, что Лютеранинъ и Католикъ,—какъ-бы мы ни чтили, по гуманности, человѣческое ихъ достоинство,— все же считаютъ Православіе или схисмою или невѣжествомъ, и переходятъ отъ этихъ заключеній только къ отчаянной ненависти;—чему примѣровъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, кажется искать не нужно, такъ ихъ много и такъ они нескрыты.—Изъ двухъ нетрудностей этихъ выводится очевидная легкость того соображенія, что еслибъ этихъ господъ, въ мелкомъ чиновничествѣ нашемъ и всякихъ должностяхъ, было только по пяти на сто, (а пропорція въ натурѣ едва-ли не въ пять разъ болѣе),—то и тогда, естественно, нельзя-бы было ожидать отъ нихъ ревностнаго или со-

вѣстливаго содѣйствія дѣлу Православія, когда бы даже общее направленіе и не тянуло сильно на сторону индиферентисма или безразличія; но когда, напротивъ того, оно все было проникнуто этимъ духомъ, то и ихъ дѣйствія были ревностны въ томъ же смыслѣ.

Съ ними-то малосильной Миссіи приходилось, не бороться,—куда ей борьба!—а ладить почти обыденно, на каждомъ шагѣ.—Мы помнимъ что, при самомъ началѣ ея дѣйствій, ей объявили, — что *еще рано*, что нужно подождать чтобъ дѣло подготовилось естественнымъ сближеніемъ инородцевъ съ русскими, отъ которыхъ они просвѣтятся.—Сближеніе это совершалось, тридцать съ лишкомъ лѣтъ, съ одной стороны—построеніемъ у инородцевъ мечетей, заведеніемъ мусульманскихъ школъ и допущеніемъ широкой пропаганды средне-Азійскихъ Муллъ и Муфтіевъ; съ другой стороны—просвѣщеніемъ мѣрами не менѣе успѣшными.—Близь инородцевъ не селили людей добрыхъ и зажиточныхъ, какъ будто неразумѣя, что тихій, порядочный образъ ихъ жизни, хозяйство, хлѣбопашество, труды вознаграждаемые удобствами и довольствомъ, были бы для инородцевъ самыми дѣйствительными уроками, примѣрами самыми благодатными. Но какъ распространеніе примѣровъ этого рода, кромѣ приближенія язычниковъ къ православію, необходимо повело-бы еще къ тому, что опаивать, обманывать и грабить ихъ сдѣлалось бы уже не столь легко, то хорошимъ людямъ селиться около нихъ не допускалось.—То ли дѣло такія сосѣдства какъ н. пр. *Катанда*, Верьх. и Нижній *Уймонъ*, (названій можно-бы было перечесть довольно),—гдѣ упорные раскольники конечно уже не вовлекутъ инородцевъ въ лоно истинной Церкви Православной; гдѣ сверхъ того готовы вѣрный притонъ и укрывательство бѣглымъ; гдѣ сообща фабрикуется фальшивая монета, распускаемая между бѣдными инородцами для раззоренія ихъ и т. п. — Изъ этого затѣвалось много судебныхъ дѣлъ; но извѣстно, что судебныя этого рода дѣла вообще, особенно-же въ странахъ столь отдаленныхъ и дикихъ какъ Алтай, составляютъ своего рода монетное про-

изводство для опытныхъ чеканщиковъ,—какъ преслѣдуемыхъ такъ и преслѣдователей.—Дѣла же этого рода и другія, какъ равно и тѣ домашнія обстоятельства и случаи, по которымъ инородцы-идолопоклонники, наибольшею частью, сами обращаются къ третейскому суду *Абыса* (священника миссіонера), почитая приговоръ его святымъ, т. е. именно тѣ дѣла, за которыя земское и полицейское начальство стоитъ горой противъ примирительной Миссіи, мѣшающейся будто-бы *не въ свое дѣло*,—дѣла эти требуютъ отъ рачительнаго начальства посылки сотниковъ и писарей, а нерѣдко и поѣздки самаго исправника. Въ дорогу, и дальную, и трудную, и холодную, невозможно не запастись боченочкомъ вина; а вино,—великій побѣдитель, подчинившій цивилизованной Европѣ всѣхъ дикарей міра!—Ошеломивъ падкаго на эту усладу дикаря, инородца, оно обращаетъ его въ ягненка, съ котораго можно преудобно снять не только шерсть, но и шкуру.—Что дѣлается распорядителями и надзирателями, того разумѣется имъ нельзя недопустить и другимъ; русскіе фабрикуютъ вино, возятъ его къ инородцамъ, торгуютъ съ ними, сперва опоивъ ихъ, а инородецъ пьяный и торгующій, есть уже инородецъ раззоренный!—Законъ конечно воспрещаетъ торговать съ кочевыми инородцами; но законъ самъ по себѣ есть печатная бумага, нужны исполнители. Исполнители-же, движимые расположеніемъ и чувствами, о которыхъ было тотчасъ сказано, и поощряемые неподдержаніемъ вообще началъ и духа этого самаго закона,—лежащихъ вполнѣ въ чистотѣ ученія Православной Вѣры,—издѣваются и надъ нею и надъ закономъ, и надъ православными, и надъ язычниками, и извлекаютъ свои выгоды изъ всѣхъ и изъ всего!—Подобныхъ обвиненій, нельзя, какъ само собою разумѣется, опрокинуть на всѣхъ; напротивъ того бываютъ исключенія самыя отрадныя; но и тутъ опять все устроивается какъ-то странно... Весьма еще недавно всѣми уважаемый, хорошо понимавшій дѣло, горячо сочувствовавшій всему полезному, безкорыстный исправникъ, съ которымъ никто не желалъ разстаться, *Г. А.** былъ внезапно смѣненъ, въ числѣ

многихъ другихъ, и замѣщенъ *Г. К.**—Оставляемъ сотни мелочей ,—отказы въ лошадяхъ, — проволочки и пр. и пр. все тоже весьма важное длядѣла. —Довольно кажется и этого?.....

Предоставляемъ каждому присоединить къ сказанному характеръ и нравы инородцевъ, — трудности отъ самой природы страны, климата и разстояній, уже такія по себѣ, что еслибъ даже было дано и всякое должное пособіе, то и тогда все-же требовались бы сильнѣйшая энергія, самоотверженіе и смиреніе крайнее, для исполненія обязанностей этого столь же тяжкаго, сколь прекраснаго по сердцу Божію дѣла! Прибавьте еще, что содержаніе Миссіонеровъ скудно до послѣдней возможности; что среда печальна; что недостатокъ всего для жизни нѣсколько образованной чрезмѣренъ; что огромные переѣзды, съ опасностью жизни, чрезъ горы, трущобы, снѣга, верьхомъ,—на лыжахъ,—въ вьюги и бураны, о которыхъ не можетъ имѣть понятія не испытавшій ихъ, — страшны; — и что только одна духовная радость объ обращеніи и спасеніи душъ можетъ поддерживать сердце, мысль и тѣло заслуживающихъ всякаго уваженія и благодарности тружениковъ,—повидимому довольно мало уважаемыхъ!—Соберите все это;—картина, которую вы составите, будетъ близка къ истинѣ! Конечно о всемъ подобномъ въ богатомъ салонѣ, въ обширномъ, конфортабельномъ кабинетѣ, между утѣшеній дипломатическаго обѣда, италіянской оперы, и свѣтской болтовни, все таки будутъ разсуждаться иначе, нежели въ тамошнемъ чумѣ, изъ подъ полу котораго ползутъ змѣи, тогда какъ крыша едва выдерживаетъ натиски бѣшенаго бурана......

Легкій эскизъ переѣздовъ и обыденной жизни,—выбираемый изъ писемъ къ намъ и переписки Миссіонеровъ,—пусть займетъ еще дополнительную страницу; онъ ближе ознакомитъ съ характеромъ и частностями ихъ дѣла.—Мы не забываемъ, что посвятили этотъ трудъ Обществу, учредившемуся именно для изученія, поддержанія, расширенія, обновленія этого великаго Православнаго дѣла.

V.

—«Вы требуете очерка обыденной нашей жизни?—Какъ его сдѣлать: всѣ дни похожи, а между тѣмъ каждый день—не тотъ что былъ вчера!.... На самомъ краю селенія новокрещенцевъ разбросано въ безпорядкѣ нѣсколько коническихъ, крытыхъ берестою юртъ; жильцы ихъ крещенные Черновые татары; къ нимъ-то съ утра слѣдовало мнѣ зайти. Нужно по часту навѣдываться какъ пребываютъ въ Вѣрѣ, да и сказать что нибудь въ назиданіе. Вхожу;—(*Катчи кельды*! — грамотный чтецъ), шепотомъ сказала малютка, сидѣвшая у огонька посерединѣ юрты.—*Эзень—бе*! (здоровы-ли?), привѣтствовалъ я ихъ, помолясь передъ иконой въ передней части юрты. — *Эзень*! (здорово), отвѣчала хозяйка.—Я усѣлся на сѣдло близь курившагося огонька; на одной сторонѣ со мною, близь входа, лежалъ свернувшись теленокъ, за нимъ прижалась собаченка; напротивъ меня слѣпая, еще не крещенная старуха, а возлѣ нея ея невѣстка уже окрещенная; позади ихъ въ безпорядкѣ, не живописномъ, валялись котлы, чашки, ложки и пр. въ отвратительнѣйшей нечистотѣ. Около нихъ полунагія, выглядывающія изъ подлобья дѣти, съ закутанными въ *загадъ* (*) ногами. Подъ образомъ — кожанныя переметныя сумы съ имѣніемъ; надъ огнемъ на шесткахъ вялилось мясо.—*Яхши, амыръ, энчу ясааръ—ба?* (благополучно-ли поживаете). *Ядыбисъ* (живемъ) отвѣчала хозяйка.—Ну, какъ содержите Св. Вѣру? не забыли-ли молитвы? — За чѣмъ забывать, помнимъ!—А прочитай-ко?—Хозяйка прочитала краткія молитвы.—Хорошо! а въ церковь-то ходите?—Ходимъ-же. — Тутъ поговорили мы объ обязанностяхъ человѣка къ Богу, къ ближнему, къ своей душѣ; привелись примѣры изъ ученія и жизни Спасителя и Св. Его Угодниковъ.... Некрещенная старуха слушала внимательно и, казалось, съ участіемъ.—Вѣдь надобно-же и тебѣ

(*) *Загадъ*, мягкая трава, замѣняющая чулки, а иногда и сапоги.

креститься, какъ думаешъ? спросилъ я. — «*Іокъ*! *мень крескэ тюшпесимъ*! (нѣтъ! не буду креститься)».—Отъ чего-же? вѣдь ты сама знаешъ, какъ будетъ плохо, куда пойдешъ, если умрешь некрещенная?—«Знаю, въ огонь; такъ что-жь? Я сама буду дьяволомъ, съ родными.» — Что-же хорошаго; вѣдь это безконечная мука. А если увѣруешь въ Іисуса Христа и окрестишся, будешъ въ вѣчномъ блаженствѣ, во свѣтѣ Божіемъ.— Старуха сильно озлилась.—«Не говори мнѣ о Богѣ,—закричала она,—а не то выгоню!»—Полусогнувшись, въ дверь влѣзъ какой-то некрещенный.—*Эзень*, сказалъ онъ, присаживаясь къ огоньку.—*Эзень*, отвѣчала хозяйка.—Молчаніе.—Они накладывали свои трубки; раскуривъ свою хозяйка подала гостю спрашивая:—*не табышъ баръ*? (что новаго).—*Табышъ іокъ* (нѣтъ новаго ничего),—отвѣчалъ онъ, принимая ея трубку и подавая ей свою, тоже раскуренную.—Молчаніе.—Чрезъ нѣсколько минутъ трубками опять размѣнялись и вслѣдъ за симъ начались новости. Гость увѣрялъ что *Зайсаны* велѣли собирать съ народа недоимку.—Для чего,—спросила хозяйка, — когда намъ извѣстно что вся подать была собрана?—Вся-то собрана, а это для гостинца; Казандыкъ ѣздилъ къ Зайсану Корту, видѣлъ кафтанъ выхлопотанный ему исправникомъ; такъ вотъ и нужно за это подарить, стало быть велѣно со всѣхъ собрать недоимку. А Демичамъ приказалъ говорить народу, что деньги нужны Зайсану на проѣздъ къ большому начальнику, чтобъ хлопотать за народъ. — Такіе-то разсказы льются изъ юрты въ юрту потокомъ, перебѣгаютъ долины и горы и облетаютъ Алтай быстрѣе вѣтра!.... Входили и другіе гости.— Мы кончили, какъ начали, молитвой.

—«Сегодня выйти врядъ-ли удастся: съ утра и дѣла и народа много дома. Занимаюсь письмоводствомъ, о. Миссіонеръ тоже пишетъ; вы, пожалуй думаете что у насъ, въ глуши, нѣтъ чернилъ, перьевъ и бумаги? Э! да вѣдь и мы чуть не канцелярскіе чиновники!.... Пишемъ, пишемъ, а народъ приходитъ, нужно каждаго выслушать, помочь чѣмъ можно, — хоть добрымъ словомъ; у всякаго свое горе, свои требованія, объ-

яспенія, бѣды, жалобы. — Вотъ набралось уже съ десятокъ этихъ душъ, и здѣсь какъ въ столицахъ, тоже скорбящихъ по своему, озлобленныхъ и, требующихъ помощи Божіей!—Новокрещенная, слѣпая, Софья, съ провожатой малютбой дѣвочкой, проситъ насущнаго хлѣба.—Слава Господу! есть, выдали мѣру ячменя. — Семидесяти-лѣтній Олушка, въ лохмотьяхъ только мѣстами покрывающихъ изсохшее тѣло, питаемый тоже Миссіею, говоритъ о тощемъ желудкѣ и нагой плоти.—Помогли и тому и другой, чѣмъ было можно.—Въ уголку жмется мать съ груднымъ ребенкомъ, все лице котораго занято сильнымъ рожистымъ воспаленіемъ; на лавкѣ тяжело дышетъ здоровый дѣтина, весь разбитый лошадью.—Оба осмотрѣны, перевязаны; обоимъ даны гомеопатическія лекарства, эти истинные благодѣтели инородцевъ, которые не читая аллопатическихъ поношеній и осмѣяній гомеопатіи видятъ на себѣ истинно-чудесныя дѣйствія ея ежедневно!—Данило! тебѣ что, и что это за ребенокъ съ тобою?—«А вотъ, батюшка, я за большимъ совѣтомъ. Это сынъ моего покойнаго не крещеннаго брата. Знаете, по нашему обычаю, вдову долженъ взять за себя оставшійся братъ, ну, и дѣти и имѣніе ему же, стало быть мнѣ. Я крещенный, жена есть, другой взять не могу;—вотъ я говорю вдовѣ: даю тебѣ свободу, выходи за кого хочешь. Если незахочетъ, то я буду кормить ее; сына же ея принадлежащаго мнѣ, матери отдать не хочу, если она выйдетъ за некрещеннаго; беру его подъ свою опеку, потому что мой долгъ передъ Богомъ, чтобъ и онъ былъ крещеннымъ. А чтобъ она знала, что я за имѣніемъ не гонюсь, хотя имѣю полное право распоряжаться имъ, то готовъ при обществѣ описать его, и обязуюсь передать вполнѣ племяннику, когда достигнетъ совершеннолѣтія. Но жена брата въ связи съ некрещеннымъ, хочетъ выйти за него и споритъ объ имѣніи. Сторону ея держатъ некрещенные Зайсаны, подкупленные любовникомъ. Какъ быть? что посовѣтуешь? Сильно нехочется оставить мальчика-то не крещеннымъ; братъ передъ смертію хотѣлъ и самъ креститься,—да жена недопустила; а за имѣніемъ я не гонюсь.

рѣши, какъ дѣлать?»—Желаніе твое, Данило, очень хорошо; племяннику твоему лучше попасть въ твои руки нежели къ не крещеннымъ;—но Миссіонеры рѣшить и утвердить этого не могутъ, а совѣта нашего некрещенные не послушаютъ. Сходи въ новокрещенное общество и скажи имъ, отъ насъ, чтобъ они разобрали дѣло по вашимъ обычаямъ, если дѣйствительно жена и сынъ умершаго брата должны принадлежать тебѣ, то пусть напишутъ отъ себя бумагу къ некрещеннымъ Зайсанамъ и пошлютъ съ нарочнымъ. Если ихъ не послушаютъ тогда обратись въ Земскій Судъ.— «Ой! ты батюшка! Куда намъ въ Земскій Судъ! Да это такое, что я съ плачемъ откажусь отъ племянника, и отъ добраго дѣла, и отъ вдовы брата, и отъ всякаго самаго богатаго имѣнія,—а ужъ ѣхать ни за что не поѣду!»—Ну, съ Богомъ! иди себѣ; что дѣлать не знаю! Помолимся, подумаемъ и постараемся нельзя-ли будетъ какъ нибудь уладить; все въ волѣ Божіей!—За Данилой явился другой проситель, съ новою исторіей.—Некрещенный Самайло *) разсказалъ намъ нечисто-русскимъ языкомъ:—«Былъ я эсауломъ, (второй послѣ волостнаго старшины), любилъ судить справедливо и не давалъ старостѣ обижать народъ; за то и не могъ устоять; по проискамъ меня смѣнили,—я и не гонюсь, мнѣ теперь спокойнѣе. Но вотъ что, у покойнаго родственника, новокрещенца изъ нашихъ, купилъ я скота на нѣсколько десятковъ рублей, деньги всѣ честно уплатилъ, частью при свидѣтеляхъ, частью безъ нихъ. Вдова стала требовать долгъ, говоритъ, будто я ничего не отдалъ; а старшины, за неудовольствіе на меня, сильно поддерживаютъ ее. Ну, чтобъ не быть грѣху, я заплатилъ во второй разъ;—убытокъ этотъ сдѣлался для меня разорительнымъ. Упроси новокрещенную отдать мнѣ

*) Самайло, по крещеніи Даніилъ, примѣрный христіанинъ.—Дочь свою, больную, но весьма добрую и способную дѣвочку, онъ присылалъ въ Улалу (за 150 вер.) учиться грамотѣ. Много терпитъ онъ, какъ и другіе отъ некрещенныхъ волостныхъ чиновниковъ; въ одну ночь онъ былъ избитъ до полусмерти и, точно, помогъ лишь Богъ; Даніилъ вполнѣ безнадежный, выздоровѣлъ и не ропщетъ; онъ рѣдкаго характера и примѣрнаго благочестія.

мое назадъ, а я буду креститься.»—Трудно,—отвѣчали мы,—даже и обнадеживать тебя невозможно. Если желаешъ ты креститься, то крестись не для выгоды, а для спасенія души; крестись не имѣя въ виду ни малѣйшей помощи въ твоемъ дѣлѣ;—вотъ, обдумай-ка это? Приди сказать что на сердцѣ у тебя будетъ; а въ дѣлѣ мы тебѣ не помога.—Между тѣмъ толмачу было сказано навѣщать Самайло почаще и въ разговорахъ располагать его оставить дѣло, забыть обиду и потерю, а креститься безкорыстно; принять это таинство, какъ драгоцѣннѣйшее всего на свѣтѣ, котораго ничѣмъ купить нельзя, но которое само дастъ спокойствіе и отраду, а за гробомъ вѣчное блаженство.—Не долго времени прошло Самайло опять явился?—Ну, что думаешь?—«Да что думать-то? Хорошо мнѣ очень было слушать-то объ Истинномъ Богѣ; а когда М. (толмачь) разсказывалъ о Плакидѣ, то сильно захотѣлось и самому быть крещеннымъ;—да теперь не могу. Жена мнѣ никогда не прекословитъ, а все же нужно посовѣтоваться съ нею; слова вѣрнаго дать не могу, чтобъ не сдѣлаться обманщикомъ.—Мѣсяца чрезъ два приду; но крестъ теперь же надѣньте (оглашеніе) на меня.»—

— Смотри! чтобъ не обманулъ тебя дьяволъ?—«Нѣтъ, не обманетъ, за крестъ держаться буду крѣпко.»—Дѣйствительно онъ устоялъ. Мѣсяца чрезъ два, послѣ приготовленія и испытанія, онъ былъ окрещенъ, при чемъ хотя и скорбѣлъ отъ убытка, но по совѣту нашему согласился уступить часть. Куда!—подстрекаемая своими вдова и слушать не хотѣла, хотя неосторожно созналась намъ прежде, что можетъ быть мужъ и получилъ все, да ей не сказалъ.—Нечего дѣлать, объявили крещенному, чтобъ ждалъ награду только въ будущей жизни...

— Хорошо, сказалъ онъ женщинѣ.—Богъ съ тобой! прощаю все, пусть тамъ разсудятъ насъ!»—Она смутилась видя его спокойствіе, и сама склонилась возвратить болѣе половины. Отъ идолопоклонки и этого ждать было трудно... Не оберешься всѣхъ такихъ *дѣлъ*; не перескажешъ.—Вотъ вамъ одна сторона обыденной жизни нашей...»

А вотъ черты жизни ѣздовой. — «Великій постъ; назначено отправиться верстъ за сто, въ сел. *Кылташъ*, къ недавно крещеннымъ Кумандинцамъ. Мы собрались, съ толмачемъ Михаиломъ, новокрещенцемъ, мальчикомъ лѣтъ 15-ти, запаслись сухарями и чѣмъ случилось, на недѣлю. Двѣ тощія лошаденки, гуськомъ, потащили узкія салазки. Погода благопріятствовала; но на разстояніи двадцати верстъ внезапно измѣнилась. Нагрянулъ злѣйшій буранъ, все закрутилось, закуталось въ бѣлый мракъ!.... Едва, едва могли мы добраться до ближайшаго селенія, на ночлегъ. Къ утру постихло; пустились далѣе.—Путь нашъ лежалъ внѣ горъ, т. е. безъ дороги, по засыпаннымъ глубочайшимъ снѣгомъ пространствамъ, гдѣ мы въ цѣлый день протащились едва-ли 12 верстъ. Къ ночи завылъ буранъ, еще злѣе, тащиться стало еще хуже; на душѣ сумрачно—какъ въ небѣ; въ тѣлѣ, въ головѣ смута—какъ въ воздухѣ!.. Господи помилуй!—Съ неслыханными страданіями и усиліями добрались мы, въ три дня, до татарскаго селенія, отъ котораго оставалось менѣе 10-ти верстъ до нашей цѣли: Небо прояснѣло, въ сердцахъ у насъ повѣселело; вотъ, думаемъ мы, часа черезъ полтора будемъ на мѣстѣ.—Но,—преглубочайшій снѣгъ, и къ тому же мягкій какъ пухъ, не дозволялъ употребить лыжи, а о саняхъ и думать было невозможно. Сѣли верьхомъ;—бѣда! Дороги не было слѣда; безъ выбора надлежало шагать прямикомъ; а лошади тонули въ снѣгу по брюхо; какая возможность сидѣть на конѣ, глубоко бороздя снѣгъ ногами?—Мы спускались чуть не черезъ шагъ, чтобъ протаптывать для коней тропинку, сами увязая выше колѣна; каждая верста требовала болѣе часа. Добрались до ложбины, коней вести не было болѣе никакой возможности; рѣшились отпустить ихъ съ возчикомъ, а сами съ котомками на плечахъ начали спускаться. Что значитъ, чего стоитъ уже измученнымъ людямъ каждый такой шагъ, выше колѣнъ въ снѣгу, подъ ношею за спиной?!. А товарищъ мой еще страдалъ ранами на ногахъ отъ сильной простуды. Становилось темно, мы изнемогли тѣломъ и духомъ; думали-что тутъ бѣлая и холодная мо-

гила наша и согрѣвались только молитвой. Но милосердъ Господь! Не очень далеко, въ мглѣ, сверкнулъ огонекъ въ лачужкахъ новокрещенцевъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по пригорку; народъ на лыжахъ еще двигался въ аилѣ. Люди поспѣшили на крикъ нашъ.... Мы остановились у новокрещеннаго бывшаго прежде Камомъ..... Жители здѣсь на половину крещеные, на половину некрещеные; внѣшняго различія между ними мало. Женщины у новокрещенныхъ одѣваются по Русски, на всякомъ окрещенномъ есть крестъ, въ домикѣ у каждаго въ углу маленькая икона на доскѣ или на бумагѣ. Кумандинцы обоего пола носятъ верхнюю и нижнюю одежду изъ бѣлаго холста. Жители здѣшніе окрещены не болѣе какъ за полгода и очень отдалены отъ стана; вотъ почему при этомъ первомъ пріѣздѣ нашемъ мы не встрѣтили въ нихъ того радушія, съ какимъ насъ обыкновенно встрѣчаютъ новокрещенцы другихъ селеній. На утро хозяинъ пригласилъ всѣхъ новокрещенныхъ обоего пола. Выраженіе ихъ равнодушія и безучастія сжало мое сердце!...... Вотъ какъ важно, какъ необходимо Миссіонерамъ имѣть возможность, часто, безпрерывно посѣщать новыхъ христіанъ; дѣйствовать на нихъ словомъ и любовію постоянно.—Призвавъ Имя Божіе на помощь моему недостоинству я началъ бесѣду.—Слушали невнимательно,—шептались, глядѣли по сторонамъ, безпрерывно выходили курить трубку... Одинъ изъ некрещенныхъ, знающій русскій языкъ, помогалъ намъ разсказывать о Спасителѣ, Господѣ Іисусѣ Христѣ.—Но говорить имъ было то-же, что плыть противъ потока!... Кто же *изъ вашихъ* можетъ поставить себя въ наше положеніе даже и воображеніемъ?—Кто можетъ понять страшную тоску и уныніе людей, которые натерпѣвшись, настрадавшись въ пути, встрѣчаютъ чувства столь противныя ожиданнымъ?... Но молитва дѣйствуетъ, поддерживаетъ и помогаетъ!... Мало помалу слушатели начали становиться внимательнѣе; замѣтивъ это товарищъ мой воодушевился внезапно;—кто внушалъ его?... Онъ началъ говорить такъ отъ сердца, такъ просто, умно, увлекательно и для простяковъ этихъ,

такъ понятно, съ такими слезами, что они обратились въ слухъ и вниманіе, а я невольно прослезился благословляя Господа и вспоминая слова:—«*Дастся-бо вамъ въ той часъ что возглаголати!*»—Юрта обратилась въ церковь; вздыхали, отирали слезы, слушали каждое слово нежданнаго 15-ти лѣтняго проповѣдника, съ благоговѣйнѣйшимъ вниманіемъ! Вотъ они, новокрещенные; какихъ Миссіонеровъ можетъ вывесть изъ нихъ Богъ!... Болѣе трехъ часовъ протекло въ этой бесѣдѣ; люди разошлись въ глубокомъ раздумьѣ о слышанномъ.—Боже великій,—думалъ я,—кто тамъ, у васъ, въ городахъ и столицахъ, сбираясь на многоцѣнные балеты, плясанья, концерты и другія, можетъ быть еще *благотворительныя*, *филантропическія*, наглядѣнія, потѣшенія похотей страсти, съ издержкою на это кругомъ хоть тысячь по 20-ти въ день, недумаетъ положительно, что служитъ великую службу Богу?.. Скажите-ко имъ про избушки въ дикомъ Алтаѣ зарытыя въ снѣгу, потрясаемыя бураномъ; про собраніе бѣдныхъ этихъ полудикарей въ холщевыхъ мѣшкахъ, про бесѣду нашу.... О! какая презрительная улыбка, какое глубокое сожалѣніе о невѣжествѣ нашемъ пробѣжитъ въ ихъ мозгахъ и сердцахъ: — «развѣ это дѣятельность на пользу общества?—скажутъ они,—развѣ это утилитарность, прогрессъ или цивилизація!?»—Назначено было въ слѣдующій вечеръ опять собраться. Господи! какъ стало намъ легко и весело! Вся усталь, весь трудъ позабылись, обратились въ радость!—Въ этотъ вечеръ учились молитвамъ и повторяли ихъ, на татарскомъ языкѣ. Слушатели становились съ минуты на минуту внимательнѣе, ласковѣе и довѣрчивѣе.— Жена нашего хозяина такъ затвердила молитвы и исторію жизни и страданій Спасителя, что нетерпѣливо подсказывала всѣмъ другимъ, забывшимъ. Она отличалась и особенною набожностью и уваженіемъ ко всѣмъ правиламъ; когда всѣ разошлись Марія передала мнѣ таинственно: — «видѣла я чудный сонъ;—а къ добру-ли, не знаю? Скажи?—Въ щелку избушки нашей запалъ лучь свѣта, сталъ шириться, шире, шире и сдѣлался изъ него свѣтлый кругъ. Мнѣ тотчасъ пришло

на сердце, что въ этомъ кругѣ Самъ Богъ, а я видѣть Его, грѣшная, не могу! Только подумала это, а изъ свѣта-то слышу голосъ:—«и ты увидѣла-бы и другимъ вашимъ я открылся бы, но вы не соблюдаете постовъ»!—Потѣшьте кого нибудь изъ вашихъ разумныхъ, разскажите, имъ это; то-то посмѣются!—Пробывъ тутъ нѣсколько дней мы оставили новокрещенныхъ въ такихъ чувствахъ, въ такомъ расположеніи къ слову Божію, лучше какихъ сердце наше не могло желать! Слава Премилосердому!—Въ обратный путь дорога была хороша. Изъ послѣдней деревушки оставалось до стана 15 верстъ, которые мы бодро и весело прокатились на лыжахъ».......

Весь край, кромѣ развѣ сѣверо-западной части, для проѣздовъ если не совершенно невозможенъ, то затруднителенъ до чрезмѣрности. Переѣзды сопряжены съ лишеніями крайнѣйшими и съ опасностями ежеминутными, съ безпрерывнымъ страхомъ потерять жизнь. Миссіонеръ съ трудомъ имѣя только двѣ лошади, обязанный взять съ собою иногда на 40—50 дней однихъ лишь сухарей, отправляется за сотни верстъ; а мѣстами не возможно и думать о какомъ либо проѣздѣ иначе какъ въ самое жаркое лѣто и то только верхомъ. Весною же, осенью и въ ненастье никакой способъ путешествія не возможенъ. Множество рѣкъ чрезвычайно быстрыхъ и глубокихъ, топей и болотъ послѣ малѣйшаго вѣтра, дождя, таянья снѣговъ наводняютъ всѣ пространства между горами. Зимою же снѣга доходятъ иногда до 2-хъ саж. глубины, и если остается какая либо возможность двигаться, то уже не на лошади,—которая вязнетъ, даже тонетъ въ снѣгу будто въ водѣ, а только на лыжахъ, и то когда снѣгъ улегся и окрѣпъ, иначе и съ ними увязнешь. Но и на лыжахъ если удобно скатиться съ горы, то каково входить на гору, да еще имѣя за спиной порядочную ношу?—Чтобъ дать тѣнь понятія о всемъ этомъ, въ истинѣ понятномъ только Миссіонерамъ, нужно-бы было напечатать книгу случаевъ, безъ которыхъ не проходитъ почти ни одна поѣздка. Путешествій же отлагать нельзя Миссіонеру, давшему обѣтъ предъ Богомъ; ѣхать на спасеніе души не то,

что на званный вечеръ, даже не то, что на службу; тамъ не трудно и промедлить и не быть готовымъ, здоровымъ, и исполнить кое-что, кое какъ; здѣсь день промедленія—есть можетъ быть вѣчная гибель души. Тамъ—недовольная мина, замѣчаніе, пожалуй даже арестъ; здѣсь отвѣтъ, по священству, предъ Богомъ,—и судъ въ вѣчность!... Кто способенъ понимать это, тотъ можетъ и оцѣнить.—Мы привели бы множество случаевъ, но довольно приведеннаго выше и здѣсь помѣщаемаго; онъ относится къ другому времени года.—Рѣка, которую обыкновенно переѣзжаютъ въ бродъ въ пол-часа, въ часъ, отъ сильнаго дождя внезапно прибыла; лошади плывутъ; повозка опрокинута быстриною; одинъ изъ двухъ Миссіонеровъ, не умѣя плаватъ, утопаетъ; другой, уносимый самъ, долженъ спасать его! Кругомъ пустыня, глушъ, ни жилья, ни души!... Помогаетъ, избавляетъ только Богъ!... Въ Мартѣ начальникъ Миссіи едва не погибъ на пути изъ одной деревни въ другую: неожиданный буранъ разразясь, какъ всегда, мгновенно и съ ужасной силой, завылъ и въ воздухѣ закипѣло какъ въ паровикѣ; дыханье захватило, въ полномъ смыслѣ слова; въ одну минуту за шагъ не было видно ничего; еще 4—5 минутъ—всякій слѣдъ и черта были потеряны; кони буквально зарывались въ снѣгъ по грудь.—Ночь набѣжала, порывы бѣшеной бури гнали вѣтръ и волны снѣга съ яростью океана, катящаго горы волнъ. Почти полумертвые, окоченѣлые, блуждая на авось, погружаясь все болѣе, въ эту пуховую могилу, одни въ безбрежномъ пространствѣ, путники вдругъ заслышали лай собаки!... И вскорѣ, сверхъ всякаго чаянія, наткнулись на татарскую юрту!... О! какое благодареніе Богу, какая пѣснь Ему голосомъ души!—Съ какимъ счастіемъ, съ какою *роскошью* успокоились они въ потрясаемой какъ листъ и проникаемой бурею юртѣ; въ нестерпимомъ зловоніи, между отвратительнѣйшей грязи и міріадами насѣкомыхъ!... На другой день сюда же привѣзли найденнаго полузамершимъ новокрещеннаго, сбитаго съ коня порывомъ бури и пролежавшаго всю ночь зарытымъ въ снѣгу.—Въ такіе то бураны, въ *Черни* всегда сильнѣйшіе, когда

въ лѣсахъ деревья вырываетъ съ корнями, заваливаетъ ими долины и трущобы,— Миссіонеръ крестившій или поучавшій гдѣ либо бѣдныхъ чадъ, порожденныхъ имъ къ истинному свѣту, переѣзжая отъ мѣста къ мѣсту, въ узкихъ салазкахъ на парѣ, рѣдко на тройкѣ, гуськомъ, тащится иногда 8—12 часовъ, пять, шесть верстъ; изъ сожалѣнія къ бѣднымъ лошадямъ онъ долженъ, по мѣстамъ взбираться въ гору на лыжахъ; но на лыжахъ въ гору—легко сказать, пробраться же такъ двѣ, три версты, есть подвигъ истинно-атлетическій. Единственное утѣшеніе въ этихъ случаяхъ: пѣніе и молитва, разносящіяся по пустынѣ.—Случается что и на лыжахъ нѣтъ уже никакой возможности двигаться, какъ и верьхомъ; тогда безпрестанно сходятъ съ коня, чтобы съ понятнымъ трудомъ уминать для него тропинку, утопая въ снѣгу выше колѣна.—Нерѣдко лошадей отпускаютъ, а сами стараются найти путь въ ложбинѣ.

Ознакомясь съ трудностями миссіонерскаго дѣла и дѣланія, съ борьбами, препятствіями всякаго рода, воздвигаемыми природою, людьми и сосложеніемъ разныхъ началъ и обстоятельствъ, взглянемъ, въ этомъ же отдѣлѣ, на практику великаго вопроса мірской заботливости и гуманнаго уваженія къ неприкосновенности *свободы совѣсти*, т. е. на практику *крещенія малолѣтныхъ* (до 14 лѣтъ), какъ и на насильное, будто-бы, обращеніе возрастныхъ, безъ сознанія съ ихъ стороны.—Идеологическія, кабинетныя умопренія и научныя разрѣшенія вопросовъ сихъ,—очевидно питающіеся гораздо болѣе индефертисмомъ къ судьбѣ души человѣка и безразличіемъ въ дѣлѣ Вѣры, нежели любовію къ братіи, по завѣщанію Самой Истины,—были всегда существенною причиною чрезмѣрной малоуспѣшности нашихъ духовныхъ Миссіонерствъ, сравнительно—крайне малаго числа обращенныхъ и огромной массы еще ждущихъ отъ насъ обращенія къ свѣту Истины, язычниковъ.—*Факты* лучше всякихъ разсужденій раскрываютъ правду дѣла; изъ множества ихъ приведемъ, на выдержку, нѣсколько, для тѣхъ *благоволящихъ*, которые не задались еще мы-

слію прямо отвергать даже и живые факты, лишь-бы поддержать лживость безжизненныхъ своихъ *системъ.*

Прежде всего повторимъ неопровержимо-доказанное 33-хъ лѣтнею опытностью,—именно: что насильственныхъ крещеній не было, потому уже, что они между язычниками идолопоклонниками рѣшительно ни какимъ образомъ *не возможны*;—что вообще число крещеній малолѣтныхъ всегда было очень незначительно;—что обращенія и крещенія совершеннолѣтныхъ, возрастныхъ и даже престарѣлыхъ, вообще-же, всегда бывали слѣдствіемъ вліянія на нихъ примѣра жизни и измѣненія нравовъ окрещенныхъ ихъ дѣтей и родственниковъ.—Переходимъ къ самымъ фактамъ.

—Земледѣлецъ изъ деревни Барды привелъ 11 лѣтняго татарина *Туваша*, самъ онъ не могъ остаться въ Бійскѣ, какъ требовали того, мальчикъ-же не хотѣлъ и на одинъ день разлучиться съ попечителемъ, который принялъ и любилъ его какъ сына. Какъ согласить это съ продолжительнымъ срокомъ приготовленія?—Очень просто: единственнымъ—возможнымъ способомъ, отправить мальчика; пусть будетъ съ его душой что будетъ! Сдѣлали иначе, уговорили попечителя пробыть хотъ три дня; что-же вышло? *Тувашъ* не зналъ ни одного слова по русски,—(тутъ оказалась вся великость пользы переводовъ на татарскій языкъ),—но въ немъ заявились ревность и духовная переимчивость истинно *чудесныя*, другаго выраженія употребить не возможно. Онъ слушалъ и учился не отставая отъ дѣла до глубокой ночи; это поразило и утѣшало Миссіонеровъ; на другой день—тоже. Онъ понималъ уже все переданное ему оченъ ясно и помнилъ весьма точно. Поздно вечеромъ совершено обычное молитвословіе и дано оглашенному имя *Алексія* къ величайшей радости его; во всю ночь онъ повторялъ во снѣ:—*крэскэ! крэскэ! бажирып-ядымъ биръ кутайга!*»—(креститься! креститься! покланяюсь единому Богу!). На третій день Алексій исповѣданъ, окрещенъ, сподобленъ Св. Таинъ; Архимандритъ начальникъ Миссіи дѣлалъ вопросы и далъ слово разрѣшенія на ихъ языкѣ; еще день, другой и

счастливый, спасенный мальчикъ съ добрымъ его попечителемъ отпущены.—Что можетъ быть проще, естественнѣе, понятнѣе для православнаго?—А дѣло совершено великое; всякая заботливая регламентація, вся изысканность *пунктовъ* повели-бы лишь къ совершенію грѣха.

—«Миссіонеръ-священникъ при посѣщеніи инородцевъ въ христіанскомъ поселеніи *Билюлѣ*, узналъ отъ хозяина у котораго остановился, что уже около недѣли какъ къ нему прибѣжала изъ недальней юрты осьмилѣтняя дѣвочка, круглая сирота; (кто ее гналъ или сманилъ?),—требуя чтобъ ее окрестили; по вскорѣ явился дядя ея и насильно увелъ ребенка; (удерживалъ-ли кто?). — По просьбѣ тетки, недавно окрещенной, былъ посланъ Толмачь въ ихъ юрту, чтобъ поговорить съ родными дѣвочки; татары узнавъ объ этомъ увели дѣвочку съ ея пяти-лѣтнимъ братомъ въ лѣсъ, а сами ушли; Толмачь уже возвращался, когда плачь прозябшихъ дѣтей открылъ ихъ. — Вскорѣ вмѣсто одного крещены оба, по настоянію ихъ и тетки, которой они и отданы на воспитаніе.

—«Дѣвочка, сирота, осьми лѣтъ, *Иутый*, жила въ юртѣ дальныхъ родственниковъ близь дер. *Верхне-Айской*, около *Майны*, за р. *Катунью*. Прибѣжавъ въ деревню она просила знакомую ей женщину тотчасъ отвесть ее къ Абысу, (священнику), чтобъ окрестили. — Погоня родственниковъ была уже тутъ; они окружили домъ христіанки,—дѣвочка спряталась въ подполье; но ее должно было выдать бѣшенымъ идолопоклонникамъ. Жестоко высѣкли, колотили и мучили ребенка, за Іисуса Христа, обѣщаясь и убить за вторую попытку; это не погасило однакоже Божественной искры.—Черезъ двѣ недѣли ребенокъ бѣжалъ изъ той же юрты, къ той же женщинѣ и упросилъ ее тотчасъ ѣхать въ *Майму*. Онѣ отправились на одномъ конѣ, а ледъ на быстрой Катуни былъ уже очень хилъ и путь по выступившей водѣ чрезвычайно опасенъ;—Господь сохранилъ ихъ! Окрещенная *Марія* провожденная Миссіонеромъ до *Катуни*, еще болѣе опасной, въ виду его благополучно переправилась; чрезъ нѣсколько дней онъ нашелъ ее у

доброй женщины за прялкой.—Чтобъ нестѣснить, будто-бы, *свободы совѣсти* этого *ребенка* и *согласія* родныхъ,—столь сильно необходимаго тутъ со стороны идолопоклонцевъ,—не слѣдовало-ли снова, самимъ уже миссіонерамъ, выдать бѣдняжку этимъ варварамъ, на новое истязаніе и можетъ быть на убійство?!—Однако-же гуманность новѣйшихъ печальниковъ о достоинствѣ человѣческой свободы требуетъ именно этого!—Слово Спасителя — «*Истина свободитъ вы*»!—осталась за штатомъ ихъ ученія.

—«Возвращаясь изъ главнаго стана, *Улалы*, свящ. Миссіонеръ крестилъ въ *Кузедѣевскомъ* улусѣ десятилѣтняго мальчика, *Чермошка*. По духовному стремленію, возбужденному въ немъ спасительною благодатію, это былъ не ребенокъ, а бодрый и смѣлый мужъ. Когда, не смотря на его просьбы, слезы и сильнѣйшее желаніе, родители--язычники, конечно и не безъ побоевъ, стращали, что сами будутъ его крестить въ проруби, пока не заморозятъ, а если онъ останется живъ, то угонятъ въ дальній Алтай на всегда, и требовали чтобъ онъ покинулъ и мысль о христіанствѣ, мальчикъ безбоязненно объявилъ,—что не покинетъ ее, а твердо намѣренъ креститься! Точно, онъ сыскалъ себѣ путеводителя,— (легко ли все это, ребенку, въ Алтаѣ, между дикарями-родителями въ кругу такихъ же людей?),--прибылъ съ рѣки *Мрасы* за 160 верстъ, наставленъ, окрещенъ во имя *Ермолая*, и оставленъ въ Миссіонерскомъ училищѣ, ибо не зналъ ни слова по русски.—Что-бы послушать *сознанія* и совѣта, т. е. согласія его родителей?—Кто же, не насиловалъ, а усиливалъ волю мальчика—если не Самъ Богъ?....

—«Другой такого же возраста дитя, *Такенай*, пришелъ изъ трущобъ *Черни*, за 250 верстъ, одинъ, на лыжахъ, чтобы требовать крещенія!—Развѣ это не удивительно?

—«Начальникъ Миссіи прибывъ въ дер. *Мыюту*, за 150 верстъ отъ его мѣстопребыванія, *Улалы*, узналъ, что уже болѣе мѣсяца его ждетъ тутъ Калмыкъ *Эзбаякъ*, 13-ти лѣтъ, чрезвычайно малорослый. Недавно осиротѣвъ онъ пріютился

на р. *Урсулъ* у некрещеннаго родственника, жена котораго била мальчика на смерть, и пробивала ему черепъ, чему остались слѣды.—Полунагой, избитый, безъ пищи, безъ дороги, на авось, горами и лѣсами онъ бѣжалъ подъ охраною провидѣнія.—Причиною звѣрства Калмычки было то, что *Ээбаякъ* услышавъ отъ крещенныхъ объ истинномъ Богѣ, Вѣрѣ и Крестѣ, получилъ неудержимое желаніе креститься и началъ самъ дѣлать кресты, изъ всего, какъ умѣлъ; онъ ставилъ тѣ кресты вездѣ и предъ ними мысленно покланялся христіанскому Богу!—Что это? насиліе или сознаніе совѣсти, духа?—Когда ему долго не случалось возможности исполнять это, то становилось невыносимо скучно; онъ убѣгалъ въ лѣсъ и тамъ тайно занимался любимымъ дѣломъ; женщина ловила, заставала мальчика, била, терзала его и выхватывая большой ножъ,—который Калмыки мужчины и женщины всегда носятъ на опояскѣ,—обухомъ пробивала ему голову. Когда раны начали подживать, онъ, помолясь въ лѣсу, бѣжалъ въ ту сторону, откуда обыкновенно выѣзжали крещеные. Не зная пути мальчикъ блуждалъ по лѣсамъ и горамъ 11 дней, питаясь только кореньями травъ *кандыка* и *саранѝ* и утѣшаясь крестомъ да молитвой, творимой какъ умѣлъ.—На 12-й день онъ попалъ на дорогу къ *Мыютѣ* и ушелъ бы въ *Улалу* (еще за 100 вер.), еслибъ ему не сказали, что сюда ждутъ начальника Миссіи. *Ээбаякъ* не отходилъ отъ него ни на шагъ, въ неописанной радости вился около него, какъ самый нѣжный сынъ около отца, слѣдовалъ за нимъ повсюду. Онъ учился съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и быстротою; ясно и скоро понялъ и затвердилъ огласительное ученіе и молитвы, такъ что дорогою училъ уже другихъ.—*Ээбаякъ* (въ крещ. Андрей) одинъ изъ лучшихъ новокрещенцевъ; кроткій, послушный, ревностный и воздержный любитель уединенія.—Какъ бы, казалось, не оставить его, по несогласію родственницы, Калмычки, при ней, подъ вліяніемъ ея нѣжныхъ попеченій и просвѣтительной свободы ея совѣсти; оно вѣроятно было-бы *раціональнѣе.*

—«Вотъ еще фактъ такого же стѣсненія воли дѣтей Миссіею,

Въ одну изъ поѣздокъ начальника ея, были оглашены три сироты: *Кечегей* (дѣвочка 6-ти лѣтъ, Софія);—ея братъ *Тутувай* (3-хъ лѣтъ, Іосифъ),—и *Тюзюнекъ* (дѣвочка 5-ти лѣтъ, Наталья). Родители ихъ, кочевавшіе при дер. *Черњ* померли отъ горячки; невыразимо грязныя юрты и безпрестанное обращеніе съ идолопоклонниками для маленькихъ сиротъ, уже оглашенныхъ, было и бѣдствіемъ и постоянною опасностью; изъ христіанъ же кто могъ согласиться взять къ себѣ малютокъ, только стѣснившихъ-бы тѣсный уже бытъ и требовавшихъ призора и содержанія? Должно удивляться какъ они не погибли скитаясь или не были растерзаны скотомъ? Боясь отвѣтственности и еще болѣе желая отдѣлаться отъ нищихъ сиротъ, крестьяне уговорили малютокъ отправиться къ начальн. Миссіи, который принялъ ихъ въ свой домъ. Приучаясь жить по человѣчески, подъ материнскою попечительностію его жены, которая была ихъ наставницею, они вышли премилыя дѣти. Всѣ безпрерывно просили о крещеніи, хватали за руки Миссіонера и повторяли:—«*Атай! касянъ крэскэ тюзедымъ!* (отецъ! когда я буду креститься?). Наиболѣе желавшій, Іосифъ, въ 1845 году заболѣлъ, а потому прежде другихъ окрещенъ, пріобщенъ и вскорѣ скончался. Другая научилась граматѣ, Закону Божію, окрещена и выдана за новокрещеннаго-же. При этомъ открылось что у нихъ есть старшій братъ; узнавъ что сестры его живы и благополучны онъ тоже принялъ крещеніе. Такъ были приведены къ Богу четыре гибнувшія души.

—«Въ *Маймњ* былъ крещенъ 13-ти лѣтній Калмыкъ *Тюкпень*; онъ пожелалъ возвратиться къ принявшему его раскольнику, близъ котораго, верстъ за 400 отъ Миссіи, жила некрещенная его мать; узнавъ что это не дозволяется онъ тотчасъ согласился остаться при Миссіи. — Мысль сдѣлаться христіаниномъ сильно заняла его на одиннадцатомъ году и, скрывая ее онъ, для удобнѣйшаго исполненія въ будущемъ тайнаго намѣренія своего, уговорилъ свою мать поселиться, далеко отъ прежняго мѣста, близъ означеннаго крестьянина дер. *Уймо-*

на, внутри Алтая, потому лишь что крестьянинъ этотъ чаще другихъ выѣзжалъ въ Русь; мальчикъ трудолюбиво и безропотно работалъ у него два года, только съ тѣмъ, чтобъ онъ отвезъ его въ Миссію креститься!—Если эти и подобные примѣры, (а ихъ множество), дѣтей такъ осторожно, обдуманно, стойко, ревностно ведущихъ, иногда нѣсколько лѣтъ, презирая опасности и устраняя всѣ препятствія, дѣло совершенія святаго замысла, не доказываютъ *сознанія* совѣсти самаго яснаго и *воли* самой сильной, при которыхъ искать уже ничего другаго не для чего,—ибо все другое было бы лишь насиліемъ воли и извращеніемъ совѣсти,—то трудно и придумать, какія свидѣтельства могли-бы быть очевиднѣе этихъ?.. Это вмѣстѣ доказываетъ еще, какъ богата жатва и какъ былъ-бы обиленъ плодъ ея, еслибъ дѣлателямъ не препятствовали, а напротивъ того способствовали всѣми возможными средствами.— Новокрещенецъ этотъ, *Иванъ Соколовъ*, добрый христіанинъ, примѣрный домохозяинъ и земледѣлецъ въ сел. *Кебезени*. Онъ перевезъ къ себѣ свою мать и не только ее, но многихъ убѣдилъ быть христіанами, за что благодушно претерпеваетъ, во имя Христа, ругательства и побои отъ некрещенныхъ.

—«Въ одномъ изъ становъ Миссіи былъ окрещенъ косноязычный Калмыкъ, мальчикъ 10 лѣтъ, *Бюрюгошъ*, (назв. Василіемъ); мать его была крещена не задолго предъ тѣмъ и не неволила сына; но онъ,—видя ея спокойствіе, перемѣну нрава и превосходство жизни послѣ крещенія, — самъ просилъ креститься и согласилъ мать взять его отъ дяди; этотъ, желая удержать мальчика, объявилъ, что скоро будетъ креститься самъ. Со временемъ ложь открылась и мальчикъ былъ окрещенъ по собственному настоянію и по желанію матери.— Василій научился русскому языку, Св. Исторіи, Катихизису; пріобыкъ къ прививанію оспы, къ земледѣлію; завелъ хозяйство въ *Улалѣ*, и какъ добрый христіанинъ покоитъ престарѣлую свою мать.—Не утѣшительно-ли это? Такъ дѣло Миссій спасаетъ, возраждаетъ, утѣшаетъ, поддерживаетъ всѣ воз-

расты; — но кто же у насъ утѣшалъ и поддерживалъ Миссію?....

—« Въ *Улалу* прибѣжалъ изъ ближнихъ юртъ татаринъ *Тульчукъ* лѣтъ 10-ти, требуя тотчасъ креститься и *не выдавать его матери*, которая, по его словамъ, должна была вскорѣ явиться. Онъ разсказалъ что—«прежде и она рѣшилась креститься, теперь-же не хочетъ, не знаетъ почему. На вопросы, почему-же онъ сохранилъ намѣреніе, когда мать, старѣе его и опытнѣе, отказалась отъ него? Мальчикъ совершенно сознательно отвѣчалъ:—«потому, что вѣра наша дурная, всѣ у насъ знаютъ это; жертвы приносятъ дьяволу для того чтобъ откупаться отъ болѣзней, отъ смерти, отъ потери скота;—а всѣ хвораютъ, умираютъ, скотину всю *прокамлаютъ* (перережутъ на жертвища), раззорятся,—вотъ и вся польза! Кланяются какъ богу болванамъ и кукламъ, которыхъ сами дѣлаютъ; мажутъ ихъ кровью, — вотъ и вся вѣра! Мы знаемъ, что крещеные вѣруютъ и молятся Богу Истинному, живому, Творцу неба и земли и всего; такъ я отъ нихъ слышалъ и такъ мнѣ глубоко вѣрится самому; а потому хочу непремѣнно креститься.» — Хорошо, что ты знаешъ это,—сказали ему, — но ты не знаешъ еще того, что Св. Крещенія нельзя искать ни для какихъ выгодъ, ни для какихъ удобствъ на землѣ; нужно тебѣ понять что оно ищется и дается только для того, чтобъ въ этой жизни хоть нищетою, горемъ, бѣдами и безропотнымъ перенесеніемъ ихъ, приготовить себя къ полученію блаженной и безконечной уже жизни тамъ, со Христомъ.—И этотъ, привычный способъ дѣйствій, опять, пожалуй, не насиліе-ли надъ малолѣтнымъ со стороны Миссіи?—«Да я такъ и хочу!»—отвѣчалъ онъ твердо.—Явилась разъяренная мать. *Тульчукъ* заперся и на неистовые крики ея у оконъ, не отвѣчалъ; когда она поуспокоилась онъ вышелъ къ ней самъ, кротко напомнилъ ей собственное намѣреніе ея креститься, слезно уговаривалъ ее, и она тоже весьма спокойно начала упрашивать его возвратиться домой. На рѣшительный отказъ, она стала угрожать побоями, потомъ плакать, метаться, бѣситься; исто-

щивъ всѣ средства она вдругъ схватила его за руки и бѣшено потащила... Онъ успѣлъ высвободиться, заперся опять въ комнату, и долго, долго, изъ окна уговаривалъ ее такъ, что тронулъ черствую душу идолопоклонницы. Она дала слово креститься, но не ранѣе какъ черезъ годъ, когда устроитъ свои домашнія дѣла; послѣ чего отправилась домой, уже совершенно спокойною.—Дѣйствительно, черезъ два года она окрестилась и живетъ съ этимъ сыномъ, *Іоанномъ, въ Маймѣ*. — Пусть любой драматургъ изложитъ эту чрезвычайную драму, между сыномъ и матерью, пусть украситъ ее всѣмъ искусствомъ, всею поэзіей, всѣмъ блескомъ ея. Позволено крѣпко сомнѣваться, чтобъ она понравилась зрителямъ—судьямъ! Движитель ея, какъ и развязка,—добродѣтель внушаемая Богомъ и благодатное торжество крѣпко возлюбившаго ее надъ, страстью истекающею изъ другихъ началъ,—а это *устарѣло*, — это холодно, тутъ главное дѣло принадлежитъ Истинѣ и добродѣтели, а не лжи и пороку;—условіе не распаляющее ума и не трогающее плотскихъ чувствъ, замѣнившихъ духовныя;— не принимается, не понимается!.... Но развѣ отъ того дѣло само по себѣ не останется все таки чудесно-прекраснымъ, а эта Истина—все таки Истиною, какъ та ложь ложью; это спасенье—все-таки спасеньемъ, какъ та погибель погибелью?.... Мы, съ своей стороны, съ невыразимымъ участіемъ созерцаемъ эти драмы, совершающіяся въ глуши, въ пустыняхъ, между полудикарей; драмы глубокія по вѣчному смыслу ихъ великой простоты; благія, дивныя въ скромной развязкѣ ихъ.—Пусть совѣсть здравомыслящаго христіанина сравнитъ ихъ съ тѣми, которыя въ обширныхъ и кичащихъ новѣйшимъ просвѣщеніемъ центрахъ, скрываютъ, подъ шумихой обстановки и вычурностью наряда, пустоту и ложь созерцанія, грязь страстности и преступное безуміе мысли.

—«Двѣ маленькія Калмычки, *Улчакъ*, 9-ти и *Бильбезекъ* 10-ти лѣтъ, узнавъ многое, отъ крещеной сродницы, о Вѣрѣ и жизни христіанской, согласились между собою принять крещеніе. Онѣ тайно ушли, *Улчакъ* отъ некрещеннаго отца, а

Бильбезекъ отъ некрещенной же матери, въ ближнюю дерев. *Солоновку*, къ крестьянину *Жаркову*, провѣдавъ что онъ готовится ѣхать въ деревни близкія къ *Улалѣ*, (около 170 в.), и склонили его отвезть ихъ въ тамошній станъ, гдѣ и были оглашены; первая названа Надеждою, а вторая Вѣрой. Крестьянинъ хотѣлъ везть ихъ обратно, но дѣвочки, узнавъ что нужно учиться и что окрестятъ ихъ не скоро, просили чтобъ ихъ оставили до пріѣзда родителей; эти же услышавъ, что дѣти ихъ уже окрещены при Миссіи, не торопились. Прошло около года, отецъ *Уулчаки* умеръ, мать *Бильбезеки* вышла за мужъ; оглашенныя продолжали учиться Закону Божію, граматѣ, рукодѣльямъ, а съ весною явились ихъ родственники. Узнавъ только тутъ, что дѣвочки еще не крещены, они стали требовать ихъ и обратились къ находившемуся тогда въ *Улалѣ* засѣдателю Бійскаго Зем. Суда Г. Старченкову. Онъ вызвалъ и родственниковъ и дѣвочекъ, которыя упрашивали оставить ихъ тутъ, увѣряя, что онѣ душей христіанки и у язычниковъ, которые имъ теперь не родные, жить не хотятъ и не будутъ. Засѣдатель отправилъ ихъ назадъ въ Миссію.—Вскорѣ прибыли другіе родственники, два родные брата дѣвочекъ, оба по 18 лѣтъ, чтобъ креститься самимъ, желая быть въ одной Вѣрѣ съ сестрами, о которыхъ просили чтобъ не отдавать ихъ никому; не много прошло времени когда и мать Вѣры съ мужемъ приняли крещеніе. Такимъ образомъ двѣ маленькія дѣвочки, настоятельнымъ желаніемъ креститься,—при благоразумной невыдачѣ ихъ Засѣдателемъ родственникамъ ихъ,—привели къ обращенію въ христіанство четырехъ возрастныхъ.—Въ послѣдствіи двѣ дѣвочки отданы въ замужство,—за христіанъ инородцевъ.

—«Вотъ еще замѣчательный примѣръ твердости намѣренія 12-лѣтней дѣвочки. По десятому году она многое узнала отъ христіанъ, полюбила все, что слышала, стала сближаться съ крещеными и все болѣе утверждалась въ запавшемъ въ ея сердцѣ намѣреніи быть христіанкой. Въ маленькой головкѣ этой перешло множество плановъ какъ-бы устроить дѣло, чтобъ тайно

уйти въ *Улалу* изъ отцевскаго стойбища? Болѣзни и смертность царствовали тогда между инородцами, а въ слѣдствіе ихъ отвратительное, раздирающее душу *Камланье* было въ безпрерывномъ ходу, съ безсмысленнымъ подчиваніемъ безобразныхъ болвановъ, зловонныхъ, обрызгиваемыхъ *бозо*, кровью терзаемыхъ животныхъ и пр.—Зрѣлища эти окончательно утвердили дѣвочку въ рѣшимости скорѣе исполнить свою мысль. Разстояніе отъ юрты ея отца, до *Улалы* было не значительное по Алтайски, около 40 в.; но она не знала дороги, а нужно было переправляться чрезъ быструю *Катунь*; потомъ страхъ преслѣдованія неминуемаго и наказанія строгаго, жестокаго, удерживалъ ее. Молча выжидала она, чтобъ кто нибудь изъ инородцевъ проѣхалъ въ *Улалу* чрезъ ихъ селеніе,—и дождалась. Изъ *Мыюты* отправлялись туда люди, которые и взяли ее.—Боясь пріѣзда отца она просила быть окрещенной немедленно; но ее огласили и успокоили растолковавъ, что отецъ не можетъ препятствовать Святому ея желанію спасти свою душу, что вѣровать въ Бога Истиннаго или въ болвановъ есть дѣло собственнаго избранія и воли каждаго человѣка и что никто насиловать его въ этомъ не можетъ; но что во всемъ прочемъ она неизмѣнно должна быть покорною отцу; а потому послѣ крещенья должна возвратиться къ нему, если онъ потребуетъ; терпѣть отъ него все, до жестокихъ побой, до крови, до смерти—уже за Христа, Который Самъ утѣшитъ ее, какъ Всемогущій и безконечно—Милосердый къ любящимъ его истинно; Самъ обратитъ всякое ея горе и муку въ сладость, и наградитъ ее здѣсь и тамъ.—Все это было принято дѣвочкою въ глубинѣ сердца, съ тою горячею Вѣрой, которою инородцы наши воистину удивительно богаты. Дѣвочка спокойно училась, молилась; зрѣла духомъ. Черезъ годъ явился отецъ и какъ ему сказали что дочь его *уже вполнѣ христіанка*, но должна жить гдѣ онъ захочетъ, то онъ самъ оставилъ ее въ *Улалѣ* у одного изъ сродниковъ, прося Миссію, по бѣдности этого человѣка, помогать ему пропитаніемъ и кое какимъ пособіемъ.—Слѣдовательно все устроилось счастливо; но поче-

му?—потому лишь, что Калмыкъ не зналъ что дочь его еще не крещена; еслибъ это было извѣстно ему, онъ ни за что не изъявилъ бы согласія, увезъ бы ее съ собой и безъ малѣйшаго сомнѣнія не обошлось бы дѣло безъ настоящаго калмыцкаго наказанія.—Она была окрещена и въ послѣдствіи выдана за христіанина въ сел. Смоленское.

—«Новокрещенный, Бійскаго округа Кузенской волости дер. *Сары-Копись*, Аѳанасій Ив. Жарковъ, (въ язычествѣ *Саксаякъ*) такъ разсказывалъ о своемъ обращеніи.—На десятомъ году жизни ему случилось слышать близъ ихъ кочевья, разговоръ о. Архим. Макарія, съ татарами объ Истинномъ Богѣ, невидимомъ, Создателѣ неба, земли, всего что существуетъ; о Богѣ, который все содержитъ, всѣмъ управляетъ, всегда живъ и всему даетъ жизнь; о Богѣ вѣчномъ, Единомъ, безначальномъ! Другаго Бога не было, нѣтъ и быть не можетъ; идолы ихъ, души умершихъ и дьяволъ,—не боги; а безъ воли Божіей сдѣлать человѣку ничего не можетъ и дьяволъ, если человѣкъ будетъ самъ призывать Бога, молить его о помощи и твердо въ нее вѣрить. Онъ просилъ слушателей разсудить самихъ, могутъ ли болваны, тряпки, а такъ же души и *эткера* (злые духи), ѣсть и пить?.. Богъ гнѣвается на безумное камланье, на отвратительное мученіе и терзанье безвинныхъ животныхъ, на это изведеніе множества полезнаго скота,—что составляетъ великій грѣхъ, ибо Богъ милуетъ не только людей, но и скотовъ. Такія жертвы мерзки Богу, онъ надобности ни въ нихъ, ни въ чемъ не имѣетъ, какъ Владыка всего.—Людей онъ любитъ и желаетъ чтобъ они Его знали и любили какъ Единаго Истиннаго Бога, превыше всѣхъ и всего; потому что за эту любовь имъ дастся вѣчное блаженство въ царствѣ небесномъ»..... Сильно тронули и глубоко запали въ душу *Саксаяка* всѣ эти рѣчи, онъ помнилъ ихъ слово въ слово, твердилъ и сталъ цѣлые дни и ночи размышлять, съ чего могло взяться у нихъ, что болваны деревянные, кожаные, берестяные и изъ тряпокъ, болваны которые ихъ же руками дѣлаются, и все же остаются болванами, дубинами,—почитаются

за боговъ; что имъ молятся, у нихъ просятъ того и другаго, отъ нихъ чего либо ждутъ?.. Съ этой поры возбудилось въ немъ невыразимое отвращеніе къ ихъ суевѣрію, и чрезвычайное желаніе узнать о христіанствѣ все что можно. Но онъ не имѣлъ съ кѣмъ посовѣтываться и не смѣлъ никому довѣриться.—Въ это время сильно занемогла его мать; отецъ сталъ приносить жертвы *Эрлику* и *ъткерямъ* почти ежедневно,— чтобъ выкупить ее отъ смерти. Двенадцати-лѣтнему *Саксаяку* было невыносимо *больно* видѣть ручьями лившуюся кровь, страшныя мученія животныхъ, которыхъ отецъ его рѣзалъ, истребленіе даже и любимыхъ лошадей, до того, что онъ самъ оставался уже пѣшъ, и все это безъ пользы. Нестерпимо *стыдно* было ему видѣть какъ отецъ угощаетъ кровью и мясомъ болвановъ и куколъ имъ-же сдѣланныхъ, кропитъ ихъ, мажетъ кровью, а его заставляетъ кланяться этимъ вонючимъ, отвратительнымъ *Катеринкамъ* *).—Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, бѣжать отъ отца и непремѣнно креститься, особенно если мать не выздоровѣетъ.—Мать умерла; онъ ушелъ въ дер. *Барду* за 25 в.; днемъ укрывался въ лѣсу и въ стогахъ сѣна; ночью шелъ. Отыскавъ въ деревнѣ знакомаго, грамотнаго крестьянина, онъ увѣрилъ что отецъ послалъ его на заработку и вмѣстѣ просилъ учить его христовой Вѣрѣ.—Вскорѣ отецъ отыскалъ сына, много бранилъ, упрекалъ ему побѣгъ, грозилъ; но какъ самъ остался совершенно нищимъ отъ камланья и его содержать не могъ, то оставилъ его жить у того крестьянина. Научась началамъ Вѣры и молитвамъ, онъ былъ окрещенъ подъ именемъ *Аѳанасія* и порученъ крестно-

---

*) Почти всѣ, хоть нѣсколько знающіе русскій языкъ Кузнецкіе Телеуты и Татары, а частью и Бійскіе, Черновые, называютъ своихъ идоловъ (*Чалу*) *Катеринками.* Истинное происхожденіе этого наименованія неизвѣстно; полагаютъ же что когда занимались описаніемъ ихъ вѣрованія, то инородцы Кузнецкіе болѣе другихъ хитрые, чтобъ придать значеніе и почетъ своей вѣрѣ, а чтилищамъ своимъ болѣе правъ, старались сблизить ее съ христіанскою и придумали называть своего *Эрлика* (начало зла) *Адамомъ,*—отцемъ всѣхъ людей, и теперь даже, въ камланьѣ, они величаютъ его *Адамъ-Эрликъ*, а кукламъ дали названіе великомученицы *Екатерины*, о которой, какъ и о Чудотв. Св. Николаѣ чаще слыхали.

му отцу, у котораго жилъ до совершеннолѣтія. По смерти отца крестный женилъ его, устроилъ его бытъ и онъ оказался прекраснымъ хозяиномъ.—*Аѳанасій* сдѣлался христіаниномъ отличнымъ, превосходнымъ земледѣльцемъ, звѣроловомъ и пчеловодомъ среди *Черни*, покрытой густыми хвойными лѣсами. Между кочевыхъ некрещенныхъ одноплеменниковъ живя осѣдло одинъ, онъ безъ усилій, примѣромъ своей жизни, распространилъ вокругъ себя свѣтъ христіанства и возбудилъ другихъ къ принятію истинной Вѣры.—Всѣхъ новообращенныхъ, до построенія для нихъ домиковъ, онъ братски принималъ къ себѣ, былъ ихъ руководителемъ, учителемъ правилъ христіанской жизни на дѣлѣ,—домоводства,—земледѣлія,—огородничества,—пчеловодства и необходимыхъ для оседлаго быта рукодѣлій.—Такъ составилась при его заимкѣ (жилищѣ), въ 1862 г. дер. *Сары—Копша*, около десяти домовъ съ 17 душъ муж. и 21 женс. пола; *Аѳанасій* въ полномъ значеніи основатель деревни этихъ новыхъ христіанъ, и истинный учитель, отецъ и благодѣтель ихъ.—Какъ же не отрадны такія явленія, и гдѣ въ самыхъ населенныхъ центрахъ укажутъ намъ самаго дѣятельнаго утилитарія и гуманнаго—прогресиста, который бы совершилъ что-либо, въ духѣ и дѣлѣ столь полезное, какъ совершенное этимъ нѣкогда полудикимъ мальчикомъ въ глубинахъ лѣсовъ сѣвернаго Алтая?—Слава Богу!....

Довольно и этихъ примѣровъ, они говорятъ за себя сами;—ихъ можно-бы было напечатать цѣлыя книги.

Изъ фактовъ этихъ выводится, что когда идолопоклонники моложе 14 лѣтъ обращались въ христіанство, въ нихъ постоянно заявлялась Вѣра самая живая, а съ нею и то убѣжденіе, при которомъ пренебрегались всѣ трудности, опасности, угрозы бѣдъ, мученій и самой смерти. Мы, православные объясняемъ это очень просто, потому что видимъ прямо это вліяніе Благодати Св. Духа на сердца еще невинныя по естеству, на нравы еще не растлѣнныя, не закалившіяся въ грязи суевѣрія, буйной страсти и скотственности. Будто при тѣхъ же дѣйствіяхъ; вліяніе истины на сердца дѣтей и образованнаго

общества принесетъ не тѣ же плоды?...—Кто пожелаетъ, можетъ объяснить и понаучнѣе. Христіанское ученіе заслышанное, потомъ узнанное, понравившееся сердцу, — а неправиться оно само собою не можетъ,—привязываетъ. Дѣти уже расположенные такъ, видятъ домовитость новокрещенныхъ, ихъ хозяйственную, тихую, чистую въ сравненіи съ идолопоклонниками жизнь; ихъ нравъ мягкій, снисходительный, ихъ ласковость;—все это можетъ-ли остаться безплоднымъ въ впечатлительныхъ сердцахъ ихъ? Напротивъ того, это постоянно дѣйствуетъ на всѣхъ язычниковъ, но на дѣтей несравнимо сильнѣе нежели на старыхъ и закоренѣлыхъ. Они начинаютъ по немногу сознавать глупость, гадость, безобразіе, грязь, отвратительныхъ сценъ и жестокихъ мерзостей ихъ идолослуженія и скотоподобнаго быта. Сравнивая это съ служеніемъ и обрядами въ посѣщаемой ими Церкви Православной, вспоминая какъ само звѣздное небо наводило ихъ на мысль о силѣ, славѣ, величіи Бога небеснаго, они движутся, не пытливостью плоти, а благодатнымъ любопытствомъ къ узнанію Вѣры христіанъ и понятій ихъ о Богѣ. Вмѣстѣ съ непреодолимымъ желаніемъ этимъ, благодать пораждаетъ въ нихъ внезапное и неотразимое омерзеніе къ обычаямъ и жертвищамъ идолопоклонства; омерзеніе вскорѣ переходитъ въ большей части изъ нихъ въ ужасъ, постоянно выражающійся тѣмъ, что когда ихъ насильно заставятъ кланяться идолу, то имъ послѣ становится *страшно взглянуть на небо*;—а между тѣмъ они не боятся же ни истязаній, ни опасностей и смерти, лишь-бы бѣжать изъ дома къ христіанамъ! Но замѣчательнѣе еще этого чрезвычайно знаменательнаго *ужаса*, ихъ *стыдъ*,—какъ чувство весьма тонкое, прямо несродное дикарю; они *стыдятся, краснѣютъ* глядя на христіанина!—Совѣсть дѣтей болѣе чистая, природный смыслъ, менѣе сбитый и затемненный, надѣляютъ ихъ и силою воли къ познанію Бога поистинѣ удивительною; они такъ сказать рвутся на проломъ, чтобъ выбиться изъ скотственной жизни родителей и опекуновъ. Это сѣмена бросаемыя Богомъ для принесенія плода Ему пріятнаго. Неужели

исторгать ихъ, по какимъ-бы то ни было соображеніямъ науки или политики?—Право вѣровать есть право совѣсти и духа; а совѣсть есть законъ не человѣческій, но Божій, напечатлѣнный въ сердцѣ. Духъ ищетъ Вѣры истинной;—законъ человѣческій, гражданскій можетъ, пожалуй, вмѣсто ее искать вѣры условной, предпочитать ей философствованіе времени и регламентаціи имъ измышленныя. Но если плотское рожденіе не даетъ права на лишеніе жизни тѣлесной, какъ же можетъ оно дать право на отъятіе жизни духовной, вѣчной, даруемой посредствомъ Вѣры и возрожденія водою и Святымъ Духомъ?—Если по *закону* дѣти освобождены отъ повиновенія, противъ совѣсти своей, не только опекунамъ, но и родителямъ, когда требованія ихъ *противозаконны*, особенно въ томъ, что требуетъ собственнаго разсужденія и воли дѣтей, то какъ-же желающій быть христіаниномъ ранѣе 14 лѣтъ, можетъ быть лишенъ, волею родителя, опекуновъ или кого бы то ни было, этой высочайшей свободы?—Церковные уставы,—плодъ глубочайшаго знанія природы человѣческой,—семилѣтняго считаютъ уже обязаннымъ очищать свою совѣсть таинствомъ покаянія; изъ этого слѣдуетъ, что въ семилѣтнемъ уже признаются *совѣсть* и *воля*, и возможность свободно избирать *ими*, (когда наука, философія еще чужды), доброе или злое, а стало быть признается и необходимость нравственной отвѣтственности за свои поступки.—И кто же изъ мудрыхъ міра доказалъ, что дѣти не дадутъ отвѣта предъ судомъ Божіимъ? что они будутъ судимы за поступки только послѣ 14 лѣтъ?—Этого нѣтъ ни въ словѣ Божіемъ, ни въ ученіи церкви, ни въ здравомъ смыслѣ; ни какой психологъ не можетъ ни на чемъ утвердить, ни чѣмъ доказать это.... Развѣ дѣти не сердятся, не дѣлаютъ худое или хорошее, не сознаются, не разсуждаютъ, не стыдятся, не познаютъ въ мѣрѣ своихъ силъ?—Если ихъ обличаетъ и судитъ собственная совѣсть, то Богъ тѣмъ болѣе!—Какъ же лишать ихъ возможности удовлетворить требованію своей совѣсти примиряться съ Богомъ?—Какъ подавлять, какимъ либо правиломъ, самое высокое и спасительное

стремленіе?—Какъ отнять самую драгоцѣннѣйшую и чистѣйшую свободу,—и подчинить все это чужой волѣ, н. пр. дурнаго учителя, еретика-воспитателя, а тѣмъ болѣе дьявольски—злой волѣ язычника, связаннаго волею отца лжи, исконнаго врага человѣчества и Самаго Христа?...

Но отъ дѣтей если обратиться къ совершенно-лѣтнымъ всякаго возраста, къ самымъ даже престарѣлымъ, таже благодать, прямо очевидная, проявляется и въ ихъ стремленіи къ принятію Св. Крещенія, когда,—по выраженію ихъ, — «пришло кому время.» — Какъ же не способствовать Миссіи;—какъ же оставить ее изнывать безъ средствъ или затруднять ея дѣло, мѣшать ему?.... Что-бы ни говорили, тутъ причина можетъ быть только одна, полнѣйшее равнодушіе къ Вѣрѣ, т. е. неразуміе, незнаніе, непониманіе ся,—прямо: безвѣріе.—Но откуда-же и какъ можетъ оно взяться въ порядкахъ и постановленіяхъ государства Православнаго?....

Между возрастными сколько примѣровъ всевозможныхъ такъ сказать способовъ или путей, то самыхъ простыхъ, то самыхъ сложныхъ и чудныхъ, которыми промыслъ Божій ведетъ инородцевъ къ спасенію?—Такъ н. пр. жена, въ злобѣ на мужа, прерываетъ съ нимъ всякое сношеніе, идетъ въ станъ, принимаетъ Св. Крещеніе,—и вдругъ одумывается:—«христіанину быть въ враждѣ и злобѣ великій грѣхъ!»—Она возвращается къ мужу и сколько была прежде сурова и злобна, столько же является кроткою и дружелюбною. Она уговариваетъ мужа,—и вотъ, они оба христіане!—Многіе пожилые отыскиваютъ новокрещенныхъ дѣтей, отъ нихъ внимательно учатся первымъ понятіямъ и молитвамъ; ихъ берутъ себѣ водчиками въ станъ, и въ трудныхъ мѣстахъ или дальнемъ пути заботливо носятъ ихъ на рукахъ.—Всѣ на вопросъ:—какъ же ты вздумалъ креститься?—отвѣчаютъ: «Богъ мнѣ *вложилъ* вдругъ такую хорошую мысль!»—По совершеніи крещенія всѣ постоянно говорятъ:—«теперь на сердцѣ весело.»—«Какъ же не быть весело, — говорятъ другіе,—и весело и бодро; теперь *Курумесъ* (злой духъ), не можетъ надо мною ничего сдѣлать;

Богъ мой, Іисусъ Христосъ, его прогонитъ.» Съ какимъ трудомъ, тайно отъ своихъ, заучиваютъ они молитвы, устно, отрывками отъ крещеныхъ собираемыя.—(Еще при Архим. Макаріѣ, мальчикъ, (въ послѣдствіи толмачь М. В. Чевалкинъ, изъ Телеутовъ, уходилъ тайно на гору, узнавалъ отъ другихъ азбуку, букву-по-буквѣ, и въ первый разъ явясь къ о. Миссіонеру взялъ Евангеліе и сталъ читать. Потомъ въ возрастѣ, съ семействомъ отлично благочестивымъ, онъ велъ жизнь совершенно Назорейскую, всю состоявшую изъ молитвы, уединенія и занятій;—кѣмъ-то подаренными красками дочь его раскрашивала самоучкой иконы, а онъ усердно содѣйствовалъ обращенію весьма многихъ.—Однажды, на Чемальскихъ высотахъ, нашли полуизгнившаго отъ страшныхъ ранъ несчастнаго, брошеннаго своими родными и друзьями; никто не смѣлъ приступиться къ нему боясь заразы. Миссіонеры на носилкахъ принесли его въ станъ, омыли язвы тѣлесныя и духовныя и тихо, не смотря на ужасныя страданія, безъ ропота, подъ напутствіемъ о. Смарагда, не отходившаго отъ него, повторяя кротко:—«Господь наказалъ меня за грѣхи; слава Ему! Аллилуія, Аллилуія!»—онъ отошелъ въ вѣчность.)—Какъ часто при желаніи н. пр. хозяйки принять Св. Крещеніе, на нее накинется все семейство; мужъ грозитъ едва не убійствомъ, остервенѣлая старуха мать, испускаетъ проклятія и хулы, останавливаемыя только крестнымъ знаменіемъ и всесильнымъ именемъ Іисуса; звѣрообразныя дѣти ревутъ, кусаютъ руки матери,—демонскимъ сцѣнамъ нѣтъ конца! Но мать тверда въ намѣреніи, ничто не страшитъ ее, не совращаетъ съ указаннаго Богомъ пути; она принимаетъ крещеніе.—И вотъ не проходитъ полугода, какъ мужъ, мать ея и дѣти,—тоже окрещены!—Принимаютъ Св. Крещеніе и 90 лѣтніе, к. н. пр. чудакъ жившій въ одной хижинѣ съ о. Мис. Смарагдомъ, который, по любви все превозмогающей, и объяснялся съ нимъ, какъ не могъ бы ни сдѣлать этого, ни вытерпѣть старика—никто; тутъ употреблялись знаки, намеки, слова русскія и татарскія,—и сожители всегда понимали другъ-друга.—Старецъ

страдалъ болѣзнію *подражанія*, онъ повторялъ всякое слово громко сказанное, всякое быстрое движеніе передъ нимъ совершенное. — Пріемлютъ Св. Крещеніе не только 90-та но и 105, и 110-лѣтніе. — Послѣдній изъ старожиловъ Улалы служитъ примѣромъ какъ для спасенія душъ никогда *не поздно*. Сто-десяти лѣтній Борисъ Кочоевъ, въ христіанствѣ Василій Степановъ, съ сто-пятилѣтнею женой своей, Азлей, убѣгая увѣщаній и боясь быть обращеннымъ, нарочно скочевалъ съ семействомъ изъ Улалы въ Кузнецкій округъ. Но отъ милосердія Божія не скроешся ни гдѣ!—Обстоятельства такъ располагались для Кочоева, что онъ по неволѣ кидался съ мѣста на мѣсто и не хотя долженъ былъ опять поселиться близь Улалы, гдѣ Господь, вскорѣ, уловилъ въ сѣть своей благости все семейство Кочоева; всѣ приняли Св. Крещеніе. Но старикъ и старуха оставались непреклонными, отвергая и убѣжденія Миссіонеровъ и просьбы своихъ. Богъ ждалъ, и продолжалъ ихъ жизнь за предѣлы рѣдко, рѣдко достигаемые человѣкомъ. Борису представился во снѣ новокрещенный его внукъ, Константинъ, читающимъ Евангеліе; книга сіяла необыкновеннымъ свѣтомъ; какой то будто Архіерей въ блестящей одеждѣ, подойдя къ Борису сказалъ ему:—«крестись, ты будешъ читать лучше его.»—Борисъ тотчасъ согласился и тутъ же (во снѣ) былъ окрещенъ, только безъ воды, Архіереемъ этимъ, при чемъ онъ надѣлъ на него круглый, какъ солнце свѣтлый крестъ изъ золота, далъ ему изъ рукъ внука книгу, которая была вся свѣтъ, и Борисъ самъ легко читалъ въ ней, а на сердцѣ у него было отрадно и сладко какъ онъ не могъ бы никогда и вообразить. — Проснувшись Борисъ въ минуту порѣшилъ долголѣтнее упорство свое; онъ и жена вскорѣ были окрещены при особенномъ торжествѣ Улалинцевъ.

Не совершенно-ли ясно, что какъ первое слово начальника края:—«*теперь еще рано*,» такъ послѣднее слово другаго начальника:—«*теперь уже поздно*,» и всѣ мудрованія и преграды, оказались неправдою, какъ всякій плодъ системъ, измышляемыхъ внѣ первозданныхъ законовъ правды, и изникающихъ

только изъ безразличія, индиферентисма, неуваженія къ своей Вѣрѣ,—т. е. изъ безвѣрія? — Прискорбно и опасно!—а мы говоримъ лишъ объ одной грани, объ инородцахъ; — предоставляемъ желающимъ и опытнымъ разсмотрѣть, не отражается-ли это въ другихъ.....

Да,—по благословенію Божію, дѣйствія Миссіи каковы-бы нибыли ея успѣхи, въ теченіе 33-хъ слишкомъ лѣтъ, продолжались безпрерывно. Еслибъ великая нужда, крайнія трудности и препятствія не мѣшали дѣлу, еслибъ вмѣсто нихъ оно было окружено и поддержано тѣмъ вниманіемъ и участіемъ къ которому насъ обязываетъ Вѣра государства и совѣсть наша, то почти весь Алтай конечно былъ-бы уже православнымъ;—объ этомъ свидѣтельствуетъ не общій ходъ, а всѣ и каждый изъ случаевъ обращенія и малолѣтныхъ, и совершенно-лѣтныхъ и возрастныхъ, и старцевъ. Не было еще примѣра чтобы крестившійся какого бы онъ ни былъ возраста, не сдѣлался лучшимъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, не переродился совершенно; не было ни одного примѣра, чтобъ крестившійся не остался до самой смерти своей христіаниномъ истиннымъ, теплымъ, вѣрнымъ.

Заключимъ этотъ отдѣлъ результатомъ долголѣтняго, и конечно уже самаго близкаго и вѣрнаго наблюденія Миссіонеровъ, надъ вліяніемъ христіанства на нравы и понятія новокрещенныхъ инородцевъ.—Цѣль наша заключается въ возбужденіи участія всѣхъ православныхъ къ великому, закинутому, затертому всѣмъ чѣмъ угодно, дѣлу проповѣди Евангельской инородцамъ язычникамъ; а можно-ли имѣть и участіе къ тому, что едва извѣстно, о чемъ ни яснаго понятія, ни положительныхъ свѣдѣній нѣтъ?—Эта *статья—сборникъ* пусть ознакомитъ соотечественниковъ нашихъ,—неотступившихъ отъ разума своей Вѣры въ чуждый ей станъ тѣхъ безразличниковъ и космополитовъ-идиферентовъ, которые—«отъ насъ изыдоша, но не съ нами, быша.»—Мы представимъ послѣ сего краткій очеркъ состоянія самой Миссіи и закончимъ скромный этотъ трудъ, изложеніемъ того, что необходимо для оживленія

ея дѣятельности, для дарованія ей возможности исполнять превыше всего прекрасное призваніе свое, сообразно съ достоинствомъ святой его цѣли, съ прямою обязанностію правительства и народа православнаго государства.

Вотъ что доказано почти тридцати-пяти лѣтнимъ опытомъ:

—«Оглашаемые бываютъ первоначально совершенно глухи къ самымъ простымъ и внятнымъ словамъ ученія; высказавъ мысль нужно добиваться отвѣта:—слышалъ-ли? понялъ-ли?—Но отвѣтъ бываетъ чѣмъ-то въ родѣ отклика дремлющаго или ошеломленнаго человѣка. Это однакоже проходитъ скоро; обученіе передъ крещеніемъ мало-по-малу разгоняетъ дремоту вниманія, удивительно собираетъ неутвержденный умъ, изощряетъ желаніе принятія Евангельскихъ истинъ и христіанскаго благочестія; вмѣстѣ съ симъ и способность развивается быстро, но конечно сообразно съ степенью пріемлемости.

«По воспріятіи Св. Крещенія первое дѣйствіе таинства сего, по сознанію окрещенныхъ, есть отрадное умиротвореніе совѣсти. Не смотря на неразвитость умственныхъ способностей ихъ, они утверждаютъ что совѣсть постоянно осуждала ихъ за идолопоклонство, и до того, что имъ бывало досадно, но вмѣстѣ и стыдно, когда въ юрту входилъ русскій, во время суевѣрныхъ дѣйствій камланья, подчиванья куколъ и т. п.— По крещеніи они чувствуютъ себя какъ-бы «стоящими на твердомъ камнѣ.» Съ этимъ сознаніемъ превосходства, истинности и силы воспріятой вѣры, они внутренно убѣждаются еще въ избавленіи ихъ отъ ужасной власти и вліянія на нихъ демоновъ въ здѣшней жизни, и отъ сообщества съ ними въ будущей; ихъ радуетъ и свобода отъ постыдныхъ, раззорительныхъ и безплодныхъ обязанностей суевѣрія; въ сердцѣ утверждается веселость, чувство довольства, а въ головѣ порядокъ и мирность.—Не только послѣ крещенія, но и при самомъ обрядѣ, многіе горько жалѣютъ, что не познали истинной Вѣры ранѣе, и съ самымъ искреннимъ сокрушеніемъ раскаяваются въ прежнихъ нечистыхъ поступкахъ.

«Почти всѣ, исповѣдуя свою слабость и преклонность къ

прежнимъ привычкамъ, въ желаніи совершенно отстать отъ нихъ и пріучаться къ доброму и полезному, переселяются въ христіанскія общества на постоянное жительство,—почитая уже нетолько предосудительнымъ, но невозможнымъ проживать съ некрещенными. Нетерпѣвшіе прежде ни малѣйшаго стѣсненія въ кочевомъ бытѣ, тутъ добровольно подчиняются порядку и обязанностямъ гражданственнымъ.—Изъ своевольныхъ, неуживчивыхъ звѣроловóвъ этихъ составились и вновь составляются, отдѣльныя значительныя селенія мирныхъ христіанъ земледѣльцевъ. Между людей уже пріучившихся къ трудамъ, домоводству и порядку и самые лѣнивые возбуждаются къ сельскимъ работамъ, привыкаютъ къ русскому домохозяйству и семейнымъ христіанскимъ обычаямъ. Даже изъ самыхъ дикихъ не умѣвшіе сдѣлать себѣ порядочной юрты, не занимавшіеся ни чѣмъ, кромѣ звѣроловства и приготовленія валежника, большею частью скоро, выучиваются плотничному мастерству, сами дѣлаютъ себѣ земледѣльческія орудія и все нужное въ хозяйствѣ. Отъ довольства и удобства, какъ и отъ мирности духа, послѣ жизни почти не человѣческой, здоровье ихъ улучшается; вмѣстѣ съ кровью очищается и смыслъ; они дѣлаются способнѣе на добро,—попечительнѣе о дѣлахъ своихъ, о себѣ и семействѣ.

«Съ принятіемъ христіанства они рѣшительно оставляютъ и всѣ неприличные ему и вообще вредные поступки:—многоженство;—обычай отпускать, прогонять и брать обратно женъ своихъ;—раззорительный и вредный обычай калымовъ;—запродажу еще въ малолѣтствѣ, даже еще въ утробѣ матери, будущей невѣсты, иногда возрастному и пожилому;—перестаютъ брать за себя жену умершаго брата или родственника;—отбирать, у овдовѣвшей, дѣтей какъ наслѣдство;—вообще женскій полъ имѣть какъ рабочій и продажный скотъ и пр. и пр.—Таинство брака освящаетъ и укрѣпляетъ супружества; характеръ родителей теряетъ свою суровость, а въ дѣтяхъ уничтожается дерзость и непочтительность къ родителямъ.

«Христіанскія истины, Св. Таинства Вѣры, священные об-

ряды православнаго Богослуженія, дѣйствіе молитвы частной и общественной, — постепенно и видимо очищают умъ и сердце новокрещенныхъ. Мракъ глупости замѣтно изчезаетъ, благоразуміе уже не такъ рѣдко; вообще они становятся людьми довольно разсудительными и болѣе твердыми въ характерѣ.— Скотоподобная нечувствительность спадаетъ даже съ лица, нетолько съ сердца; нравственное чувство сильно возбуждается.— Не страхъ лишь наказанія удерживаетъ ихъ отъ худыхъ поступковъ и преступленій, что бываетъ и у некрещенныхъ, но и за очень незначительные проступки и погрѣшности ихъ уже прямо зазираетъ совѣсть, возбуждаемая и очищаемая страхомъ Божіимъ,—чего у некрещенныхъ нѣтъ и слѣда.

«Такъ, дѣйствіемъ христіанства вообще въ этомъ народѣ— 1) *ослабляются* и постепенно уничтожаются господствующіе пороки:—лѣность, безпечность, вольность, самоуправство, дерзость, жестокость, воровство, лукавство и невѣрность; безчиніе, пьянство, глубочайшее безстыдство, забвеніе Бога. 2) *Возраждаются-же*, укрѣпляются и очищаются противоположныя имъ:—трудолюбіе, попечительность, покорность, послушливость, добросовѣстность, вѣрность, безкорыстіе, кротость и добродушіе; трезвость, скромность, стыдливость, благоговѣніе, страхъ Божій и пр.

«Новокрещенные инородцы болѣе расположены и внимательны къ христіанскому обученію, нежели здѣшніе крестьяне, а въ исполненіи христіанскихъ обязанностей болѣе исправны. Долгъ очищенія совѣсти исповѣдію они совершаютъ большею частью ежегодно, нѣкоторые же и не одинъ разъ въ году, съ полною вѣрою приступая къ пріобщенію Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Новорожденныхъ немедленно приносятъ крестить и весьма часто пріобщаютъ. Больные спѣшатъ призывать священника, какъ для очищенія себя покаяніемъ, такъ и для освященія и соединенія со христомъ Св. причащеніемъ, а равно и для врачеванія, симъ великимъ врачебствомъ Вѣры, болѣзней тѣлесныхъ. Въ смертныхъ случаяхъ, новокрещенные, при всей необразованности своей, нерѣдко миромъ совѣсти,—

преданностію волѣ Божіей и упованіемъ на милосердіе Іисуса Христа, свѣтлымъ и радостнымъ взглядомъ въ вѣчность безболѣзненную и безпечальную для любящихъ Спасителя,—представляютъ утѣшительно-разительные примѣры безмѣрнаго различія крещеннаго отъ некрещеннаго!—Они съ охотою пріучаются къ церковному пѣнію, которое любятъ. Многіе, не только малолѣтные, но и взрослые и уже семейные мужчины и женщины, обучаются русской грамотѣ и стараются обучать ей дѣтей своихъ. Съ удовольствіемъ читаютъ новый завѣтъ на русскомъ языкѣ, священную исторію и другія книги; а нѣкоторые съ понятіемъ и утѣшеніемъ читаютъ и житія Святыхъ на языкѣ славянскомъ, охотно пересказывая прочитанное крещеннымъ и некрещеннымъ.

«Вообще новокрещенные замѣчательно богаты вѣрою и дѣтскимъ ей послушаніемъ и простотою; хотя удобопреклонность и слабость ихъ характера требуетъ еще бдительной поддержки и зоркаго охраненія ихъ, какъ отъ увлеченія силою привычки, къ прежнему суевѣрію, такъ и отъ вреднаго вліянія худыхъ примѣровъ на нравы ихъ. Есть однакоже и между новокрещенными немногіе, столь дикіе, огрубѣлые и непонятливые, что и чрезъ нѣсколько лѣтъ по крещеніи они никакъ не могутъ пріучить себя даже къ тому, чтобъ правильно креститься. Напротивъ того есть, и въ большинствѣ являются, люди острые и понятливые, которые особенно легко усвояютъ высокія истины христіанскаго ученія. Вообще же, по необразованности своей, очевидно не имѣя возможности пріобрѣтать обширныя воззрѣнія на истины христіанства, они пріемлютъ ученіе Православной Церкви съ глубокою вѣрой, рѣшительно отвращаются отъ прежнихъ суевѣрныхъ мнѣній и стыдятся ихъ, какъ смѣшныхъ, нечистыхъ, ложныхъ и гибельныхъ.»

Вотъ замѣчанія, тѣхъ же опытныхъ наблюдателей относительно вліянія производимаго на некрещенныхъ, распространеніемъ христіанства между здѣшними инородцами.

—«Понятія некрещенныхъ, кочевыхъ инородцевъ, о добрѣ и злѣ, особенно между тѣми, которые врядъ-ли что слышали

о христіанствѣ, столь грубы и превратны, что нерѣдко при явной собственной виновности и умышленномъ преступленіи, они винятъ въ немъ Бога:—«*Кутай андый мха иштеп-салды,*»—(Богъ такъ сдѣлалъ надомною). Они считаютъ себѣ за честь, что послѣ смерти, по ихъ мнѣнію, будутъ бѣсами;—многіе же думаютъ,—какъ и наши новѣйшіе мудрецы,—что смертью должно кончиться все, за нею ничего нѣтъ, быть не можетъ, и не будетъ.—Мудрѣйшій изъ пигилистовъ пусть потрудится измѣрить разстояніе между собою и дикимъ Алтайцемъ?... Камы хвалятся тѣмъ, что самые сильные дьяволы здѣсь уже ихъ друзья и что послѣ смерти они будутъ въ ихъ обществѣ.—Подъ вліяніемъ такихъ, даже и по ихъ понятію *безотрадныхъ* вѣрованій, самоубійства,—въ особенности чрезъ удавленіе, какъ легчайшій способъ по ихъ трусости,—между ними нерѣдки; точно такъ же какъ между такими же нашими цивилизованными мудрецами. По умноженіи крещенныхъ теперь большая часть некрещенныхъ соплеменниковъ ихъ сознаютъ и откровенно высказываютъ, что ихъ вѣра точно худая, и погибельная, а что Вѣра крещенныхъ людей лучшая; конечно они болѣе судятъ такъ видя улучшеніе быта крещенныхъ, что на нихъ дѣйствуютъ особенно сильно; но они и совѣстію признаютъ свою вѣру дурною, сознаваясь что не смѣютъ оторваться отъ нея, какъ по опасенію своего безсилія и неспособности къ хорошему, такъ и отъ недостатка въ виду средствъ къ поправленію внѣшняго состоянія своего, особенно же отъ страха чтимыхъ ими демоновъ, силу которыхъ они фактически испытываютъ на себѣ.—Теперь встрѣчаются однакоже и такіе некрещенные, которые знаютъ и пересказываютъ другимъ, что истинный Богъ, Іисусъ Христосъ, для спасенія людей отъ діавола и вѣчной муки за грѣхи ихъ, былъ на землѣ человѣкомъ, родился отъ Св. Дѣвы Маріи, чуднымъ образомъ безъ мужа;—что Онъ снялъ со всѣхъ людей ихъ грѣхи на Себя, и добровольно за нихъ мучился;—былъ распятъ на Крестѣ, умеръ, воскресъ, и что демоны трепещутъ Его и повинуются Ему.—Конечно уже неоцѣнимо важно, что язычникамъ - идолопоклонцамъ

извѣстны, отъ крещенныхъ соплеменниковъ ихъ, какъ сіи, такъ и многія другія христіанскія истины. Многіе изъ нихъ теперь увѣрены, что будетъ страшный всеміpный судъ Божій и праведное воздаяніе; весьма многіе перестали думать, что душа ихъ *ниточка*, съ порваніемъ которой все кончается.—Но эти лучи Евангельскаго свѣта истины, проникающіе въ ихъ сердца, закутаны еще въ глубокій мракъ и проявляясь только въ благодушныя минуты ихъ жизни,—тотчасъ-же поглощаются господствующею въ ихъ духѣ тьмою.»

Дайте свѣтильниковъ; свѣта Господь далъ довольно!

Не святая ли обязанность православнаго государства и каждаго истино-православнаго человѣка, всѣми возможными средствами содѣйствовать тому, чтобъ Солнце-Правды могло удобнѣе, скорѣе проникать въ сердца сихъ низшихъ братій нашихъ и освѣщать изъ души въ вѣчность?

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I.

«Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ;—се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.»

(*Матѳ. 28.—18—20*).

Около 1828-го года высшимъ Духовнымъ Начальствомъ обращено было вниманіе на инородцевъ-язычниковъ, размѣстившихся въ предѣлахъ православныхъ эпархій Сибири; Св. Сѵнодъ призналъ необходимымъ приступить наконецъ къ учрежденію правильныхъ Миссіонерствъ и въ Декабрѣ (15-го) 1828 г. основана, по Высочайшей волѣ, Церковная Алтайская Миссія, для обращенія въ христіанство Татаръ и Калмыковъ, идолопоклонниковъ шаманскаго суевѣрія.

На трудное, святое дѣло это вызвался добровольно, воистину Богомъ избранный, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ, покойный Архимандритъ Макарій.—Сынъ Священника, (Богоявленской Церкви въ гор. Вязьмѣ), *Глухарева*, Макарій (род. въ 1801 г.), съ большимъ успѣхомъ окончивъ высшій курсъ въ С. П. Б. Духовной Академіи поступилъ въ монашество (въ 1818 г.), былъ профессоромъ Церк. Исторіи, Нѣмецкаго языка, управлялъ уѣздными и приходскими училищами; былъ Ректоромъ Семинаріи, Профес. Богословскихъ наукъ и Настоятелемъ-Архимандритомъ Костромскаго Бого-

явленскаго Монастыря, изъ котораго уволенъ въ Кіевскую Лавру, гдѣ опять исправлялъ должность Ректора Семинаріи, а въ 1826 году уволенъ на покой въ Курскую Глинскую Богородицкую Пустынь.—Образованный, основательно-ученый, знатокъ языковъ древнихъ и новыхъ, о. Макарій отличался чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и тою ревностною, дѣятельною и плодотворною Вѣрой, которая развивается въ душѣ человѣка глубокимъ изученіемъ Священныхъ и Отеческихъ Писаній.— Именно такого человѣка требовало Апостольское трудное служеніе, на которое онъ вызвался.—Основаніе Миссіи оффиціально объявлено на мѣстѣ, указомъ Тобольскому Архіерею Высокопр. Евгенію, въ томъ же 1828 году; а черезъ полъ года о. Арх. Макарій назначенъ ея начальникомъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ мѣстнаго Архіерея.—Начальнику Миссіи было тогда только 29 лѣтъ; онъ несъ, какъ даръ истинно-Евангельской любви къ ближнему, свѣжія силы сердца, ума и воли, хотя плоть его, и въ цвѣтѣ еще лѣтъ, была уже истомлена постоянною трудною работой духа. Истинный слуга Божій не только не побоялся этого, но отправляясь на крайнія лишенія, на подвигъ чрезвычайный, въ отдаленной, дикой странѣ, среди болѣе дикихъ еще идолопоклонниковъ, онъ отказался отъ всякаго вознагражденія, сохранивъ себѣ только бѣдную магистерскую пенсію, въ 350 руб. ассигнаціями!

Миссія была очень ограничена; Начальникъ съ однимъ или двумя сотрудниками,—вотъ весь ея персоналъ; 990 руб. ассиг., на годичное содержаніе и на всѣ потребности Миссіи,—вотъ штатныя денежныя средства *). Мѣсто тогда принадлежало еще округу Епархіи Тобольской,—теперь Томской;—первоначальнымъ поприщемъ дѣйствій былъ избранъ только Бійскій округъ,—изъ котораго начальнику Миссіи не было дано права выѣзжать безъ дозволенія Епарх. Архіерея. Была дана походная Церковь, Всемилостиваго Спаса, и та даже безъ палатки,— и письменныя постановленія для руководства, въ служеніи

*) Во время переложенія ассигн. на серебро, они были доведены до *571 р. 41 к.* ежегодно.

Миссіонерскомъ.—Правило жительства этого малаго состава Миссіи разумѣется было монашеское—общежительство.

Въ первыхъ числахъ Августа 1830 г. Арх. Макарій, принявъ благословеніе Архіерея, выѣхалъ изъ Тобольска, съ двумя учениками тамошней Семинаріи, изъявившими желаніе посвятить жизнь на вспомоществованіе и содѣйствіе его трудамъ.—Самый первый шагъ ихъ былъ такъ сказать прообразомъ ждавшаго ихъ служенія.—Они отправились чрезъ исполненную грязными болотами Барабинскую—степь; пустыню вообще безводную, дикую, какъ могила печальную, но гдѣ между двухъ первыхъ становъ какой-то добрый и благоразумный крестьянинъ выкопалъ колодезь и водрузилъ Крестъ съ распятіемъ.—Такъ и имъ обѣщалась живая вода Божественнаго утѣшенія въ пустынѣ языческой дикости и пагубнаго суевѣрія идолопоклонниковъ. Оставивъ въ *Тырышкинѣ* дорогу въ Томскъ, они обратились къ Барнаулу, гдѣ встрѣтили Томскаго губернатора, и встрѣча эта была утѣшительна. Онъ обласкалъ ихъ, оказалъ готовность поддерживать, содѣйствовать, помогать, и снабдилъ тотчасъ всѣмъ, въ чемъ они имѣли нужду для походной Церкви. Слѣдовательно Богъ добрыми знаменіями ободрялъ ихъ вступленіе въ дѣло. 31-го Августа они прибыли въ Бійскъ, гдѣ немедленно началась дѣятельность о. Макарія.

Не много нужно было времени чтобъ доказать, что не смотря на чрезвычайно малый составъ Миссіи, первоначальный кругъ ея дѣйствій былъ поставленъ въ раму слишкомъ тѣсную. Кочевой образъ жизни инородцевъ Бійскихъ и Кузнецкихъ неудерживаетъ ихъ въ придѣлахъ сихъ округовъ, они переходятъ изъ одного въ другой, а потому при открытіи Миссіею дѣйствій въ округѣ Бійскомъ, крещеніе начали принимать и Кузнецкіе инородцы; это побудило Епархіальное начальство распространить дѣйствія Миссіи и на Кузнецкій округъ,—въ 1831 году.—О числѣ инородцевъ въ различныхъ мѣстностяхъ края мы уже привели достаточныя свѣдѣнія, а потому и не возращаемся къ нимъ.

Все,—съ самаго избранія мѣста гдѣ основаться,—представляло величайшія затрудненія, составляло такое рѣшеніе задачь, которое должно было имѣть сильное вліяніе на всѣ послѣдствія, и поставить Миссію въ положеніе можетъ быть неисходное, при бѣдныхъ средствахъ ея. Умный начальникъ, сердцемъ вникая въ свое призваніе, устроивалъ все съ особенною осторожностью и разумомъ. Онъ посѣтилъ *Улалу*, какъ главное мѣсто, но не рѣшился основаться тамъ, а избралъ на первую зиму *Сандыпскій* форпостъ, по тѣмъ важнымъ убѣжденіямъ, что тутъ была часовня, въ которой можно было поставить походную Церковь; — въ ней и въ квартирѣ Миссіонера начались первые, самые дѣйствительные и сильно вліятельные уроки:—въ Церкви Св. служеніе, дома акаѳисты, каноны, молитвословія,—и разговоры; вскорѣ люди начали креститься, не только по одиночкѣ, но и семействами. Въ *Сандыпѣ* нашлось много очень хорошихъ знатоковъ Татарскаго языка и происшедшихъ отъ него нарѣчій, употребляемыхъ въ странѣ людьми разныхъ племенъ. Этотъ предметъ былъ чрезвычайно важенъ; неговоря о дорого-стоющемъ,—при безденежіи Миссіи,—содержаніи толмачей, которыхъ найти трудно и которые вообще плохи, знаніе самими Миссіонерами мѣстныхъ нарѣчій, составляетъ надобность непреложную; проповѣдь, наученіе, молитва, не черезъ дурнаго переводчика, а прямо изъ сердца и устъ учителя, на собственномъ языкѣ инородца, дѣйствуютъ на него съ особенною силой; это доказано безчисленными примѣрами. Чего же стоило, въ началѣ, накопленіе множества искаженныхъ татарскихъ словъ и реченій? справки, очищеніе, приведеніе словаря въ нѣкоторую систематическую стройность?—О. *Макарій* въ своемъ опредѣлительномъ, сердечномъ и всегда картинномъ языкѣ, сравнивалъ тогда ихъ достояніе въ этомъ отношеніи,—«съ сумою нищаго, гдѣ крохи и корки всякаго хлѣба смѣшаны безъ разбора; ноша, для обремененныхъ этою тяжестью, весьма чувствительная, питаніе же самое жалкое».— Для изученія нарѣчій разныхъ племенъ руководителями были, наибольшею частью, мѣщане, издавна торговавшіе и близко

обращавшіеся съ инородцами или находившіеся толмачами при Земскомъ Судѣ и Полиціи; много способствовали тоже и нѣкоторые принявшіе крещеніе язычники. Изъ всѣхъ нарѣчій было избрано болѣе употребительное; составленъ сравнительный словарь и въ теченіе времени сдѣлано многое, переведено почти все необходимое для дѣла Миссіи; позже мы упомянемъ объ этомъ.—И такъ, вотъ уже первые труды Миссіонеровъ-странниковъ, въ пустыняхъ, дебряхъ и горахъ, посреди скотоподобныхъ дикарей, проникаемыхъ благодатію Православія;—первые труды эти являются вмѣстѣ и трудами кабинетныхъ ученыхъ.—Наконецъ въ *Сандыпѣ* была казацкая почта, доставлявшая самые вѣрные и постоянные способы безпрерывныхъ сношеній съ Бійскомъ.

Здѣсь то, въ ревностныхъ занятіяхъ, благословляемыхъ успѣхомъ, принявшимся скоро и росшимъ неожиданно для самихъ Миссіонеровъ,—почти въ то именно время, когда имъ было предназначено отправиться въ Кокчетавскій округъ, для внесенія Евангельскаго свѣта въ многочисленное Киргизское племя, Генералъ-Губернаторъ увѣдомивъ Тобольскаго Архіепископа, Евгенія, — о «пріостановленіи всякаго Миссіонерскаго дѣйствія въ Киргизской степи.» Мы уже говорили объ этомъ удивительномъ фактѣ, но не можемъ не повторить его, по слѣдующему сближенію. О. Арх. Макарій встрѣтилъ въ *Сандыпѣ* Зайсана К.—который съ депутаціею отъ инородцевъ представлялся въ С. П. Бургѣ Государю, и получилъ отъ Е. В. медаль и золотой кафтанъ; умный и ловкій человѣкъ этотъ, славился по всей области и пользовался такимъ уваженіемъ отъ всѣхъ ордъ, что общая молва, при пріѣздѣ Миссіонеровъ, какъ и собственные отзывы иновѣрцевъ и гражданъ утверждали:—что—«*если Зайсанъ приметъ христіанскую Вѣру, то его примѣру тотчасъ послѣдуетъ весь Алтай!*»—Этотъ-то Зайсанъ, въ главѣ депутаціи просилъ Императора—«не дозволять у нихъ учрежденія Мусульманскихъ мечетей и школъ; Ахуновъ и указныхъ Муллъ неопредѣлять,» и пр. — А у нихъ именно послѣ этого поставленъ указный

Мулла почти въ каждомъ аулѣ; гдѣ 10—20 юртъ есть Мулла неуказный и настроены мечети и школы! Любопытнѣе еще то, что этотъ самый пунктъ всеподданѣйшаго прошенія инородцевъ, приведенный буквально, представленъ Генер.-Губернаторомъ какъ главная причина остановленія всякаго дѣйствія Миссіи въ Киргизской степи? — На личныя представленія о. Архимандрита, Генералъ-Губ. отвѣчалъ ему положительно,— что заботиться о распространеніи христіанства—«*теперь еще рано.*»—Черезъ 30 лѣтъ, такъ точно отвѣчалъ другой начальникъ края:—«*теперь уже поздно?!*»

Такъ, вмѣстѣ съ успѣхомъ, ободрявшимъ надежды Миссіонеровъ, открывалось сильное и продолжительное препятствіе;— вѣчное свидѣтельство того, что чѣмъ дѣло истинно-полезнѣе, тѣмъ болѣе оно окружается преградами, искушеніями и трудностями,—чтобъ испытать Вѣру, и ею содѣлать подвигъ болѣе плодотворнымъ!

Описывать всѣ дѣйствія многопотрудившагося о. Арх. Макарія, въ продолженіе тринадцати съ половиною лѣтъ, со времени основанія имъ правильнаго Миссіонерства,—разсказать если не всѣ то хотя-бы любопытнѣйшіе случаи обращеній, обнаружившіе самые разнообразные и очень тонкіе, въ духовномъ значеніи проявленія, изученіе которыхъ, какъ ихъ могли изучить Миссіонеры, прибавило-бы къ любой психологіи новую и важную статью;—передать всѣ радости, всѣ печали этого поприща, особенно въ первые годы,—было бы написать огромный фоліантъ.— Предшествовавшія свѣдѣнія уже достаточно ознакомили читателя съ многими сторонами Миссіонерскаго труда, тогда несравненно бо̀льшаго нежели по истеченіи двухъ, трехъ десятилѣтій,—значительно уже сблизившихъ инородцевъ язычниковъ не только съ мыслію о христіанствѣ, но и съ уваженіемъ къ нему;—здѣсь мы укажемъ только на нѣкоторые замѣчанія начальника Миссіи, болѣе характеристическія.—Такъ н. пр. въ *Сандыпѣ* онъ записалъ:—«поведеніе жителей утвердило меня въ мысли, что военная дисциплина выправляя повидимому только тѣло, вмѣстѣ исправляетъ

болѣе или менѣе и душу, располагая ее къ Евангельскому послушанію и смиренію.» — Какъ нужна близкая попечительность о новокрещенцахъ, вниманіе къ ихъ нуждамъ, и дарованіе достаточныхъ средствъ для обезпеченія самыхъ первыхъ потребностей ихъ существованія, доказывается,—говоритъ Арх. Макарій,—тѣмъ, что весьма большое число, особенно бѣдныхъ, желая искренно принять крещеніе, послѣ долгихъ бореній подавляли это желаніе единственно лишь по слѣдующей причинѣ:—«мы даже не умѣемъ пахать,—говорили они,—питаемся мы теперь конскимъ мясомъ и всячиною, которою русскіе люди гнушаются; что-жъ будетъ когда, окрестясь, мы не будемъ еще умѣть обработать землю или не уродится нечего? Того что ѣли прежде нельзя будетъ ѣсть, а въ нуждѣ кто дастъ намъ хлѣба?»—Не менѣе любопытно и слѣдующее наблюденіе: — Татары и Калмыки вообще поражаются чрезмѣрнымъ ужасомъ при видѣ человѣческаго трупа, они сильно боятся даже и больнаго, который уже сляжетъ; при обоихъ состояніяхъ этихъ, всѣхъ охватываетъ неотступная и мучительная мысль о *дьяволѣ*; въ самомъ-же страхѣ ихъ проявляется много необычайнаго и наводящаго ужасъ; но съ тѣми, которые приняли крещеніе этого уже никогда не бываетъ. — Тѣ изъ некрещенныхъ, которые живутъ съ крещенными, говорятъ что сперва досадуютъ на нихъ, а потомъ смотрятъ на нихъ съ такимъ чувствомъ какъ будто это мертвецы, до которыхъ имъ уже нѣтъ никакого дѣла; напротивъ того окрещенные живя съ некрещенными смотрятъ на нихъ тоже какъ на мертвецовъ, но которыхъ они такъ жалѣютъ, что хотѣли бы ихъ оживить.— Особенно поражало о. Арх. Макарія то, какъ быстро и прекрасно измѣнялись всѣ отношенія между родителями и дѣтьми послѣ крещенія. Примѣры эти,—говоритъ онъ,—удивительнымъ образомъ обнаруживали таинственно-тѣсное общеніе душъ дѣтей, съ душами родителей. Дѣло великое, но на которое и образованные и, къ сожалѣнію, занимающіеся образованіемъ другихъ, обращаютъ очень мало вниманія.—Въ трудахъ и наблюденіяхъ этихъ, въ постоянной бѣдности, а не

рѣдко и въ крайнѣйшей нуждѣ, по немногу сѣялось сѣмя на ниву Божію, и приносило плодъ. Многими уважаемый въ мірѣ, начальникъ Миссіи сообщалъ изрѣдка знакомымъ о своихъ трудахъ, скорбяхъ и радостяхъ. Были пріятели изъ тѣхъ многочисленныхъ у насъ профессоровъ мудрости, для которыхъ татаринъ, жидъ, католикъ, мусульманинъ и православный — все равно, все люди, лишь бы дѣлали *свое дѣло*, приносящее процентъ и удобство;—они не могли понять къ чему всѣ эти труды, хлопотливость? Что такое въ существѣ Миссіонерство, и какая польза отъ безпрерывныхъ, нерѣдко безплодныхъ, всегда несносныхъ странствій по горамъ и трущобамъ, да и что за существа дикіе Калмыки и Татары?—О. Архимандритъ Макарій отвѣчалъ имъ прекрасными страницами, которыя мы считаемъ нужнымъ привесть здѣсь.

—«Говорятъ, и даже пишутъ, о безплодности будто нашихъ странствованій;—это жалко. Воспитанники и служители Церкви,—въ которыхъ успѣхи Миссіи могутъ производить благородное расположеніе къ соревнованію *), а безуспѣшность—раждать мысли печальныя и противныя пользамъ Царствія Божія,—могутъ подумать: — «если мы будемъ скитаться такимъ же образомъ, то какое и для кого произойдетъ отъ нашего миссіонерства пріобрѣтеніе?»—Братія и отцы! Да будетъ намъ позволено изъяснить мысль свою о томъ, что помощь Божія можетъ обращать во благое для насъ и нашей службы даже странствія и безплодные **), т. е. не награжденные вскорѣ новыми пріобрѣтеніями для Церкви. Не всегда и военные корабли въ плаваніи своемъ имѣютъ сраженія, одерживаютъ побѣды, раздѣляютъ добычу; но часто отправляютъ ихъ изъ пристани къ находящемуся въ извѣстномъ разстояніи приморско-

*) Это и бывало: такъ О. М. читая записки Арх. Макарія самъ пожелалъ вступить на этотъ же путь и изъ Калужской Епархіи былъ избранъ проповѣдывать Самоѣдамъ.

**) Какъ совершенное Арх. Макаріемъ по огромной кривой чертѣ, отъ Сандынскаго редута, чрезъ Телецкое озеро до сел. Верхняго Карагужа,—не окрестивъ ни одного человѣка.

му городу, или для испытанія, въ которомъ открылось бы, что въ нихъ есть соотвѣтственнаго назначенію ихъ и что требуетъ исправленія и дальнѣйшаго усовершенствованія; или для того, чтобъ служащіе на сихъ корабляхъ упражнялись въ дѣлахъ, составляющихъ искусство мореплаванія; знакомились съ опасностями и скорбями, неразлучными съ дѣланіемъ въ водахъ многихъ; изучали моря, пріобрѣтали умѣнье бороться съ бурями и волнами и укрѣплялись мужествомъ и терпѣньемъ. Подобнымъ образомъ кто приставленъ къ служенію полудикимъ, пребывающимъ во тьмѣ суевѣрія и невѣдѣнія народамъ, въ ихъ обращеніи къ истинному Богу въ Іисусѣ Христѣ, тотъ, служитель Церкви, хотя-бы во время странствій своихъ, по горамъ и лѣсамъ, и не находилъ въ сихъ слѣпотствующихъ племенахъ человѣчества новыхъ гражданъ, для небеснаго Іерусалима, однако можетъ, при Божіемъ благословеніи, извлечь изъ сихъ трудовъ своихъ разнообразную пользу для себя и для своей службы.—Сіи труды могутъ способствовать къ раскрытію, очищенію и утвержденію въ Миссіонерѣ существенныхъ въ его званіи расположеній; они могутъ вводить его въ опытное познаніе горестей и пріятностей, сему званію свойственныхъ, обогащать его вѣрными свѣдѣніями о правахъ и обычаяхъ инородцевъ; открывать ему тайну нарѣчій и суевѣрій ихъ; показывать мерцающія въ сей тьмѣ понятія о Богѣ, начала здраваго смысла, священные законы совѣсти, и служить поводомъ къ такимъ соображеніямъ, которыя, если будетъ благоугодно Господу, безъ сомнѣнія содѣлаются благонадежными способами руководствованія сихъ язычниковъ къ спасительному богопознанію. Кромѣ сего, чѣмъ чаще Миссіонеръ воспріемлетъ духовный мечь слова Божія въ своемъ воинствованіи, тѣмъ болѣе учится и привыкаетъ владѣть имъ; узнавъ на самомъ дѣлѣ, сколь непріятель его упоренъ и крѣпокъ, онъ возчувствуетъ необходимость въ помощи всемогущаго; а чѣмъ сильнѣе возчувствуетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ взывать къ Нему, и Богъ услышитъ гласъ его, Всевышній благословитъ сіи труды его. Только онъ долженъ предвари-

тельно согласиться на то, чтобы плоды благословенія Божія явились, если такъ Богу угодно, уже по смерти его, чтобъ другой собралъ тамъ жатву гдѣ онъ сѣетъ, чтобъ и сѣющему и жнущему вмѣстѣ радоваться въ небесномъ Царствіи, потому что и тотъ и другой — едино въ Господѣ *).—Царствіе Божіе подобно тому какъ госпожа раздаетъ служанкамъ ленъ, разными долями, чтобы пряли и представляли ей что напрядутъ; всякая служанка исполняетъ *урокъ свой* и вручаетъ госпожѣ пряжу. Потомъ ткутъ полотно изъ сихъ нитей, и всякая нить, сама по себѣ малая, получаетъ участіе и значительность въ общемъ произведеніи.

«Но взлянувъ на состояніе здѣшнихъ Татаръ Черневыхъ, посмотрѣвъ на ихъ юрты изъ кольевъ, покрытыхъ берестою, слабо защищающія ихъ отъ морозовъ и булановъ зимою; между тѣмъ, какъ они окружены строевымъ лѣсомъ, и могли бы или сами у Русскихъ выучиться строить домики или просить Русскихъ сооружать имъ покойныя избы сосновыя и кедровыя; положивъ, на вѣсы разсужденія, ихъ отвращеніе отъ постоянныхъ трудовъ, непобѣдимую лѣность, неопрятность столь нечувствительную и равнодушную къ чистотѣ; у многихъ способность размышленія какъ бы въ оцѣпененіи и совершенную безграмотность,—Миссіонеръ можетъ съ перваго взгляда подумать, какъ думаютъ и другіе, что сіи племена не созрѣли для христіанства; можетъ сказать самъ въ себѣ, какъ сказано въ одномъ напечатанномъ описаніи Самоѣдовъ:—«если и окрестить сихъ людей, то будутъ-ли они счастливѣе отъ того?» **). Но онъ вспомнитъ повелѣніе Господа:—«шедше научите вся языки (Мат. 28.—19),» и помыслитъ: кто таковъ я, что берусъ судить о зрѣлости цѣлыхъ народовъ для всемірной вѣры въ Іисуса Хри-

---

*) Желающаго просимъ сравнить это ученіе, съ ученіемъ современной мудрости о томъ же.

**) Это,—мнѣніе *православнаго* писателя или публициста (?!)—раздѣляемое, оффиціально и неофеціально, въ Россіи, нашемъ отечествѣ, разумѣется образованными!—За то уже другаго мнѣнія, ниже изложеннаго:—*«Кто я таковъ, что берусь»* и пр. конечно ни кто изъ сихъ мудрыхъ не раздѣлитъ!...

ста, который за всѣхъ человѣковъ и во спасеніе всѣхъ излилъ пречистую Кровь Свою на крестѣ и вкусилъ смерть?—Блаженство наше не на землѣ, а въ вѣчности; вѣрующій въ Господа Іисуса Христа, старающійся поступать по заповѣдямъ Божіимъ и, во имя Господа Іисуса Христа, просящій оставленія согрѣшеній своихъ у небеснаго Бога Отца, очищается отъ грѣховъ Кровію Сына Божія, Іисуса Христа и входитъ въ Царство Небесное; тамъ восходитъ онъ отъ свѣта къ свѣту въ блаженномъ богопознаніи, сколь-бы нибыла низка та степень разумѣнія, на которой онъ находился въ жизни земной!—Посему если мы должны любить всѣхъ человѣковъ, какъ самихъ себя, то всѣмъ человѣкамъ должны желать, чтобы они учились вѣровать въ распятаго Іисуса Христа, жить по Его заповѣдямъ, принадлежать Ему и содѣлываться чадами Божіими. — Нѣтъ народа, которому бы небеса не повѣдали славу Божію, и нѣтъ народа, котораго бы не должны достигать глаголы служителей свыше откровеннаго слова, которые огрубѣвшихъ человѣковъ возводили бы чрезъ Іисуса Христа къ Отцу свѣтовъ, чтобъ и они, по мѣрѣ своей пріемлемости, причащались свѣта и были сынами свѣта. Нѣтъ народа, въ которомъ бы Господь не зналъ своихъ; нѣтъ той глубины невѣжества и омраченія, къ которой бы сынъ Божій не нисходилъ, не преклонялъ небеса, не преклонялся; и нѣтъ народа который бы не могъ въ избранныхъ своихъ получать исцѣленіе отъ листвій древа жизни (Апок. 22. 2).—И такъ надлежитъ научать *всѣ народы*, крестить ихъ во Имя Отца и Сына и Св. Духа, и учить ихъ соблюдать все, что заповѣдалъ намъ Господь Іисусъ Христосъ (Мат. 28. 18. 20). Но способы и степени ученія могутъ и должны быть безчисленно-разнообразны; а ядро ученія всегда и вездѣ одно—Іисусъ Христосъ, распятый для спасенія грѣшниковъ.»

Какъ писалъ Арх. Макарій, такъ онъ и дѣлалъ; какъ судилъ такъ исполнялъ;—какъ любилъ въ словѣ, такъ любилъ и въ практикѣ, въ дѣланіи и трудѣ, на который вполнѣ и истощалъ себя, ради Св. закона Господа Іисуса Христа, борясь съ

природою, съ нуждами и препятствіями, которыя противоставлялись людьми—не дикими, а напротивъ того просвѣщенными и конечно увѣренными въ себѣ, что они служатъ тоже тяжелую и важную службу, если не Богу,—то цивилизаціи, пользѣ! —.Описывать все это, нѣтъ надобности; — при маломъ расходѣ соображенія, всякій бывалый человѣкъ пойметъ все самъ. Мы скажемъ только о самомъ *гуманномъ пунктѣ*; бывали, не минуты а долгіе дни такой безпомощности, такой нищеты, что и Миссіонеры и окрещенные оставались съ пригоршнемъ хлѣба и лоскутомъ холста. Въ этой-то скорби, при молитвахъ общихъ и утѣшеніи начальника, приглашавшаго не терять упованія до самой смерти, хотя бы голодной,—вдругъ, нежданно, получалась милостыня изъ Петербурга или другихъ мѣстъ! За то между новокрещенными и установилось правило частной и общей молитвы—«за милующихъ и служащихъ имъ ради Христа;»—конечно уже молитва эта доходитъ къ Богу, и благо для дающихъ: *Эй бистын Кутайбисъ Іисусъ Христосъ! биске яхши эдип ятхан очно кыжилерге алкыжингды беръ*. (Господи Іисусе Христе! всѣмъ человѣкамъ которые благотворятъ намъ, даруй твое благословеніе!).—Такъ молятся и будутъ молиться впредь и за тѣхъ, кому мы посвящаемъ эту книжку. Будемъ помнить, это нужно намъ всѣмъ, Арх. Макарій сѣялъ для того, чтобъ другіе жатву совершили послѣ;—но онъ и самъ пожалъ уже не мало плодовъ сѣянія, на которое истощилъ себя.

Здоровье его было въ конецъ разстроено; въ 1843 году онъ уволенъ отъ управленія Миссіею и опредѣленъ Настоятелемъ въ Орловскій Болховской-Троицкій Оптинъ монастырь, изъ котораго хотѣлъ ѣхать въ Іерусалимъ; поклоненіе Св. мѣстамъ составляло предметъ глубокаго желанія его души.—Къ веснѣ 1847 г. все было готово къ желанному отъѣзду, послѣ трехъ лѣтъ проведенныхъ въ обители и въ теченіе которыхъ назиданія, руководство, переписки о. Арх. Макарія привязали къ нему множество душъ, имъ спасенныхъ;—но Господь судилъ иначе! Жестокая и быстрая воспалительная болѣзнь, при по-

слѣднемъ истощеніи жизненныхъ силъ больнаго, предшедствовавшими трудами, взяла его отъ земли.—Онъ истинно любилъ, ибо истинно—«за братій своихъ,—и еще дикихъ,—положилъ душу свою.»—Смерть соотвѣтствовала жизни.—Въ послѣдній день, весьма не за долго до кончины, онъ написалъ карандашемъ на лоскутѣ бумаги,

«Мой Богъ! мой Царь! Спаситель дорогой!
Пришелъ желанный день!... Паду передъ Тобой!...
Еще я на землѣ, но духъ Тобой трепещетъ!...
Вотъ!—вижу,—горній лучь!.. Заря безсмертья блещетъ?..»

Такъ разлучаются съ тѣломъ души руководившіяся закономъ Божіимъ, а не своедѣльною мудростію. Онъ скончался пятидесяти двухъ лѣтъ, поработавъ воистину достойно человѣка!

Болховскій монастырь съ двухъ сторонъ обогнутъ промытыми глубокими оврагами, а съ третьей стороны рѣкой, т. е. стоитъ какъ бы на *островѣ*, въ немъ есть и особенно покланяемая Св. икона *Тихвинской Божіей Матери*.—Собираясь къ Св. мѣстамъ, еще здоровый, Арх. Макарій сказалъ разъ юродивому, который часто заходилъ къ нему:—«хотѣлось бы мнѣ умереть въ Іерусалимѣ.»—Тотъ отвѣчалъ :—«А я знаю *островъ* тамъ есть и *Тихвинская Божія Матерь*; вотъ тамъ то хорошо тебѣ будетъ!»

Въ монастырскомъ соборномъ храмѣ внутри, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, давно приготовленномъ Ар. Иринеемъ, бывалъ часто Макарій; во время предсмертной болѣзни его спрашивали,—если скончается то не желаетъ-ли чтобъ тѣло его было положено въ этой пещерѣ? — «Мнѣ все равно, какъ хотите»;—отвѣчалъ онъ. Но предъ самою смертью объявилъ желáніе быть погребеннымъ тамъ, строго заповѣдавъ не украшать гроба ни чѣмъ, а только написать крестъ и слова Спасителя:—«Азъ есмь воскресеніе и животъ, вѣруяй въ мя, аще и умретъ, оживетъ; и всякъ живый и вѣруяй въ мя не умретъ во вѣки. (*Іоа. 11.—25.—26*).»—Чтущіе память покойнаго, распространили трапезу Церкви и устроили, по ука-

занію приведенныхъ текстовъ, два придѣла; направо—«Воскресенія Христова»,—гдѣ подъ самымъ Престоломъ покоится прахъ Арх. Макарія;—на лѣво—«Воскресеніе Праведнаго Лазаря».—Граждане, благоговѣя къ памяти покойнаго труженика, послѣ каждой службы заходятъ къ его гробу и служатъ панихиды въ пещерѣ, отдѣленной отъ его гроба стѣною.

На эту эпоху Миссіи, продолжавшуюся тринадцать съ половиною лѣтъ, по справедливости должно смотрѣть какъ на самую важную.—О. Арх. Макарій обратилъ въ христіанство не много душъ, всего мужчинъ и женщинъ только 675 чел., т. е. по 48—49 чел. въ годъ, не болѣе; но онъ былъ истиннымъ первымъ основателемъ Миссіонерства на Алтаѣ; онъ былъ начертателемъ плана правильныхъ Миссіонерскихъ дѣйствій отъ продолжительнаго, практическаго приложенія этого плана къ дѣлу, въ послѣдствіи не уклонялись, при расширеніи круга проповѣданія; потому что онъ былъ такъ же простъ какъ глубоко обдуманъ.—О. Макарій былъ проповѣдникомъ, учителемъ проповѣданія и организаторомъ;—онъ понесъ первыя, самыя сильныя препятствія и тягости, самыя жестокія борьбы, со всѣхъ сторонъ;—первый онъ ознакомилъ съ инородцами дѣятелей, а инородцевъ очень много приблизилъ къ христіанству;—онъ первый занялся ихъ языкомъ и перевелъ на него все необходимѣйшее для Миссіонеровъ.—Чрезвычайное его терпѣніе и неисчерпаемая любовь сердца, плоды Вѣры чистой, соединенные съ искуствомъ дѣйствовать на дикарей этихъ,—довершали остальное.—Арх. Макарій заслуживаетъ, за покореніе этихъ 675 душъ Христу, благодарность и уваженіе больше, нежели увѣнчанные завоеватели, покорившіе цѣлые материки съ ихъ милліонными населеніями,—цѣною потоковъ крови.

Мѣсто его заступилъ, нынѣ начальствующій, уже двадцать лѣтъ, Миссіею, достопочтенный о. Протоіерей *Стефанъ Ландышевъ*.—Способъ дѣйствій общихъ, независимо отъ личной, Богомъ дарованной, каждому Миссіонеру способности, конеч-

но долженъ былъ остаться тотъ-же.—Въ чемъ слѣдовало ему заключаться?

Прежде всего въ проповѣди Евангелія; — въ разъѣздахъ для сего, утомительныхъ и опасныхъ;—въ духовно-нравственномъ и обрядовомъ обученіи;—въ крещеніи инородцевъ. Но для этого необходимо было основать такіе центральные пункты, куда-бы инородцы, сердце которыхъ будетъ тронуто благодатію Божіею, могли сами прибѣгать изъ стойбищъ и кочевьевъ своихъ, какъ къ Кивоту спасенія. А легко-ли избраніе, учрежденіе и устройство такихъ *становъ*,—которые необходимо нуждались и въ церквахъ, и въ помѣщеніяхъ, — въ дикой той странѣ, *безъ средствъ*, — потому что для потребностей Миссіи что-же за средства 571 р. 40 коп., которые ежегодно отпускались до 1858 г.? — Окрестивъ малолѣтняго, его нужно еще пріютить, помѣстить между христіанъ, и если кто приметъ, то помогать тому въ содержаніи; но и этого мало, его необходимо нужно обучать грамотѣ, ремеслу, рукодѣлью.—Окрестивъ возрастнаго его должно устроить, дать ему жилище, домикъ, хозяйство; найти ему возможность пріобыкать къ земледѣлію, къ домоводству; женить, снабдить.—Нужно призрѣть престарѣлыхъ; лечить больныхъ; одѣвать, прокормлять совершенно-обнищавшихъ по стеченію какихъ-бы то ни было обстоятельствъ.—Слѣдовательно независимо, или лучше сказать зависимо, отъ становъ и церквей, тотчасъ оказывалась надобность въ заведеніи школъ, т. е. въ построеніи для сего дома или въ отдѣленіи мѣста въ другихъ домахъ, (которые тоже нужно строить), гдѣ должны помѣщаться служащіе,—безпріютные,—дѣти, и пр.—Для отдѣленія крещенныхъ отъ некрещенныхъ, необходимаго по природной ихъ дикости, слабости нрава и безсилію противъ укорененныхъ привычекъ, надо найти средства временно селить ихъ осѣдло въ христіанскихъ обществахъ, а послѣ заводить новыя для нихъ *селенія*, недалеко отъ стойбищъ некрещенныхъ соплеменниковъ ихъ, чтобы и имъ доставлять возможность удобнѣе переселяться изъ кочевьевъ при желаніи принять Св. Крещеніе.—

Слѣдовательно—*станы*, — ихъ *церкви*,—*заведенія*,—и *селенія новокрещенныхъ*, вотъ духовно-стратегическіе пункты Миссіи;—все это, вмѣстѣ съ содержаніемъ всего персонала Миссіи, съ издержками на разъѣзды и пр., было *обезпечено* годовымъ бюджетомъ въ 571 р. 40 коп! — Не удивительно-ли, что все это шло, двигалось?—А между тѣмъ, благодаря Бога! для обращенія язычниковъ въ христіанство ни разу за публичными ужинами не пресыщались; въ маскерадахъ не ломались; на сценахъ и въ картинахъ не выказывались;—не плясали, не канканировали подобно тамошнимъ шаманамъ; не выпивали рѣкъ шампанскаго; не устроивали спектаклей, базаровъ, и пр.,—словомъ тридцать пять лѣтъ не употребляли ни какого изъ языческихъ тонкихъ филантропическихъ средствъ, въ противодѣйствіе язычеству грубому.—Помогалъ Богъ!

Все шло, благодаря христіанской лептѣ какихъ нибудь скромныхъ дателей въ разныхъ уголкахъ Россіи.—Къ 1857-му году Миссія имѣла уже 5—*становъ*:—1) *Улалинскій*, — 2) *Мыютинскій*;—3) *Чемальскій*;—4) *Ануйскій* и—5) *Макарьевское* отдѣленіе.—Съ того времени по нынѣ общее число становъ доведено до осьми, основаніемъ 6) *Кебезеньскаго*, — 7) *Ильинскаго* и—8) *Урсульскаго* *). Кто взглянетъ на карту **), увидитъ какъ съ самаго начала избравъ *Сандыпскій* форпостъ, въ самой верхней точкѣ крутаго заворота, выходящей изъ Оби, рѣки Біи, (въ языкѣ этого заворота въ послѣдствіи основанъ станъ *Макарьевскій*), *Миссія* съ этой первой точки обозрѣвала куда итти, гдѣ заложить операціонный базисъ, какъ вести апроши?—Вскорѣ мы видимъ ее въ *Улалѣ*, (около 90 в. ниже, по прямой линіи), какъ главномъ уже пунктѣ, близъ р. *Катуни* хотя еще и по сію—сторону ея, нѣсколько пониже значительнаго селенія *Майминскаго*, расположеннаго на нижнемъ концѣ расширенія р. Катуни, — засѣянной тутъ островами и грядами,—при р. *Улалѣ* впадающей въ *Майму*, или

*) При р. Урсулѣ и Ондугаѣ.

**) Она будетъ особо издана; о чемъ объявится по изготовленіи.

Наймy, соединяющуюся съ *Катунью* у названнаго села. — Мѣсто это было избрано о. Ар. Макаріемъ превосходно для выгодъ его служенія. — Впереди, на востокъ, невдалекѣ разлеглась область Черневыхъ Татаръ, а по другую (правую) сторону,—Алтайскихъ Калмыковъ; первымъ жилищемъ была изба, купленная у одного изъ трехъ жившихъ тутъ русскихъ пчеловодовъ.– Какое же дѣйствіе произвелъ этотъ первый шагъ сближенія?—Знать любопытно для желающаго имѣть не самосозданныя понятія о трудахъ Миссіонерства.—Вотъ какое:—Улалинцы, *опасаясь* быть крещенными, рѣшились *бѣжать*, т. е. вознамѣрились откочевать въ Кузнецкій округъ.— О. Макарій самъ удалился въ с. *Майму* или Найминское, 8-ю вер. выше. — Однако теперь есть уже станъ (*Урсульскій*), болѣе 300 верстъ ниже *Улалы* гдѣ, подъ самыми отрогами Тегерскихъ и Чарышскихъ Бѣлковъ, все такъ сказать сплошь засѣяно юртами Калмыковъ, и никто изъ нихъ *не опасается*, *не бѣжитъ* отъ стана.—Изъ *Маймы* о. Макарій закидывалъ свою Евангельскую сѣть на *Телеутовъ*, Черневыхъ Татаръ, Алтайскихъ Калмыковъ; поселялъ тутъ крестившихся; обучалъ грамотѣ дѣтей; бѣдствовалъ, безъ средствъ, богатый только трудностоми, платя дорого за ничтожное помѣщеніе и не имѣя денегъ не только на построеніе дома для постановки Церкви, но и на чай;—который замѣнялъ бадяномъ,—потому что и небольшую свою магистерскую пенсію онъ отдавалъ на помощь и поселеніе новокрещенцевъ; домъ едва едва достроился въ 1835 г.—Но въ это время строилось другое.—Любовь, милосердіе о. Макарія, неистощимая сострадательность его къ бѣднымъ, попеченія о страждущихъ, внушительное слово его,—поразили Улалинцевъ; они одумались и не только ни кто *не бѣжалъ* отъ *опасности* креститься, но и откочевавшіе уже возвратились и сами стремились къ крещенію. Макарій тоже возвратился въ Улалу, не забывая и Маймы.—Такъ, вмѣсто одного, устроились два близкіе центра съ двумя снарядами церквей. Въ послѣдствіи Майминскій станъ упраздненъ, потому что тамъ была построена купцемъ М. Е.

Шебалинымъ каменная Церковь, къ ней былъ приписанъ приходъ, и постановлено въ обязанность особенное попеченіе о новокрещенныхъ, исправленіе всѣхъ требъ безмездно, и пр. *)— Сдѣлавшись главнымъ пунктомъ Миссіи, *Улалинскій* станъ въ послѣдствіи обзавелся домами для Церкви, для безпріютныхъ и для инородческихъ дѣтей обучаемыхъ грамотѣ, т. е. для училища мальчиковъ и дѣвочекъ.—Мы уже сказали, что окрещенныхъ инородцевъ естественно должно было стараться отдѣлять отъ язычниковъ, чтобъ вводить практически въ жизнь христіанскую, съ ея заповѣданіями, нравами и обычаями. Въ вѣдѣніи Улалинскаго стана мы, уже въ 1857 году, видимъ шесть такихъ *селеній* окончательно основанныхъ, и пять заводимыхъ:—*Улала*,—*Майма*,—*Верхній-Карагужъ*,—*Нижн. Карагужъ*,—*Билюля*,—*Ташта*,—*Кабыжакъ*,—*Сары-Копша*, —*Кебезень*,—*Кылташъ* и др. Они отстоятъ отъ главнаго центра на 9,—13,—20,—25,—80,—100,—130 и бол. верстъ, въ различномъ разстояніи другъ отъ друга, на сѣв.-западъ, на сѣв.-востокъ, на югъ, какъ плодородные корни, которые вскорѣ пробиваютъ кругомъ сквозь землю, свои ростки и побѣги, связывая почву и вынося изъ нея питаніе и тѣнь. Въ селеніяхъ этихъ сообщенія, одномѣстность жительства, наглядность на бытъ, пріемы, способы хозяйства, а главное понятія о Вѣрѣ, обобщаются легко; истина трогаетъ души; дѣло великое дви-

*) Просимъ обратить особенное вниманіе на этотъ *фактъ*. Далѣе мы будемъ имѣть случай высказать мнѣніе наше, совершенно-несогласное съ искренно уважаемымъ нами начальникомъ Миссіи о. Прот. Ландышевымъ,—о *преимуществѣ* будто-бы Миссіонеровъ—бѣлыхъ священниковъ передъ монахами.— Двадцать лѣтъ начальствующій Миссіею, конечно уже опытенъ и доказалъ блестящимъ образомъ свою любовь и знаніе; но, всѣ люди—люди, свято каждому *свое*, собственное званіе, свои въ немъ привычки, свое отъ нихъ воззрѣніе. Приведенный фактъ разрѣшаетъ вопросъ непререкаемо. Миссіонеры,—авангардъ *истиннаго* просвѣщенія Свѣтомъ Божіимъ; они потомъ, трудомъ, терпѣніемъ, опасностями, лишеніями, нищетой, дѣломъ тяжкимъ,—нерѣдко кровью,—*побѣждаютъ*,—и идутъ далѣе опять *побѣждать*, бороться!—Бѣлое духовенство, приходитъ какъ окупаціонный корпусъ; охраняетъ, созидаетъ, утверждаетъ; трудомъ осѣдлымъ, въ довольствѣ и спокойствіи, большемъ или меньшемъ, но уже среди своихъ *приходовъ* и *семействъ*.— Пишущій эти листы не монахъ и не бѣлый священникъ.

жется такъ сказать само собою. Начинаютъ рубить лѣсъ, строютъ домики, въ которые переходятъ изъ юртъ,—а переходъ этотъ, есть уже начало всему послѣдующему;—ставятъ избу для школы, храмину для помѣщенія походной Церкви, съ которою пріѣдутъ, сегодня, завтра Миссіонеры; изъ которой потечетъ въ сердца слово Вѣры, ученія, утѣшенія; изъ которой протянется рука съ помощью!..... Вотъ—«дѣло и дѣланіе».—Сказать, написать все это,—легко; практически исполнить,—о! какъ трудно!... Кто же не уразумѣетъ что обращеніе хотя бы только 3—4,000 чел., въ теченіе 34-лѣтъ, при безпомощности, чрезвычайно скудныхъ средствахъ и весьма сильныхъ препятствій, есть дѣло воистину великое, и подвигъ очевидно поддержанный и благословенный самимъ Богомъ?

Что сказано объ этомъ первомъ станѣ, то самое, въ разсужденіи къ значенію и дѣятельности *становъ* (отдѣленій) Миссіи, относится ко всѣмъ. А потому подробно описывать ихъ здѣсь не мѣсто; современемъ все это должно вмѣститься въ статистическій *обзоръ* Миссіи Алтайской, въ ея подробное описаніе.—Теперь становъ *восемь*, какъ уже сказано выше;—при каждомъ заводилось и учреждалось, по возможности, все необходимое, какъ и при первомъ. Карта укажетъ, какъ это мирное и благословенное наступательное движеніе, проникало все глубже въ дикость края и дикость его обитателей, залагая новыя операціонныя точки, изъ которыхъ Евангельская дѣятельность лучилась кругомъ.—*Мыюта*, уже на другомъ берегѣ *Катуни*, верстахъ отъ нея въ 35—40 и отъ *Улалы* (по прям. лин.) въ 65—70, сдѣлалась христіанскою колыбелью Мыютинскихъ Телеутовъ, которые ознакомились съ о. Макаріемъ, точно такъ же какъ и Улалинскіе, знакомствомъ самымъ безошибочнымъ и вѣрнымъ. Потомъ станъ этотъ началъ вліять на Калмыковъ кочующихъ внутри Алтая на востокъ (верстъ на 35—45), и на югъ, по *Катуни* и впадающимъ въ нее рѣкамъ, верстъ на 300 и болѣе; да къ сѣверу верстъ на 80; къ кругу его же дѣятельности присоединены аилы Телеутскіе, *Черга* деревня заводскихъ крестьянъ, притонъ раскольниковъ.

И тутъ основались пять или шесть мѣстъ вселенія для новокрещенныхъ.—*Чемалъ*, при рѣкѣ этого имени, третій станъ, въ горизонтальной линіи, противъ самой *Мыюты*, на томъ же правомъ берегѣ гдѣ *Улала*, въ 80 верстахъ отъ нее; мѣсто это, привлекающее необыкновенно величественными и живописными видами природы, важно по многочисленности кочующихъ въ окрестностяхъ его Калмыковъ и Татаръ. Здѣсь начальствовалъ Миссіон. о. Іером. *Іоаннъ*, избравшій это весьма безпокойное мѣсто, преимущественно передъ другимъ, гдѣ служеніе было легче; тутъ къ трудностямъ общаго дѣла присоединилась борьба съ Чемальскими раскольниками, обижавшими Калмыковъ и Татаръ, справедливо и благопріятно для послѣднихъ разрѣшенная содѣйствіемъ Миссіи.—О. Іоаннъ какъ мы далѣе увидимъ, въ бытность свою въ С. П. Б.,—въ 1859 году, первый распространилъ здѣсь нѣкоторыя правильныя понятія объ Алтайской Миссіи, которая для столицы была рѣшительно неизвѣстною, и успѣлъ привлечь къ ней участіе и вниманіе многихъ лицъ, высоко стоящихъ въ обществѣ и въ Государственной службѣ; это не осталось безплоднымъ.—Отдѣленіе о которомъ мы говоримъ, дѣйствуетъ на Черновыхъ Татаръ и Калмыковъ по обѣимъ сторонамъ Катуни вверхъ верстъ на 80, и внизъ верстъ за 55, и далѣе до Телецкаго озера; изъ него посѣщаютъ и Кузнецкихъ инородцевъ, выше и ниже Кузнецка.—*Чемальскій* станъ имѣетъ свои помѣщенія для Церкви, для жительства служащихъ, для безпріютныхъ, больныхъ и пр., а равномѣрно и мѣста для поселенія новокрещенныхъ.—Почти на одной линіи съ этимъ станомъ и Мыютинскимъ учрежденъ станъ *Черно-Ануйскій*, на рѣкѣ этого названія, въ 150 вер. отъ Мыюты. Дѣйствія этого стана охватываютъ уже далеко юго-западную часть, между отрогами Ануйскихъ и Черышскихъ бѣлковъ.—*Ильинскій* станъ подкрѣпляетъ дѣйствія, разнося живительное вліяніе Миссіи, верстъ на 60 еще ниже; а *Ангутаевскій*, еще ниже верстъ до 80 и болѣе; вмѣстѣ съ Ильинскимъ они охватываютъ безчисленныя долинки и прирѣчья, по обѣ стороны р. *Урсула*, гдѣ размѣстилось множество инород-

цевъ, до Тегерскихъ бѣлковъ и за ними, въ широкихъ меандрахъ Катуни, огибающей здѣсь эти бѣлки и, ниже ихъ, Катунскіе.—Какъ уединенный стражъ на Восточной сторонѣ, на р. *Біѣ*, предъ самымъ впаденіемъ ея въ вершину Телецкаго озера, *Кебезенскій станъ*, на одной горизонтальной линіи съ *Улалой*, въ 90 верстъ отъ нея, надзираетъ юрты Черневыхъ Калмыковъ по берегамъ *Біи*; а въ самой верьхней извилинѣ ея, отдѣленіе *Макарьевское*, о которомъ мы упомянули, возглавляетъ всю эту сѣть Миссіонерскихъ центровъ.— Макарьевское отдѣленіе помогаетъ *Кебезенскому* по Біи; кругъ его дѣйствій обширенъ и труденъ, особенно по тому, что тутъ, на сѣв., сѣв. зап., и сѣв. вос., отъ *Улалы*, размѣстились улусы Кумандинцевъ, Тогульцевъ и Кузнецкихъ кочевыхъ Татаръ, а съ 1849 по 1853 годъ поселилось въ этомъ краѣ очень значительное количество раскольниковъ, вліяніе которыхъ на новокрещенныхъ инородцевъ живущихъ въ дер. Кажѣ, Пильнѣ, Сайдынѣ и др. едва ли не вреднѣе вліянія язычниковъ.— Кто ознакомится съ картою Алтая, тотъ отдастъ справедливость вполнѣ-обдуманному, сообразительно-превосходному размѣщенію становъ, и согласится, что усиленіе средствъ и числа лицъ, должно повесть къ быстрымъ, давно желаннымъ успѣхамъ.

И такъ, *станы*, — *церкви*,—*заведенія*, и *поселенія* новокрещенныхъ, вотъ, какъ мы сказали, матеріальныя, необходимыя и требующія широкаго пособія учрежденія, безъ которыхъ и широкій успѣхъ миссіонерства невозможенъ.—Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на *поселеніе* новокрещенцевъ. — Миссія помѣщала ихъ въ своихъ станахъ, и въ селеніяхъ христіанскихъ; опытъ,—доказавъ пользу этихъ поселеній, побудилъ ее сдѣлать великій шагъ впередъ;—Миссія приступила къ новой, весьма важной мѣрѣ,—къ заведенію поселеній среди самихъ кочевыхъ Татаръ и Калмыковъ. Это нельзя не признать весьма отрадною побѣдой, она свидѣтельствуетъ о смѣлости нераздѣльной съ важнымъ духовнымъ успѣхомъ, и безъ него совершенно невозможной.—Мѣра эта отстраняетъ многія препятствія, преграждающія людямъ путь къ христіан-

ству и переходу въ христіанскія селенія, нерѣдко весьма отдаленныя отъ ихъ кочевьевъ и промысловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ самое легкое, естественное и надежное средство распространенія христіанства и развитія гражданственности вдругъ во всемъ Алтаѣ.—Это совершенно понятно; каждый такой поселенный самъ сдѣлается, вліяніемъ своимъ, какъ бы приготовительнымъ Миссіонеромъ, когда Миссія будетъ рачительно избирать для сего земледѣльцевъ честныхъ, по собственному ихъ согласію и желанію, изъ осѣдлыхъ инородцевъ христіанъ и изъ обрусѣвшихъ уже новокрещенныхъ.—О. протоіерей Ландышевъ такъ исчисляетъ выгоды этой важной мѣры.—1) Кочевые инородцы такъ сказать незамѣтнымъ образомъ, наглядно, обучаются домоводству и земледѣлію;—2) непринужденно и скоро научаются русскому языку;—3) бѣднякамъ этимъ представляется симъ чрезвычайное облегченіе въ полученіи продовольствія и всѣхъ жизненныхъ потребностей за умѣренную цѣну;—4) понятія ихъ о христіанствѣ, расположеніе и уваженіе къ нему несомнѣнно проясняются и утверждаются обращеніемъ съ новыми поселенцами, которые сами чрезвычайно нужны для помощи Миссіи:—*а*—въ обученіи христіанскимъ обычаямъ семейнымъ и общественнымъ, какъ и благочинію въ исполненіи церковныхъ обрядовъ;—*б*—въ трудахъ при совершеніи крещеній и погребеній; въ чемъ Миссія иногда встрѣчаетъ большія затрудненія;—*в*—въ добровольномъ служеніи больнымъ и въ успокоеніи ихъ;—*г*—въ перевозкѣ желающихъ креститься, иногда бѣдныхъ и больныхъ и изъ кочевьевъ нерѣдко отдаленныхъ;—*д*—въ защитѣ желающихъ креститься отъ преслѣдованія некрещенными ихъ родственниками и Зайсанами, и въ предотвращеніи ссоръ и дракъ при сихъ случаяхъ;—*е*—въ разбирательствѣ тѣхъ недоразумѣній, сваръ и претензій, которыя могутъ возникать и между новокрещенными,—*ж*—въ надзорѣ за христіанскимъ благоповеденіемъ новокрещенныхъ, и въ огражденіи ихъ отъ соблазновъ, уклоняющихъ къ прежнимъ суевѣрнымъ обычаямъ.

Все это лежало, огромною тяжестью, на самихъ Миссіоне-

рахъ, — отдаленныхъ, занятыхъ, да и никогда не имѣющихъ возможности быть тутъ постоянно, бокъ-о-бокъ съ новокрещенцами, а тѣмъ болѣе съ некрещенными инородцами.—Превосходная мѣра эта требуетъ всякаго участія поддержки и пособія; что будетъ сдѣлано для нее, будетъ сдѣлано для успѣха всей Миссіи,—для скораго спасенія множества душъ.

Вотъ настоящее положеніе Алтайской Миссіи.—Если она и не возрасла еще въ огромное древо, покрывающее всю страну, то между началомъ, горушнымъ зерномъ, принесеннымъ на Алтай Арх. Макаріемъ и тѣмъ что мы видимъ теперь,—различіе необъятное! Соображая скудность средствъ, трудность дѣла, природу мѣстъ и сильныя препятствія и задержки, — нѣтъ возможности не признать очевидной помощи Божіей, восполняющей всѣ недостатки, и не воздать великой, душевной благодарности и трудившимся бодро.—Въ послѣдней запискѣ своей, начальникъ Миссіи, находившійся въ С.П.Бургѣ въ прошедшемъ году излагаетъ, — что Миссія успѣла известь изъ тьмы идолослуженія въ свѣтъ православія, пріучить къ осѣдлости, къ христіанской трудолюбивой жизни до *3,200* душъ; а что всѣхъ христіанъ, съ дѣтьми рожденными отъ новокрещенцевъ, будетъ уже *до 5,000*.—Выше мы показали что, въ первые 13 лѣтъ, всѣхъ обращенныхъ приходилось кругомъ по 48—49 чел. въ годъ, теперь эта пропорція уже болѣе нежели утроилась обращеніями въ послѣдніе 20 лѣтъ; теперь на каждый изъ 33-хъ годовъ существованія Миссіи приходится по 150 чел. новообращенныхъ.

Составъ Миссіонерскаго братства не многочисленъ;—одинъ протоіерей, четыре священника (женатые), и четыре іеромонаха, одинъ іеродіаконъ, одинъ діаконъ женатый, восемь причетниковъ и толмачи; — и такъ всѣхъ *двадцать девять* человѣкъ, а съ семействами,—шестьдесятъ.—Одно семейство отца протоіерея состоитъ изъ двѣнадцати лицъ.

Труды братства этого дѣлятся *на восемь становъ*,—съ которыми мы ознакомились,—*съ одинадцатью церквями, десятью школами* и селеніями въ числѣ двадцати двухъ. Все это за-

ведено Миссіею въ мѣстахъ тщательно избранныхъ по цѣли назначенія, по окружающей средѣ, по удобствамъ для осѣдлаго домохозяйства и т. п. Все, по словамъ начальника Миссіи, обстроено разумѣется въ крайней простотѣ формъ и матеріаловъ, но съ необходимымъ удобствомъ, для служенія, жительства, призрѣнія, обученія. Пространство объемлемое этою сѣтью миссіонерства можно опредѣлить въ 1,000 верстъ въ длину и отъ 150—мѣстами до 700 вер. въ поперечникѣ.—Но независимо отъ центровъ сихъ, нерѣдко на далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго лежащихъ, сколько нужно издержать силы нравственной и физической на трудные переѣзды верьхомъ, на переходы, борьбу съ опасностями отъ природы и подъ часъ отъ дикарей-фанатиковъ?.... Мы упомянули о нѣкоторыхъ случаяхъ, считаемъ любопытнымъ привесть о семъ очеркъ помѣщенный о. протоіер. Ландышевымъ въ послѣдней его запискѣ:

—«Каждый изъ Миссіонеровъ не разъ подвергался опасности лишиться жизни; о. Арх. Макарій проѣзжая по горамъ *Черни*, покрытымъ густыми хвойными лѣсами,—былъ зацѣпленъ за ремень бывшей при немъ сумки съ Св. Дарами; конь выбѣжалъ изъ-подъ сѣдока, который повисъ на суку, пока уѣхавшій впередъ провожатый, соскучивъ ждать, воротился и снялъ о. Макарія.—У каждаго изъ насъ замираетъ сердце и кружится голова, даже и привычный конь дрожитъ, когда случится переѣзжать по высокому *бому*;—это узкая иногда менѣе аршина тропинка, опоясывающая гору на отвѣсѣ, съ поднимающеюся на одной сторонѣ высокой скалой и съ нисходящимъ, на другой сторонѣ страшнымъ обрывомъ до рѣки, синѣющей въ глуби пропасти какъ ленточка! Каково-же когда на тропинкѣ этой приходится еще перескакивать чрезъ большіе высунувшіеся камни, или же спускаться по довольно гладкой плитѣ, дѣлая крутые повороты лицемъ къ обрыву? На такомъ проѣздѣ должно вполнѣ ввѣриться коню; но и онъ, безсмысленный и голодный, часто тянется за травкой;—удерживать его опасно, дать ему свободу—страшно!... Много разъ я бывалъ

подъ конемъ, падавшемъ на бѣгу; два раза при такихъ паденіяхъ я былъ вдавленъ по уши въ грязное болото; разъ я летѣлъ саженей десять, вмѣстѣ съ оборвавшимся конемъ, съ крутизны почти отвѣсной горы; подпруги лопнули и я невредимо отдѣлился отъ коня и выбрался на дорожку. Два раза я свергался съ горы впереворотъ, вмѣстѣ съ конями и повозкой; однажды уцѣлѣлъ ухватясь за вѣтви дерева; другой разъ меня сохранили кочки отъ раздробленія повозкой, которая на меня упала. Разъ я попалъ прямо съ крутаго косогора въ рѣку, *Сарасу*, и насквозь мокрый ѣхалъ, подъ дождемъ, въ холодное осеннее время, 45 верстъ до дер. *Черги*.—Много разъ я тонулъ при переправахъ въ бродъ, чрезъ довольно глубокія и весьма быстрыя горныя рѣчки.—Разъ при переѣздѣ, весною, по льду, чрезъ рѣку *Майму*, ледъ подъ нами обрушился чрезъ всю рѣку, конь всплылъ, а я мгновенно очутился плавающимъ уже позади саней; успѣлъ схватиться за нихъ и былъ вытащенъ выплывшимъ конемъ.—Въ другой разъ, лѣтомъ, при переѣздѣ чрезъ ту же рѣку, внезапно прибывшую отъ сильнаго дождя, кони всплыли, повозка перевернулась, все что въ ней находилось потонуло; но я успѣлъ выбраться на лежавшее въ водѣ близъ острова большое дерево и спасъ утопавшаго новокрещеннаго мальчика, находившагося со мною.—Сколько разъ я промокалъ и промерзалъ, до того что былъ не въ состояніи говорить. Сколько разъ я былъ въ страшной опасности погибнуть подъ удушающимъ бураномъ?—Случалось ночевать, послѣ цѣлодневной ѣзды верьхомъ, на горѣ или на болотѣ, безъ дровъ и воды, т. е. не имѣя возможности обогрѣться и подкрѣпиться чаемъ, который, съ неразлучными сухарями, единственная пища въ дорогѣ. А кочевье въ чрезвычайно нечистой берестяной юртѣ кочеваго Алтайца, гдѣ развѣшенное мясо издохшаго коня или убитаго звѣря бываетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ посудою, которую не моютъ ни когда, и съ кожаными продымленными мѣшками? Въ юртѣ этой, на 6—8 кв. арш., помѣщаются люди, телята, ягнята, собаки; нѣтъ печки—при 30—40° мороза; дымъ отъ разложеннаго по

срединѣ огня (особенно при вѣтрѣ), выѣдаетъ глаза; морозъ и жаръ, сходясь вмѣстѣ, производятъ на голову самое вредное вліяніе... Все подобное такъ обыкновенно, что Миссіонеры почти и не упоминаютъ объ этомъ въ своихъ запискахъ.— Вотъ наше мѣсто упокоенія послѣ продолжительной верьховой ѣзды съ *случаями*, о которыхъ сказано; тутъ чайникъ Миссіонера, стоя рядомъ на огнѣ съ винокуреннымъ котломъ хозяина, обыкновенно замазываемымъ конскимъ пометомъ съ глиной, составляетъ единственное *утѣшеніе* и *укрѣпленіе* изнемогшему.—Вотъ храмъ и каѳедра, гдѣ мы должны проповѣдывать Евангеліе полунагимъ, нечистоплотнымъ до невѣроятія слушателямъ, вниманіе коихъ къ *единому на потребу*, должно доводить начиная разговоръ съ трубки и огнива!»...

Послѣ этихъ картинно-живыхъ строкъ, приведемъ одинъ изъ множества случаевъ другаго рода, гдѣ главная опасность Миссіонеру угрожаетъ не отъ природы страны, а отъ врага болѣе злобнаго и коварнаго; и гдѣ онъ утѣшается и укрѣпляется уже не чаемъ, а прямо силою Божіею и утѣшеніемъ въ сердцѣ, яже отъ Него!

Миссіонеръ о. *Смарагдъ* получилъ извѣстіе, что инородка, дѣвица, желаетъ принять крещеніе, но не иначе какъ чтобы онъ самъ ее взялъ, отвезъ и окрестилъ въ Церкви; а пріѣздъ устроилъ бы такъ, чтобъ не было тутъ ни отца ея, ни матери;—иначе дѣло не можетъ состояться. Легко сказать; но какъ сдѣлать? А гибнущую душу спасти должно, во что-бы то ни стало. О. *Смарагдъ* пріѣхалъ; разнеслась вѣсть, что ѣдетъ *большой попъ*, (такъ они именуютъ старшее Духовное лицо), для котораго требуются лошади.—Всѣ кинулись за лошадьми; съ другими побѣжали отецъ дѣвицы и прочіе родственники ея. Она вышла, требуя, чтобъ скорѣе везли.—Отправились; Миссіонеръ съ толмачемъ на одной лошади, она—на другой;— невѣстка видѣла все это и кинулась извѣстить отца; онъ вскочилъ на лошадь и стремглавъ поскакалъ въ погоню.—Путешественники оборотились, когда имъ ускакать было уже невозможно.—Они остановились.—Инородецъ, сильный старикъ съ

яростью намахивался своимъ огромнымъ ножемъ на Смарагда, который тоже былъ силенъ и ловокъ;—ударомъ нагайки онъ выбилъ ножъ изъ руки инородца; видя это толмачь просилъ Смарагда немедля ѣхать далѣе, желая самъ остаться тутъ, чтобъ задержать погоню, которая уже приближалась на помощь отцу. Такъ сдѣлали.—Смарагдъ прибылъ съ женщиною въ Церковь, въ 15-ти верс., въ *Кебезенъ* и созвалъ Русскихъ и крещенныхъ; Церковь заперли. Между тѣмъ погоня нагрянула толпой, съ нею прибылъ и Зайсанъ; поднялся вой, шумъ, люди ломились въ Церковь; объявили что сожгутъ ее со всѣми находящимися въ ней, потому что дѣвку *крестятъ насильно.*— Допросите ее;—сказалъ Смарагдъ; она вышла; они кинулись, окружили ее, стращали, угрожали; но она безъ страха отвѣчала имъ только:—«Не правда! не правда! Я сама посылала; сама крещусь по волѣ».—Объявивъ это она вошла опять въ Церковь; двери заперли и оградили.—Тогда мать стала бѣгать кругомъ, какъ сумасшедшая; кричала, плакала, била стекла..... Дѣвка вдругъ начала жалѣть мать и сама кинулась рыдать, заливаться слезами и предаваться отчаянію!.. Опытному Миссіонеру извѣстно съ совершенною достовѣрностью откуда являются эти быстрые переходы, къ *гуманному* чувству, отъ христіанскаго побужденія къ спасенію души;—кѣмъ наводятся эти нервныя отчаянія, любви кровяной, и—чѣмъ все это побѣждается. По знаку его хоръ новокрещенныхъ запѣлъ:— «Господи помилуй! Да воскреснетъ Богъ»! и пр.... Дѣвушка успокоилась. Ее огласили, шумъ затихъ;—всѣ разошлись...... Ищутъ матери оглашенной;—ее нѣтъ; пропала!... Бѣгутъ во всѣ стороны; о. Смарагдъ помогаетъ въ поискѣ, входитъ въ ближайшій лѣсокъ,—и тамъ видитъ женщину эту повѣсившеюся на ремнѣ;—но сукъ пригнулся такъ, что ноги ея касались земли.—Смарагдъ перерѣзываетъ ремень, сзываетъ людей; повѣшенной кладутъ въ носъ труту;—она приходитъ въ себя.— Мужъ ея, узнавшій о случившемся, прибѣгаетъ въ эту минуту, разъяренный какъ звѣрь; съ огромнымъ коломъ въ рукахъ, онъ стремится на Смарагда, чтобъ размозжить его;—тотъ укло-

няется, инородецъ всею силой отчаяннаго розмаха падаетъ какъ камень о земь, колъ разлетается въ щепы; но сильный человѣкъ этотъ вскакиваетъ на ноги; Смарагдъ въ туже минуту охватываетъ его и начинается отчаянная смертная борьба.— Они борятся, старикъ яро нападаетъ, Миссіонеръ сильно защищается, долго крутятся они и наконецъ, оба вмѣстѣ, стремглавъ летятъ въ глубокую трущобу, по дну которой течетъ рѣчка. Тамъ, опамятовавшись они хотятъ опять начать борьбу;--но инородецъ вдругъ выпрамляется всѣмъ тѣломъ и, спокойно, поднявъ руку торжественно возглашаетъ:—«Отецъ! Довольно! Будетъ!»—Въ ту же минуту опуская руки онъ позволяетъ связать себя, какъ ягненка; его подводятъ къ женѣ;— онъ молчитъ и смиренъ какъ дитя.—«Ну, что, старуха,—говорятъ ей новокрещенные,—подумай-ко, не хочешъ-ли и ты сама креститься?»—«Чего думать? онъ спасъ мою душу, и я хочу креститься!»—«Доброе дѣло! скажи-же мужу, пусть и онъ съ тобой окрестится.»—«Почему не сказать.»—Перемолвила она съ нимъ нѣсколько словъ и кончилось тѣмъ, что вмѣсто одного члена въ христіанскую семью вошли трое.—Такъ въ борьбѣ этой, по наружному ея виду конечно тѣлесной, между борцами не безплотными-же, боролись двѣ силы изъ которыхъ вѣчно побѣдоносная, сила всепобѣднаго Креста, конечно должна была одержать верьхъ,—но не безъ труда и вѣры сильной со стороны дѣйствовавшаго оружіемъ этимъ, изъ разъяреннаго звѣря,—(который вѣрно растерзалъ-бы Смарагда),— сдѣлавшимъ инородца внезапно кроткимъ агнцемъ.—Вотъ иногда какими боями пріобрѣтаются новокрещенные.

Приводимъ и другой изъ способовъ, которыми—«нехотящій смерти человѣку, но еже обратитися ему и живу быти,» — привлекаетъ его, а чрезъ него и другихъ, къ спасенію.

Въ мѣстахъ тѣхъ очень извѣстенъ Шаманъ называемый *Казакъ*,—(въ Св. Крещеніи *Григорій*, на Телецкомъ оз.) человѣкъ отъ природы весьма не глупый, а по сношеніямъ и обязанностямъ своимъ болѣе другихъ призываемый къ разсужденію. Онъ нерѣдко впадалъ въ тревожный и глубокій роз-

мыслъ о томъ, — отъ чего многіе такъ неудержимо, вопреки препятствій, страха, опасностей, смерти, влекутся къ принятію христіанской вѣры? Почему въ малыхъ дѣтяхъ, какъ и въ дряхлыхъ старцахъ, когда загорится въ ихъ сердцѣ охота эта, нѣтъ силъ, нѣтъ средствъ удержать ее? превозмогаютъ все, презираютъ, побѣждаютъ все, и всегда достигаютъ желанія, каковы бы ни были преграды? Такъ размышлялъ онъ однажды, путешествуя верьхомъ, въ пустыряхъ предгорій; вотъ и родственники мои,—думалъ онъ,—почти всѣ уже крещены, а какіе были они ярые ненавистники христіанства?—Что-жь это за вѣра!—Что въ ней такое? Не въ самомъ-ли дѣлѣ она точно правая?.... Промыслительная Благодать Божія, бесѣдующая—*«всякимъ образомъ»*,—не съ мудрыми лишь *о себѣ* философами и резонерами, а съ каждою душею, хотя-бы и идолопоклонника;—«скорбящею и озлобленною и помощи Божіей требующею,» — при первомъ свободномъ движеніи мысли этого Шамана, при первомъ наклоненіи его воли къ исканію истины, совершила съ нимъ то же, что древле съ гонителемъ христіанства, Савломъ.—Богъ для всѣхъ тотъ же вчера, сегодня и во вѣки! — Необычайный лучь облисталъ окрестность и въ немъ Шаманъ, Казакъ, видитъ какое то свѣтло-огненное будто шестикрылатое существо; онъ падаетъ съ коня ницъ и по неудержному побужденію начинаетъ подробно исповѣдывать всѣ обстоятельства своей жизни съ самаго дѣтства.—Какъ онъ остался сиротою, какъ съ измала его научали шаманить, какъ входилъ онъ въ это дѣло все глубже съ лѣтами, какъ обуяла имъ наконецъ сила, которой противиться нѣтъ уже въ немъ возможности, и пр. и пр.—И слышитъ онъ какъ явившееся существо, говоритъ ему, не языкомъ и не звуками;—«а печатаетъ ему, огнемъ, внутри его сердца:»—одинъ Богъ—Іисусъ Христосъ, одна Вѣра, — въ Него! Если хочешь быть счастливъ на землѣ и спасенъ по смерти, вѣруй въ Него; скажи тоже женѣ, родственникамъ, всѣмъ кому можешь.—Тутъ такимъ же образомъ были внушены въ него всѣ главнѣйшія основанія Вѣры христіанской и было показано ему, въ такомъ же

внутреннемъ видѣніи, обширное пространство Алтая съ назнаменованіемъ мѣстъ, на которыхъ будутъ построены христіанскіе храмы.—«Когда будутъ косить сѣно,—сказано было ему при этомъ,—проѣдетъ тутъ великій Архіерей и назнаменуетъ мѣста и освятитъ вòды озера Телецкаго.» — Прійдя въ себя Казакъ не забылъ ничего, такъ все глубоко врѣзалось, (или *возжглось*, какъ онъ говорилъ), въ его сердце; онъ тотчасъ отправился обозначить всѣ указанныя ему мѣста, кольцами изъ конскаго волоса.—Дома онъ разсказалъ о видѣніи своемъ женѣ, которая непререкая повѣрила ему.— Сильно занятый этою мыслью, вполнѣ охватившею все его естество, черезъ три дня, въ пути, Казакъ видитъ новое явленіе. Въ разверзшемся небѣ является блистающее лице какъ бы Абыса (священника), въ ризѣ, омофорѣ, сіяющей шапкѣ (митрѣ) и съ подъятыми, благословляющими руками.—Казакъ снова передаетъ это женѣ; собираетъ всѣхъ родственниковъ и друзей, зарѣзываетъ скотину для угощенія обѣдомъ; не смотря на свое званіе, приглашаетъ ихъ вѣровать въ Іисуса Христа; своимъ приказываетъ измѣнить одежду, обрѣзать кòсы, и пр. Самъ же, съ этого дня, начинаетъ, всѣхъ кого ни встрѣтитъ, и все, на что ни взглянетъ, благословлять, такъ же обѣими руками. — Мысль въѣдается въ него все глубже, убѣжденіе становится само все крѣпче и яснѣе, онъ сознаетъ:—«что иначе и быть ни какъ не можетъ.»—Не проходитъ недѣля, его посѣщаетъ новое видѣніе. Пролегаетъ передъ нимъ широкая дорога отъ земли въ самую глубь неба, и вся она вдоль составлена изъ тѣхъ же цвѣтовъ что радуга. —Нужно начать строить такую дорогу,—говоритъ себѣ Казакъ,—потружусь, Богъ самъ сдѣлаетъ ее радужною и самъ доведетъ до неба!—Работаетъ Казакъ безъ устали почти полтора мѣсяца и устроиваетъ гать на довольно большомъ протяженіи.—Всѣ смѣются надъ нимъ.—Само собою разумѣется что, какъ между нами цивилизованными, такъ же точно и между антиподами нашими дикими идолопоклонниками, человѣкъ въ—«подвигѣ», — подъ натискомъ мысли—духа, съ которою обыденная мысль—ума сама справить-

ся еще не можетъ,—есть человѣкъ сумасшедшій! Казакъ,—говорятъ,—помѣшался; въ немъ бѣсъ; онъ гибнетъ; надо умолить бѣса; задарить, чтобъ вышелъ!—Начинаютъ печальники счастья Казака гуманно спасать его отъ бѣды, своими средствами; какъ другіе спасаютъ другими. Шаманятъ надъ нимъ безъ перемежки съ такою ревностью благожеланій, что перерезываютъ на *камланьe* весь его скотъ; раздаютъ весь скарбъ, раззоряютъ его до тла!... Казакъ, ни мало не сумасшедшій, но только понимающій уже ихъ помѣшательство, — котораго объяснить имъ не можетъ, какъ не понятное имъ,—видитъ все это, разумѣетъ и ждетъ часа, который, по его убѣжденію, долженъ настать.—Вотъ наконецъ онъ слышитъ, что Архіерей, о которомъ ему было возвѣщено, точно ѣдетъ; тогда — Казакъ смѣло заявляетъ непремѣнную волю креститься. Возможно-ли это? Казакъ! Шаманъ? Онъ сумасшедшій!... Его схватываютъ, вяжутъ, увозятъ верстъ за 300 на рѣку *Пыжу*.— Плачетъ Казакъ неутѣшно, слезами какихъ ни кто не видывалъ на лицѣ Шамана!... Между тѣмъ Преосвященный объѣзжаетъ свою область, освящаетъ воды Телецкаго озера, ѣдетъ мимо конскихъ волосъ, которыми Казакъ назнаменовалъ указанные ему мѣста;—Преосвященному передаютъ событіе, посылаютъ за Казакомъ;—его не находятъ,... спасители отъ бѣдствія зорко стерегутъ и охраняютъ раззореннаго и губимаго ими.—Но слухи, переносятся тамъ, какъ мы уже сказали, съ быстротою телеграмъ, Казакъ узнаетъ о всемъ и не удержно рыдаетъ.—«О! еслибъ достать коня;—повторяетъ онъ,— никто не удержалъ бы меня; я догналъ-бы Архіерея хоть на краю свѣта!» — Казакъ опасно занемогаетъ. Проходитъ года два съ перваго его видѣнія, (между 1859—1861), а сколько съ первой, возбужденной въ немъ благодатію, спасительной мысли?.... Вѣроятно Казакъ измѣнилъ намѣреніе?....

Въ одну изъ зимнихъ поѣздокъ своихъ, изъ *Улалы* на *Кебезень*, Миссіонеръ о. *Смарагдъ*, тогда еще іеродіаконъ, размышляетъ,—пошлетъ-ли кого Господь въ мрежу благой ловитвы ему ввѣренную? наградитъ-ли этотъ путь возможностью

обратить къ крещенію кого-либо, спасти хоть одну душу?—вдругъ вспоминаетъ онъ о Казакѣ. — Казакъ тутъ не весьма далеко; но нѣтъ возможности самому добраться до него; да при видѣ Миссіонера его опять увлекутъ и спрячутъ; на пути огромная гора и непроходимыя пропасти снѣга.... Находится человѣкъ вызывающійся подать Казаку вѣсть; съ нимъ посылаютъ въ подарокъ и свидѣтельство *каральку* (калачь) и приглашеніе, чтобъ Казакъ пришелъ самъ креститься, если не измѣнилъ призванію Божію.—Человѣкъ дошелъ до Казака и передалъ ему все, кромѣ калача, лакомаго, особенно въ трудномъ пути, для инородца никогда не видящаго хлѣба.—Казакъ не обинуясь, устроилъ все такъ, что, не смотря на призоръ за нимъ, явился не только самъ, но привелъ еще съ собою 12-ти лѣтняго своего сына.—Вотъ,—сказалъ ему о. Смарагдъ,—Богъ посылаетъ тебѣ случай къ исполненію твоего давнишняго, святаго желанія: ты хотѣлъ креститься?—«Э! Монахъ! монахъ! Хотѣлъ я, да и какъ еще хотѣлъ-то?! Но гдѣ теперь *радость* которая тогда была во мнѣ? Еслибъ кто нибудь отдалъ мнѣ назадъ въ сердце, ту самую *мою радость*, я крестился-бы тотчасъ!»—Вѣрь! получишь ты ее, и еще большую! Благъ нашъ Господь! Силенъ Онъ; воскрешаетъ и мертвыхъ; Ему-ли не воскресить твоего хорошаго чувства, твоей радости? Кознямъ-ли и злости дьявола устоять противъ всемогущаго Креста? и пр. и пр.—Подъ дѣйствіемъ словъ Миссіонера Казакъ впадаетъ въ изступленіе; онъ мечется, рветъ на себѣ одежду, мычитъ, свиститъ; неистово хохочетъ, валяется, кружится обливаясь пѣною.—О. Смарагдъ въ ужасѣ, накрываетъ его иконою; съ молитвою окропляетъ Св. водой; осѣняетъ Крестомъ.—Казакъ затихаетъ; пробуждается будто послѣ тяжкаго болѣзненнаго безмыслія и смѣло, рѣшительно объявляетъ:—«крести меня! во что бы то ни стало хочу креститься!»—Въ Церкви, въ иконѣ Спасителя онъ узнаетъ явившееся ему благословляющее Лице,—«но здѣсь оно не въ той одеждѣ, безъ шапки и не обѣ руки благословляютъ меня; молись Монахъ!»—Молись и ты, усердно, какъ умѣешь.—При-

лѣжно молятся оба; тоскуетъ и плачетъ горячо Казакъ передъ иконою Спасителя, потомъ передъ иконою Пречистой Его Матери. О. Смарагдъ беретъ елея изъ теплящейся передъ нею лампады и крестообразно помазуетъ имъ съ молитвою чело и перси глубоко растроганнаго инородца.—«Монахъ! Монахъ!— восклицаетъ онъ въ восторгѣ,—смотри! радость-то моя, *та самая радость* моя, входитъ мнѣ опять въ сердце!».... Казакъ былъ оглашенъ, удержанъ въ квартирѣ іеродіакона, наставленъ и вскорѣ окрещенъ.—«Вели,—сказалъ онъ Смарагду, чтобъ и сынъ мой крестился».—Зачѣмъ велѣть; Богъ не неволитъ ни кого, и намъ неволить не позволяетъ; когда сынъ твой захочетъ самъ добровольно креститься, то отказа не будетъ.—«Да я и самъ хочу тоже креститься!»—Но при этихъ словахъ мальчика его поражаетъ то-же бѣшенство что и отца. Тѣ же средства исцѣленія приводятъ къ тому же спасительному исходу.—Дѣвка, племянница, приходитъ провѣдать о нихъ; то же предложеніе, то же дѣйствіе. Потомъ она бѣжитъ, въ сотнѣ саженей начинаетъ кружиться около лѣсовины; падаетъ, приходитъ въ себя; увѣряетъ что кто-то, верьховой, проѣзжая мимо на крѣпко велѣлъ ей креститься;—и крестится! Через нѣсколько дней является братъ;—словомъ пятнадцать человѣкъ, одинъ за другимъ, принимаютъ крещеніе и, можетъ быть, за терпѣніе и болѣе нежели двухлѣтній искусъ Казака, вмѣстѣ съ нимъ призваны благодатію къ спасенію!

Повторяемъ случаи эти безчисленны; чрезвычайное разнообразіе ихъ, разумъ и простота, различіе возраста, условій частныхъ, общихъ, мѣстныхъ; всё, всё въ нихъ достойно самаго глубокаго изученія.—Вотъ та опытная школа, въ которой человѣкъ, честный въ совѣсти,—желая изучить духовное естество брата своего, меньшаго и низшаго, на истинную пользу многихъ, всѣхъ,—почерпаетъ наставленія неизмѣнно-вѣрныя. Они берутся не изъ природы склада только черепа, тканей тѣла и др. стихійныхъ устройствъ его физическаго состава, а изъ тѣхъ заявленій, которыя сразсуждаются не научно лишь, мудрованіями учителей по плоти, и стихіямъ, но и духовно,

освѣщеніемъ темнотъ науки внѣшней, свѣточемъ Вѣры.—Психологи и философы фабулисты! что-бы изъ кафе-ресторановъ, фельетонныхъ столбцевъ, садовъ съ усладами, и театральнаго училища психологіи, выѣзжать вамъ иногда хоть въ Алтайскій чумъ, подъ берестяное жилье инородца?—Конечно, тамъ не такъ комфортабельно; но кто-же завѣрилъ, что въ грязномъ тѣлѣ полускотственной по степени внѣшней цивилизаціи инородки, душа не такая же по природѣ и не чище той, которая стыдяся укрывается въ нашихъ красивотѣльныхъ плясовщицахъ и восторженныхъ артистахъ страстей всякаго рода? Кто завѣрилъ, что любому мудрецу, незнакомка, душа его, не откроется случайно впервые въ душѣ какого нибудь изъ тамошнихъ дикарей?...

Приведенныхъ нами примѣровъ, изъ всѣхъ возрастовъ, вполнѣ достаточно, какъ вообще для цѣли нашей, такъ и частно для того, чтобъ всякій здраво-мыслящій человѣкъ могъ положительно—вѣрно оцѣнить, что такое значутъ въ существѣ всѣ исхитренныя разглагольствія,—о насильныхъ будто-бы обращеніяхъ, крещеніяхъ;—о сознаніи;—о свободѣ будто-бы совѣсти въ отношеніи къ вѣрѣ;—объ уваженіи убѣжденія; — о томъ когда поздно, когда рано;—о многомъ, многомъ изъ чего *проводятся* въ среду людей мнѣнія, которыми *проводятся* люди;—изъ чего составляются убѣжденія, правила, порядки, законоположенія, кабинетно по научнымъ системамъ чисто выработанныя, существенно-же столь-же ложныя какъ ложны ихъ начало—истоки,—и слѣдовательно губящіе трудъ во вредъ общій, хотя бы, въ выгоду, или въ эфемерную славу трудившагося!—Пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло; но, сказано однако всѣмъ и каждому равно,—«духа не угашайте!»

Возвращаемся къ предмету,—(прерванному разсказами, которые мы сочли не неумѣстнымъ привесть именно здѣсь),—къ исчисленію плодовъ пріобрѣтенныхъ дѣятельностію Миссіи Алтайской, по настоящее время.—Мы говорили о составѣ Миссіонерскаго общества,—о числѣ *становъ*,—*церквей*,—*селеній*,—о штатныхъ средствахъ денежныхъ;—объ успѣхахъ об-

ращенія и соединенныхъ съ ними чрезвычайныхъ трудахъ и опасностяхъ Миссіонерскаго служенія;—о совершенномъ къ нему безъучастіи общества, необинуясь повторяемъ, — о совершенномъ до сей поры безъучастіи общества;—о невѣдѣніи, полнѣйшемъ доселѣ равнодушіи къ этому въ самыхъ высокихъ отношеніяхъ обязательно-важному для Россіи дѣлу, когда тысячи перьевъ скрыпя ежедневно, по столбцамъ всякихъ изданій, *проводятъ* пустѣйшія, будто-бы *мысли*, какъ великіе, очередные *вопросы*; выставляютъ эрунду разнохарактерныхъ пошлостей или балаганно-гаерскаго юмора и нигилистическаго разума, какъ спасительные для всѣхъ уроки высокой мудрости и залоги общаго наслажденія и блаженства, имѣющихъ истечь отъ неисчерпаемыхъ ключей цивилизаціи этого достоинства!...

Изъ тѣхъ же, послѣдне-сообщенныхъ начальникомъ Миссіи извѣстій, почерпаемъ и остальныя свѣдѣнія.

По изученію мѣстной лингвистики начатое основателемъ, Арх. Макаріемъ, было продолжаемо; для назиданія незнающихъ русскаго языка Алтайцевъ, Миссіонерами уже переведены на ихъ языкъ: всѣ необходимыя молитвы,—десять Заповѣдей Господнихъ и толкованіе ихъ,—Сvмволъ Вѣры,—многія мѣста изъ Священнаго Писанія,—почти все Евангеліе,—чинъ Литургіи Св. Іоанна Златоустаго,—много церковныхъ пѣсней,—книга Св. Геннадія о Вѣрѣ и жизни христіанской и нѣкоторыя избранныя мѣста изъ отеческихъ Писаній. Независимо отъ сего уже напечатаны нынѣ, по распоряженію Св. Сvнода, на томъ же Татарско-Калмыцкомъ нарѣчіи,—краткое огласительное ученіе,—вопросы при крещеніи и исповѣди,—простые разсказы о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, о Его страданіи, смерти, воскресеніи и пр.;—послѣдованіе Часовъ;—сборникъ Евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, — да изготовляются еще, — сравнительный лексиконъ нарѣчій Алтайскихъ, Татарско-Калмыцкихъ, съ языкомъ Тобольскихъ Татаръ, по словарю Гиганова,—и—грамматика нарѣчій сихъ.—Запасъ, уже весьма важный, всего истинно-необходимаго, свидѣтельствующій о дѣятельности заслуживающей полную благодар-

ность *). Вотъ образецъ безполезности, обычно поносимаго весьма многими, *тунеяднаго, ленивaго, не нужнаго ни къ чему* монашества.

Не менѣе полезны и плоды принесенные учрежденными Миссiею школами. Изъ обучавшихся въ нихъ инородцевъ есть уже исправляющiе должность церковно-служителей, и которые, по справедливому замѣчанiю о. Ландышева, могутъ современемъ быть весьма полезными Миссiонерами; они и теперь помогаютъ Миссiи въ дѣлахъ ея служенiя. Есть столь благочестивые и усердные къ чтенiю Евангелiя, что не оставляютъ его отправляясь на полевыя работы, гдѣ, во время отдыховъ, чтенiе слова Божiя служитъ имъ лучшимъ подкрѣпленiемъ и утѣшенiемъ.

Въ церквахъ Миссiи поютъ всѣ находящiеся при служенiи инородцы; для посѣтителя это чрезвычайно трогательно. Незабвенный основатель не только установилъ этотъ обычай, но самъ научилъ пѣть особенно-простымъ, на двухъ лишь нотахъ, напѣвомъ, то протяжно, то кратко; монотонность эта, при рѣдкихъ повышенiяхъ голоса, скромна, выражаетъ смыслъ поемаго и напрасно замѣняется теперь, какъ говорятъ, пѣнiемъ партеснымъ.—Вообще школы дали уже многихъ честныхъ, разумныхъ домохозяевъ и хозяекъ, добрыхъ мужей и женъ, людей примѣрныхъ и смышленныхъ.—Прежде появленiя у насъ *воскресныхъ* школъ,—столь несчастливо нашумѣвшихъ, и такъ же быстро какъ печально окончившихся достодолжнымъ паденiемъ,—онѣ уже существовали и существуютъ при нѣкоторыхъ станахъ Миссiи. Тамъ онѣ очень полезны, потому что основаны съ другой цѣлью и мыслью.—Въ воскресные и праздничные дни, послѣ богослуженiя и обѣда, по зво-

*) Не можемъ не замѣтить и здѣсь,—по отношенiю преимущественной пользы для Миссiй бѣльцевъ или монаховъ,—что наибольшая часть этихъ весьма важныхъ трудовъ, существенно для Миссiи необходимыхъ, совершена скромно тѣми же монахами, которые подвергаются лишенiямъ и опасностямъ, и не будутъ,—какъ и слѣдуетъ монаху,—тщеславно утѣшаться тѣмъ, что имена трудившихся извѣстны свѣту.

ну собираются въ училищную залу всѣ желающіе; родители, дѣти, средніе и престарѣлые, слушаютъ чтенія, устныя бесѣды о всемъ благочестивомъ и въ бытѣ полезномъ; спрашиваютъ о чемъ желаютъ, отвѣчаютъ на вопросы; поютъ псалмы, гимны (соч. о. А. Макаріемъ) которые у инородцевъ новокрещенныхъ замѣняютъ народныя пѣсни. Бесѣды эти, научая, иногда и обличаютъ; исправляя замѣчаніемъ при другихъ, невнимательнаго или лѣниваго, онѣ много дѣйствуютъ на улучшеніе быта, нрава и на общую, семейную такъ сказать, связь.— Сюда нерѣдко заходятъ и некрещенные; слыша на родномъ языкѣ чтенія, повѣствованія, пѣніе священнаго, назидательнаго, полезнаго, они отрадно настрояются духомъ къ будущей, еще несозрѣвшей рѣшимости, тоже вступить въ стадо Христово.—Не лучше-ли бы было еслибъ непризванные учители наши, взяли примѣръ не съ Европейскихъ, а съ этихъ пустынныхъ, Алтайскихъ нашихъ истинно-воскресныхъ и истинно-полезныхъ для народа школъ?

Не забудемъ что вся эта масса духовнаго, нравственнаго, вещественнаго и физическаго труда, самопожертвованія, терпѣнія и перенесенія всякой скорби, тяготы и тѣсноты;—пріобрѣтенія Христу душъ;—школьныхъ устройствъ, порядковъ, обзаведеній жилищныхъ и пр., и пр.,—получалась за 571 р. въ годъ, (съ начала Миссіи еще менѣе,—по 1858 годъ)!— Мы видѣли что самъ Арх. Макарій отдавалъ все что имѣлъ, бѣдную свою пенсію, на нужды Миссіи и не могъ даже пить чаю, по совершенному безденежью.—Чрезмѣрно дешево!...Сравните.... Конечно, труды духовные не вознаграждаются деньгами; но Миссіонеры не безплотные существа; нѣтъ, они и плоть свою приносятъ на такіе труды, которые требуютъ подкрѣплять ее хоть чѣмъ нибудь, по человѣчески. Въ самые лучшіе годы, при усиленіи источниковъ полученія и отъ случайныхъ пожертвованій, ни когда не приходилось на человѣка болѣе какъ отъ 15—до 40 р. въ годъ, и никогда старшіе члены Миссіи не получали въ крайнѣйше-высшей мѣрѣ болѣе 75—80 рублей!—Съ 1858—по 1863 годъ годичный отпускъ былъ уси-

лепъ до 4,000 р. *), Св. Сvнодомъ, видѣвшимъ плоды дѣятельности Миссіи и совершеннѣйшую неестественность содержать 29 челов., (а съ семействами 60), 11 церквей, 10 школъ и совершать необходимые расходы при крещеніяхъ и водвореніяхъ, издержки путевыя, плату за квартиры, постройки, ремонты, пособія, отопленіе, почтовые, канцелярскіе, лекарственные расходы и пр. и пр., при возвышеніи цѣнъ на все,— изъ 571 р., которые черезъ годъ опять останутся полнымъ окладомъ Миссіи.—Въ эти послѣдніе шесть лѣтъ, при усиленномъ отпускѣ суммы отъ Св. Сvнода и при увеличившихся пожертвованіяхъ случайныхъ, было и совершено несравненно болѣе. По свѣдѣніямъ начальника Миссіи, обращено въ христіанство до 900 Алтайцевъ;—заведены три новыя селенія для новокрещенныхъ кочевыхъ инородцевъ;—устроено при Миссіи 8 деревянныхъ небольшихъ церквей;—открыто пять школъ грамотности;—устроено 37 избъ для бѣдныхъ, и, сообразно съ этимъ развитіемъ дѣятельности, оказалось нужнымъ открыть и два новыя отдѣленія Миссіи, со всѣми необходимыми въ нихъ постройками.—Вотъ лучшее свидѣтельство того, какъ важны даже и не огромныя денежныя средства. По этому нельзя не выразить глубокой благодарности постоянному и чуть-ли не единственному попечителю о внѣшнихъ нуждахъ Миссіи, въ Москвѣ, ревностному сотруднику и корреспонденту, Спиридоньевской Церкви священнику о. Николаю *Лаврову*. Онъ хоть нѣсколько знакомилъ съ Миссіею печатая изрѣдка выписки изъ извѣстій получаемыхъ отъ ея начальника и Миссіонеровъ; онъ ходатайствовалъ о ихъ нуждахъ; призывалъ благочестивыхъ дателей къ пособіямъ и сообщалъ Миссіи сборы эти, совершая все, какъ подобаетъ дѣлу святому, спокойно, скромно, безъ шума.—По словамъ о. Ландышева, приношенія эти доходили отъ 400—иногда и до свыше 3,000 р. въ годъ, наибольшею частью едва-ли не чрезъ руки одного о. Николая *Лаврова*.

---

*) По ходатайству бывшаго здѣсь въ прошедшемъ году начальника Миссіи о. протоіерея Ландышева, Св. Сvнодъ продолжилъ отпускъ этой суммы еще на одинъ годъ.

Кто же изъ истинно-православныхъ, ознакомясь со всѣмъ изложеннымъ, не воздастъ въ сердцѣ своемъ искренняго и радостнаго благодаренія труженникамъ - Миссіонерамъ Алтайскимъ, (и ихъ сотрудникамъ) терпѣливо, безвѣстно, совершающимъ въ горахъ, по среди дикой природы и такихъ же людей, великое дѣло самаго благороднаго и высокаго призванія?— Господь Богъ наградитъ ихъ Самъ за истинное посвященіе всей жизни, за истинное, полное пожертвованіе собою дѣлу, на которое мы не обращаемъ даже и вниманія; за истинную, Евангельскую любовь къ ближнимъ,—этотъ антиподъ неправославной гуманности; за насажденіе плодотворныхъ сѣмянъ истиннаго христіанскаго преспѣянія,—этотъ антидопъ лживаго прогресса?

II.

Представивъ сколь можно полный, во всѣхъ отношеніяхъ, обзоръ того, что относится до Алтайской Духовной Миссіи нашей, мы, — съ своей стороны, считая предметъ сей чрезвычайно важнымъ, и, какъ уже не разъ выразились, въ высшей степени обязательнымъ для православнаго государства нашего,—хотѣли дать, тѣмъ которые могутъ быть одного съ нами въ этомъ отношеніи мнѣнія, возможность судить о немъ не по слухамъ и толкамъ, а по фактамъ. Тѣмъ которые не имѣютъ о дѣлѣ этомъ ни какого понятія или же имѣютъ понятіе самое неопредѣленное и неясное, мы предложили возможность близко ознакомиться съ нимъ, если они желаютъ;— наконецъ намъ хотѣлось обратить и общее вниманіе, привлечь и общее участіе соотечественниковъ нашихъ къ вопросу духовно,—государственно,—гражданственно полезному, разрѣшающемуся въ дали, въ тишинѣ, смиренно, безъ трубныхъ гласовъ, безъ рекламъ, безъ требованій и фанфаронства, вмѣшивающагося нынѣ даже и въ самыя добрыя начинанія;—къ вопросу, увы!—можетъ быть именно по этимъ-то добрымъ качествамъ, не обращающему на себя того вниманія, которое онъ заслуживаетъ.

Скромный сборникъ этотъ былъ бы не полонъ, какъ матеріалъ, еслибъ мы не остановились особенно на послѣдней эпохѣ существованія Миссіи, повидимому необходимо долженствующей быть началомъ важныхъ измѣненій въ судьбѣ какъ Алтайской, такъ, быть можетъ, и другихъ духовныхъ нашихъ Миссій;—что давно пора и чего нельзя не желать.

Эпоху эту мы опредѣляемъ послѣдними шестью годами, т. е. именно тѣмъ временемъ, въ которое Св. Сѵнодъ увеличилъ въ семь разъ, (на 7 лѣтъ), ежегодный отпускъ суммы на содержаніе и потребности Миссіи (съ 571 р.—на 4,000 р.), и въ которое, по приведенному выше свѣдѣнію, дѣятельность Миссіи особенно оживилась. Весьма понятно, что самая рѣзкость различія между прежнимъ, долговременнымъ бюджетомъ въ 570 р. и новымъ, временнымъ, въ 4,000 р., какъ и данная симъ послѣднимъ возможность дѣйствовать шире,болѣе или иначе, были причиною того, что именно съ этого времени начали заявляться въ Миссіи и въ гражданствѣ страны, принимавшемъ въ ней участіе, нѣкоторыя требованія, сужденія, предложенія перемѣнъ, дополненій и т. д.; словомъ обнаружилось какое-то движеніе, котораго прежде не было. Мирныя этого рода движенія, свидѣтельствующія объ участіи, всегда, во всемъ могутъ и должны весть лишь къ добру, если направляющіе ихъ руководятся чистою совѣстью, желаніемъ пользы общей, а не тѣснымъ личнымъ интересомъ.

Въ 1859 году прибылъ въ С. П. Бургъ, едва-ли не впервые, одинъ изъ Миссіонеровъ Алтайской Духовной Миссіи, о. іеромонахъ *Іоаннъ*, съ товарищемъ *Михаиломъ Невскимъ*, (нынѣ уважаемымъ Миссіон. іером. *Макаріемъ*).—Въ высшемъ кругѣ, въ обществѣ столичномъ дворянскомъ и купеческомъ, никто почти о Миссіи этой ни когда не слыхахъ; въ полумилліонномъ населеніи кое какія единицы можетъ быть когда-то слышали это названіе и, по общему смыслу, составили себѣ какое нибудь понятіе о томъ, къ чему оно относится. Маленькія въ нѣсколько страницъ книжечки, по одной въ годъ, съ—«нѣкоторыми свѣдѣніями и извлеченіями изъ писемъ,»—печа-

таемыя въ Москвѣ, являлись въ Петербургѣ кое у кого случайно; духовные же журналы, въ которыхъ помѣщались эти свѣдѣнія, въ рестораны и кафе, какъ само собою разумѣется, не входятъ, а въ кабинетахъ, салонахъ и даже молельняхъ столичныхъ домовъ правъ гражданства еще не получили. — Кто же у насъ могъ знать что либо истинное о Миссіи Алтайской? — Пріѣздъ о. *Іоанна* былъ для нея весьма важенъ, не въ денежномъ отношеніи,—денегъ отъ сюда онъ, вѣроятно, самъ вывезъ весьма не много,—о. *Іоаннъ* необладалъ и *талантами* совершенно - необходимыми въ нынѣшнее время хорошему сборщику; но онъ былъ полезенъ какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ, гораздо болѣе основательномъ отношеніи, хотя плоды пользы, которую онъ принесъ, казались тогда не такъ осязательны какъ получаемыя деньги. Миссіонеръ этотъ, человѣкъ очень умный, чрезвычайно—тихій, скромный, горячій къ дѣлу, которому онъ посвятилъ свою жизнь и которое любилъ и зналъ близко во всѣхъ отношеніяхъ,—разумно передалъ весьма точныя понятія о Миссіи,—ея поприщѣ,—трудѣ, — отношеніяхъ,—состояніи,—нуждахъ,—окружающихъ ее обстоятельствахъ и пр., во многихъ весьма высокихъ домахъ, многимъ вліятельнымъ людямъ и высшему начальству Духовному и Гражданскому. — Утверждаемъ положительно, что о. *Іоанну* Миссія обязана вполнѣ *первымъ* съ нею знакомствомъ С. П. Бурга.—Обращеніе Сибирскихъ идолопоклонниковъ конечно не перестройка театровъ, не воксалъ съ новыми утѣшеніями, не какой либо изъ—«предметовъ неотлагательной, жизненной потребности, (какъ обыкновенно печатаютъ наши *публицисты*);» — безъ удовлетворенія которой, для блаженнаго разсѣянія, цивилизаціи и усладъ обитателей столицы, они исчахнутъ отъ тоски или впадутъ въ невѣжество, — для этого всегда найдется гдѣ нибудь милліонъ или около; — обращеніе идолопоклонниковъ, для сбора суммы, хоть во сто разъ меньшей можетъ конечно обождать вѣка полтора,—два; — но все же Петербургъ узналъ о Миссіи,—и слава Богу.

Представивъ множество фактовъ изъ практики миссіонерска-

го дѣла на Алтаѣ, о. *Іоаннъ* успѣлъ доказать, что оно постоянно стѣсняется въ развитіи и затрудняется такъ сказать на каждомъ шагѣ, не отъ природы лишь и условій мѣстныхъ, съ которыми бороться можно и должно, но отъ другихъ причинъ, характеръ дѣйствій которыхъ, въ отношеніи какъ къ самой Миссіи такъ и къ инородцамъ, далеко не тотъ, который требовался бы истинною пользою и важностью дѣла.—Во всѣхъ вопросахъ и обстоятельствахъ, которые касаются прямо Миссіи, почти всегда заявляется нескончаемое пререканіе и противоборство усиливающееся какъ-бы выразить, предъ краемъ и инородцами, желаніе и стремленіе выказывать Миссію и смотрѣть на нее, не какъ на первую содѣйствовательницу правительству въ дѣлѣ самомъ святомъ и слѣдовательно считаемомъ не только важнымъ, но важнѣйшимъ, а напротивъ того какъ на вѣдомство ничего не значущее, подчиненное во всѣхъ своихъ движеніяхъ и безпрерывно якобы старающееся только выступать изъ повиновенія;—слѣдовательно вѣдомство, которое надобно воздерживать безпрестанно, всѣми возможными прямыми, косвенными, крупными и мелкими способами, чтобъ оно не выходило изъ своей колеи.—Дѣло извѣстное, такъ учитъ Европа въ отношеніи къ всему духовному.—Такъ почти всегда и дѣлалось при каждомъ удобномъ случаѣ;—это въ высшей степени важно. Понятно что ни въ духѣ, ни въ буквѣ законовъ не возможно найти опоръ для подкрѣпленія ими такого характера разумѣнія и дѣйствій; что онъ весь коренится и разростается изъ мѣстныхъ мѣръ такъ называемыхъ административныхъ, которыя истекаютъ изъ личныхъ воззрѣній, вѣры, расположенія или нерасположенія чувствъ,—и что, стало—быть, только внушенія верховною властью чрезъ начальства высшія, гражданскому управленію, того характера воззрѣній и отношеній, которыя воистину разумны и полезны, могутъ дать дѣлу Миссіи необходимый ходъ и успѣхъ, къ которому она постоянно призывается и естественное развитіе котораго было-бы чрезвычайно широко и быстро, еслибъ не задерживалось этими препятствіями.—Истина эта, уже сама по себѣ очевидная,

подкрѣплялась неоспоримо тѣмъ доказательствомъ, что дѣло Миссіи всегда шло туже или легче, шире или тѣснѣе, зависимо отъ бо̀льшаго или ме́ньшаго личнаго расположенія къ нему начальства въ краѣ, отъ его участія, сочувствія,—вѣры.

За этимъ капитальнымъ, и включающимъ въ себѣ все прочее, фактомъ, уважаемый Миссіоперъ приводилъ частные, изъ которыхъ, нѣкоторые уже измѣнились теперь къ лучшему.— Перечислить однако же хоть главные не мѣшаетъ;—мы желаемъ что бы незнакомые съ дѣломъ въ прошедшемъ, могли ознакомиться съ нимъ вполнѣ и для будущаго *).

— Передвиженія Миссіонеровъ должны быть часты; они отдаленны, трудны; пространства широки, разстоянія значительны, характеръ мѣстностей совершенно особенный, а случаи почти всегда экстренны; пропустить время значитъ не сдѣлать ничего.—Миссія не всегда имѣла необходимые бланки, тогда какъ въ этомъ отношеніи, которымъ всякое дѣйствіе можетъ быть затруднено съ перваго шага, ни какія противорѣчія не могутъ быть разумно принимаемы; потому, во первыхъ, что неестественно и невозможно чтобъ 8—10 чел. Миссіонеровъ захотѣли и могли пользоваться симъ во вредъ всему краю; во вторыхъ,—и это главное,—что при подобномъ, столь явно открытомъ недовѣріи, оказываемомъ Миссіи, какое же довѣріе могутъ къ ней имѣть народъ и инородцы?

— Само собою понимается, и тысячью примѣровъ доказано, что при переходѣ въ православіе тѣхъ, чье сердце Господь открылъ для спасительной рѣшимости этой, родственники ихъ и ближайшіе одноплеменники противятся, тѣмъ съ большею упорностью, чѣмъ сильнѣе съ другой стороны желаніе, и препятствуютъ всѣми доступными имъ способами, доходя до самыхъ крайнихъ.—Въ этихъ-то именно случаяхъ, желалось-бы, чтобы власть гражданская высказывала настоящее значеніе свое, какъ и значеніе Миссіи въ государствѣ Православномъ. Она должна бы была давать Миссіи полную вѣру, не смотрѣть на

*) Мы не забываемъ что принялись за неважный этотъ трудъ именно съ цѣлію посвятить его основателямъ Миссіонерскаго Общества;—ему нужно знать все.

нее какъ на какое либо враждебное или заподозрѣваемое учрежденіе; должна съ всевозможною дѣятельностью помогать осѣдлымъ водвореніямъ, а не обращать тотчасъ придирчиваго, если такъ можно выразиться, вниманія на пустыя жалобы идолопоклонниковъ, предпочитая ихъ и свободному движенію крестящагося и доводамъ и свидѣтельствамъ Миссіонеровъ, обязанныхъ страшными обѣтами монашества и священства. Можно-ли ставить тутъ, выше ихъ, инородца язычника, закоренѣлаго въ шаманствѣ и силящагося, съ свойственною ему дикостью, отвратить отъ Св. Крещенія всякаго желающаго просвѣтиться Христовой Вѣрой?—Нежелающихъ не крестятъ, и потому уже, что это *просто невозможно;*—такая возможность существуетъ только развѣ въ кабинетномъ воображеніи человѣка рѣшительно не имѣющаго ни какого понятія ни о Миссіи, ни о странѣ, ни объ инородцахъ. — Прямо дѣло гражданской власти, въ пособіе Миссіи,—чрезъ обращенія вводящей идолопоклонниковъ въ христіанскую гражданственность, для развитія дѣятельныхъ силъ государства столь полезную,—есть—строго воздерживать необузданныхъ, несомнѣнно всячески смущаемыхъ духомъ зла. Но, къ сожалѣнію, не рѣдко совершалось, съ особенною настойчивостью, рѣшительно противоположное; на самыя пустѣйшія дрязги и грубѣйшія, свидѣтельства злобы и скотственнаго невѣжества обращалось особенное вниманіе, и придавалось имъ значеніе важнаго дѣла.

— Видя благопріятныя слѣдствія своихъ происковъ, т. е. убѣдясь что ближайшая мѣстная власть всегда болѣе склонна слушать ихъ, нежели Миссію, некрещенные, чѣмъ они грубѣе и закоренѣлѣе въ шаманствѣ, тѣмъ съ большими угрозами и яростію; силою удерживаютъ и препятствуютъ желающимъ принимать Св. Крещеніе; изложенный выше характеръ дѣйствій ближайшихъ властей, очевидно поощряетъ ихъ къ этому. Если же въ слѣдствіе неотступныхъ представленій и настоятельныхъ просьбъ Миссіи, ей оказывалось какое либо по тому или другому предмету содѣйствіе, то, къ сожалѣнію, и это наибольшею частію ограничивалось наружною формой, н. пр.

посылкою инородцамъ бумаги, которую они не уважаютъ и которой у нихъ рѣшительно ни кто прочесть и понять не можетъ.

— Извѣстно что и между новокрещенными возникаютъ иногда разнаго рода пререканія и дѣла по ихъ быту; но понятно ли и возможно-ли, чтобъ правительство въ разрѣшеніе этихъ случаевъ допускало и призывало власть некрещенныхъ башлыковъ и Зайсановъ? Такое дѣйствіе, не только прямо вызванное, но хотя бы пропущенное гражданскою властію безъ особеннаго вниманія, есть уже заявленіе передъ инородцами, что крещеные лишены самаго прямаго покровительства, гарантіи правъ и преимуществъ ихъ новаго состоянія, на вниманіе относительно всего, что они необходимо должны принять съ духовнымъ перерожденіемъ ихъ, для новой гражданской жизни.

— Благоустроеніе быта сельскаго и общественнаго, дающихъ поводы такъ сказать обыденные и къ объясненію, и къ наученію и къ направленію,—по дѣламъ внѣшняго поведенія, по поведенію нравственному, общественному и семейному,—суть самые прямые случаи для Миссіи, дѣятельнымъ и близкимъ участіемъ имѣть на инородцевъ благодатное вліяніе. Но именно это и воспрещается Миссіонерамъ или пререкается постоянно, подъ тѣмъ общимъ предлогомъ, весьма удобно прилагаемымъ къ чему угодно, что—«это не относится къ прямой цѣли Миссіи, и что она не должна ни какъ мѣшаться *не въ свое дѣло*.»

—Нужно знать что по всѣмъ подобнымъ случаямъ законъ стародавняго обычая между инородцами заключается въ рѣшеніи возникшаго дѣла, вопроса и затрудненія третейскимъ судомъ или избраніемъ посредника; а инородцы такъ уважаютъ правоту Миссіонеровъ, что вмѣсто своихъ старшинъ или рѣшителей преимущественно избираютъ Миссіонеровъ. Возможно-ли же, чтобъ этотъ знакъ уваженія и довѣрія некрещенныхъ къ служителямъ Церкви христовой, залогъ будущаго просвѣщенія ихъ истинною Вѣрой, былъ, въ ихъ глазахъ и мнѣ-

нія, обращаемъ нашимъ русскимъ мѣстнымъ начальствомъ, будто-бы въ происки Миссіонеровъ, въ вмѣшательство ихъ не въ свое дѣло?—Вотъ нѣкоторые изъ многихъ предметовъ, въ которыхъ мѣстное начальство гражданское или несодѣйствовало Миссіи или же увѣряло, что она мѣшается не въ свое, а въ его дѣло. Напротивъ того есть много другихъ обстоятельствъ, составляющихъ уже прямо дѣло гражданскаго начальства, въ которыхъ опять не являлось съ его стороны никакого содѣйствія и дѣйствія полезнаго и необходимаго.

— Такъ н. пр. льготы по сбору податей съ новокрещенныхъ, вмѣсто немедленнаго дарованія ихъ,—что крайнѣйшимъ образомъ легко и не представляетъ никакой трудности въ распоряженіяхъ,—затягивались не рѣдко, не годы лишъ, а цѣлые десятки лѣтъ. Нѣкоторые умирали прежде полученія льготы и наибо́льшая часть лишается въ самое трудное, первое время, этого необходимѣйшаго пособія, составляющаго для бѣдныхъ преимущество весьма важное; не говоря уже о томъ что оно есть награда за рѣшимость, вопреки всѣхъ окружающихъ противоборствъ.—Что крестятся не для этого собственно, доказывается ясно фактомъ, на который мы указываемъ и который однакоже не уменьшаетъ числа крестящихся.

— Между новокрещенными необходимо водворять православныхъ крестьянъ, по внимательномъ выборѣ, т. е. честныхъ, трудолюбивыхъ, извѣстныхъ Миссіи, и по ея согласію. Къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ иначе; такъ какъ говорятъ что—«это не дѣло Миссіи»,—то наибо́льшею частію, для своихъ выгодъ и невыгоды новокрещенныхъ, между нихъ пробираются, происками, подарками и т. п. пройдохи и обманщики; а если Миссія заикнется, ей опять говорятъ:—не мѣшайтесь не въ свое дѣло.

—Русскимъ продавцамъ невозбранно обижать и обирать иновѣрцевъ обратилось въ привычку при продажахъ и покупкахъ. Очевидно, что Миссія тутъ не можетъ уже имѣть никакого вліянія, предметъ этотъ вполнѣ относится къ власти гражданской;—инородцы никогда не могли добиться отъ нея ни защи-

ты, ни вниманія къ дѣлу. Раззоряющимъ ихъ не дорого стоитъ подѣлиться; способъ торговли простъ, русскій продаетъ обыкновенно н. пр. пять пудовъ чего либо стоящаго по 10—15 к. пудъ, за пять же пудовъ чего либо стоющаго по 40—50 коп.—На всякое представленіе Миссіи отвѣтъ одинъ и тотъ-же:—да это не ваше дѣло!.—А было бы такъ же легко какъ настоятельно-необходимо, имѣть свои магазины, изъ которыхъ хлѣбъ, соль, всѣ первыя потребности, могли-бы получаться по справочной цѣнѣ, съ нѣкоторою прибавкою въ выгоду казны; тоже можно бы было сказать и въ отношеніи къ предметамъ одежды и крестьянскихъ принадлежностей. Вотъ заботливость, въ которой могли бы выказаться истинно-благое попеченіе мѣстнаго начальства о новокрещенныхъ, истинно-христіанская внимательность къ нуждамъ этихъ новыхъ, бѣдныхъ братій нашихъ.

—Кабаки и выставки слѣдовало-бы удалять, воспрещать; напротивъ, ввозъ вина постоянно увеличивается, заведенія размножаются. Такимъ образомъ одною рукой, мы тянемъ къ Вѣрѣ Христовой, къ нравственности, къ добру, другою же изъ всей силы тащимъ въ развратъ и пьянство, отъ которыхъ начинаются и развиваются всѣ страсти и пороки.—Но это опять дѣло интереса сильнѣйшаго голоса Вѣры.—Довольно и этихъ указаній.

Относительно недостатковъ внутренняго строя Миссіи, которыми усиливаются эти внѣшнія, неблагопріятныя для ея успѣховъ обстоятельства, особенно замѣчательны въ числѣ объясненныхъ о. *Іоанномъ* слѣдующіе:

Всѣ Миссіонеры живутъ порознь, что почти и необходимо; но это не должно бы быть положеніемъ постояннымъ, на всегда неизмѣннымъ. Не рѣдко они не только не видятся, но и не сносятся по году; слѣдовательно не могутъ ни обоюдно поддерживать себя, ни сообщать другъ-другу что нужно. Весьма важная невыгода эта можетъ и должна быть отстранена, какъ будетъ тотчасъ сказано, учрежденіемъ вообще для Миссіи весьма важнымъ.—Для Миссіонеровъ человѣчески необхо-

димо центральное мѣсто для успокоенія, утѣшенія ихъ; для отдохновенія по временамъ отъ утомительныхъ трудовъ, для поправленія отъ болѣзней, которыя при ихъ трудахъ неизбѣжны;—для того наконецъ чтобъ подъ часъ найти участіе, раздѣленіе мыслей, возможность сообщить мнѣнія, наблюденія, передать о нуждахъ, получить совѣтъ.—Какое же мѣсто или учрежденіе можетъ быть лучше монастыря для Миссіи?—Незабвенный основатель ея, о. Арх. Макарій, уже писалъ объ этой будущей необходимости; о. *Іоаннъ* первый заявилъ здѣсь эту мысль гласно и письменно;—какъ тамъ, какъ и въ Петербургѣ она была встрѣчена съ сочувствіемъ.—Всѣ поняли что устроеніе въ Алтайскихъ горахъ монастыря, какъ центральнаго пункта Миссіонерства, оправдывается здравымъ разумомъ и доводами подкрѣпляющими истинную и многостороннюю пользу такого учрежденія для успѣховъ самой Миссіи.—Общежительный монастырь съ древнимъ уставомъ, чиномъ пѣнія и ежедневнаго служенія, не можетъ не имѣть вліянія,—это положительно доказано тысячью историческихъ примѣровъ. Монастырь этотъ долженъ служить пріютомъ и вмѣстѣ разсадникомъ и училищемъ Миссіонеровъ; въ основу его нужно вызвать нѣсколько опытныхъ монаховъ изъ благоустроенныхъ обителей; принимать въ него должно истинно желающихъ посвятить себя труду проповѣди Евангельской, особенно же изъ новокрещенныхъ, одаряемыхъ богато благодатію живой, твердой Вѣры.—На раскольниковъ,—что тоже доказано живыми примѣрами,—монастырь будетъ дѣйствовать благопріятно, а ихъ въ странѣ множество, едва-ли не всѣ люди заводскаго вѣдомства, занимающіе обширнѣйшую и наилучшую по ея удобствамъ часть губерніи, преимущественно въ горахъ и около горъ; тутъ же разселились съ трехъ сторонъ раскольники самые закоренѣлые; они одинаково вредно дѣйствуютъ и на православныхъ и на язычниковъ.—Дознано повсемѣстно, съ древнѣйшихъ временъ и по нынѣ, что состояніе, обѣты, жизнь монаха—несравненно приличнѣе и способнѣе бѣлаго духовенства къ трудамъ Евангельской проповѣди, особенно въ стра-

нахъ пустынныхъ и дикихъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ жизни. Отъ человѣка семейнаго, привыкшаго жить не бездомно, въ бытѣ и обстановкѣ все же гораздо болѣе достаточныхъ, нежели монашескіе,—гдѣ весь скарбъ и имущество помѣщаются въ перекидную суму, — требовать безпрестанныхъ разлукъ съ семействомъ, самоотверженія, лишеній, трудовъ, съ ежедневно-угрожающею смертною опасностью,—было бы прямо не справедливо. Что говорятъ о пользѣ женъ и семействъ бѣлаго духовенства для семейныхъ и обращаемыхъ, — совершенно вѣрно; въ свое время, т. е. между людьми уже обращенными, сгруппировавшимися въ поселки и селенія, бѣлое духовенство съ семействами своими дѣлается необходимѣе монаховъ; вотъ настоящее поприще его, почетное и великое.—При Миссіонерскомъ монастырѣ этомъ должны быть начатки всякаго полезнаго обученія, неисключая и необходимѣйшихъ по тамошнему быту и условіямъ ремеслъ и хозяйственныхъ занятій образцевыхъ, по огородничеству и т. п.—Настоятелемъ долженъ быть Архимандритъ и даже еще высшее лице, которое вмѣстѣ съ обителью направляло-бы дѣло и всей Миссіи, твердою рукою и волею.

Мѣстный архіерей находилъ эту мысль благотворною;—Гражданское начальство не могло не согласиться съ ея пользою;—Горное Вѣдомство заявляло что осуществленіе ея,—какъ способствующее усиленію распространенія христіанства, которое есть вѣрнѣйшее средство настоятельно требуемаго для пользъ края просвѣщенія инородцевъ,—весьма желательно.—Наибольшей части благорасположенныхъ гражданъ она тоже полюбилась.—Даже и ярые *нелюбители размноженія* будто бы въ Россіи монастырей, не могли не согласиться, что только при одномъ монастырѣ въ огромной Томской губерніи, и при весьма мало-замѣтномъ во всѣхъ сословіяхъ увлеченіи къ монашеской жизни, трудно опасаться, чтобъ этотъ, монастырь, такъ сказать съ спеціальною цѣлью въ горахъ учрежденный, обратилъ всѣхъ Алтайцевъ въ монаховъ—аскетовъ, какъ извѣстно,—по

газетной мудрости,—непремѣнно тунеядцевъ и ни къ чему не нужныхъ.

Св. Сунодъ, въ существѣ раздѣляя мнѣніе о необходимости монастыря, желалъ имѣть отъ Томскаго Епархіальнаго Начальства свѣдѣнія,—объ избраніи мѣста;—о сношеніяхъ съ тѣмъ, кто и на какихъ основаніяхъ можетъ назначить его и какія могутъ быть даны угодья;—хотѣлъ видѣть планъ, проэктъ штата и пр. Исполнительнаго донесенія, не смотря на повтореніе требованія, не поступало въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ; не менѣе того дѣло зародилось, началось, огласилось. Завелись въ странѣ толки, обозначились и партіи поборниковъ и противниковъ, способствующихъ и препятствующихъ, какъ всегда, вездѣ, вовсемъ было, есть и будетъ.—Разумѣется что дѣло благое и Богу угодное никогда не зависило отъ всего этого, а совершало свой ходъ по Его волѣ, вопреки всѣхъ преградъ.

Пока такимъ образомъ медленность оффиціальнаго порядка,—недоставленіе по неизвѣстнымъ причинамъ, требуемыхъ высшимъ Духов. начальствомъ свѣдѣній,—разныя соображенія,—неохота одихъ, помѣхи со стороны другихъ и пр. и пр., затягивали разрѣшеніе, въ ящикъ очевидно безконечно долгій,—вотъ что *«случилось,»*—какъ выразились бы тѣ, которые признаютъ еще существованіе *слѣпаго случая* совмѣстнымъ съ существованіемъ провѣдѣнія,—отъ мала до велика попускающаго и направляющаго все въ дѣлахъ міра, особенно же въ дѣлахъ духовныхъ.

Одинъ изъ граждань того края, Барнаульскій 2-й гил. купецъ, Аѳ. Гр. *Мальковъ,* сдѣлавшись безсемейнымъ, началъ заниматься мыслію: не оставить-ли полно торговыя дѣла и не измѣнить-ли строй и образъ своей жизни?—О Миссіи онъ слыхалъ какъ о какомъ-то учрежденіи, которое воображалъ себѣ богадѣльнею, обителью, училищемъ, чѣмъ либо подобнымъ; но на мѣстѣ ея дѣйствій никогда не бывалъ, хоть жилъ и не весьма далеко, а о самыхъ дѣйствіяхъ никакого яснаго понятія не заботился себѣ составить. Получивъ изъ Москвы копію съ извѣстной чудотворной иконы *Божіей Матери—Споруч-*

ницы,—(замѣтьте, съ какого ручательства «*случилось*» начаться развязкѣ дѣла?),—онъ вознамѣрился доставить самъ въ Миссію икону эту, чтобъ въ то же время узнать что такое Миссія?—Мальковъ поѣхалъ въ Улалу (глав. мѣсто Миссіи), въ самомъ концѣ 1860 года; онъ остановился тамъ у инородца, Карпа Еремеева *Параева*, работникъ котораго былъ первый язычникъ окрещенный о. Арх. *Макаріемъ*. На вопросъ тогда основателя Миссіи,—зачѣмъ Параевъ не окрестилъ работника у себя, т. е. въ Бійскѣ?—онъ отвѣчалъ,—«а какъ же было мнѣ не везть его сюда? меньше десяти рублей тамъ крестить не соглашались; у меня денегъ такихъ нѣтъ, не оставить же человѣка безъ крещенія;—вотъ я и привезъ.»—Миссіонеръ о. *Акакій* на проѣздѣ по миссіонерскимъ дѣламъ, провелъ эту ночь съ Мальковымъ тоже у *Параева*.—Вотъ первое знакомство Малькова съ Миссіею.—Разговоръ открылъ ему всю ея сущность, положеніе, желанія, необходимости и надежды. Заинтерисовался дѣломъ человѣкъ не имѣвшій о немъ никакого понятія; рѣчь склонилась къ монастырю,—онъ необходимъ, его ждутъ, желаютъ; о. *Іоаннъ* привезъ изъ Петербурга вѣсть что монастырь будетъ, что и тамъ сознаютъ его пользу; онъ привезъ даже и иконостасъ пожалованный Императрицею, оказавшею милостивое вниманіе. Св. Сѵнодъ спрашивалъ уже Архіерея.—Но что же все это, когда никто не хлопочетъ, не настаиваетъ, не заботится. Я (Акакій) не уполномоченъ, занятъ своимъ дѣломъ; о. *Іоаннъ* занятъ своимъ, въ *Чемалѣ*, за 80 верстъ;—другіе обременены; посторонимъ съ чего ввязываться въ трудное ходатайство?... Извѣстно: дитя не плачетъ мамка неразумѣетъ!.. «Что прикажетъ Богъ, то и будетъ!... Вѣрятъ всѣ что монастырь устроится, потому что о. Арх. *Макарій* не только утверждалъ что обитель будетъ, но и назначилъ ей мѣсто, на Телецкомъ озерѣ...» Это запало въ сердце Малькова.

Утромъ, посѣщеніе Улалинской Церкви,—устроенной еще попеченіемъ о. Арх. Макарія,—открыло Малькову чрезвычайную бѣдность ея. Все истлѣло, развалилось; лики почернѣвшихъ иконъ были непознаваемы; обстановка свидѣтельствова-

ла о совершенномъ недостаткѣ средствъ первой Церкви Миссіи въ главномъ ея мѣстѣ.—Не менѣе того нищая эта Церковь была богата открыто-заявлявшеюся вѣрою прихожанъ; она была, какъ говорятъ, «набита биткомъ» инородцами; на право—мужчины Калмыки, на лѣво—женщины, впереди—дѣти; весь этотъ приходъ молится съ благочестіемъ истинно-отраднымъ; весь, тихо и довольно стройно пѣлъ всю службу по русски, а—«Вѣрую и Отче нашъ,»—по калмыцки.—Мальковъ былъ тронутъ этою неожиданностію, до глубины сердца!—Бѣдность всего, крайняя простота, усердіе молитвы, внимательность, пѣніе, вздохи, слезы,.... это наводило его на помыслы для него новые.—Господи! сколько сотенъ-тысячь высылаются изъ православной Россіи,—не говорю на тщеславные уборы и игрушки,—а по благочестію и Вѣрѣ, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, въ Грецію, Болгарію? сколько у насъ жертвуется ежегодно на драгоцѣнныя одежды престоловъ, на ризы иконъ, на вещи изъ золота, серебра, осыпанныя камнями, хранимыя въ сокровищницахъ? И вотъ, въ тридцать пять лѣтъ, со дня открытія здѣсь правильнаго Миссіонерства для обращенія душъ изъ вѣчной гибели, къ спасенію, къ Богу,—вотъ все, что въ тридцать пять лѣтъ, мы могли сдѣлать для первой Церкви Алтайской Миссіи!?... Возможно-ли, чтобъ никто не понималъ, что еслибъ собрать и всѣ сокровища, и всѣ церковныя украшенія, нами у себя и на Востокѣ устроенныя, то предъ милосердіемъ преблагаго Господа они не стоили-бы малаго приношенія, цѣною котораго можно спасти хотя одну лишнюю душу изъ сотень-тысячь душъ этихъ дикарей, ждущихъ отъ насъ спасенія?... Отъ чего же сюда ни кто не шлетъ своихъ даровъ?—Или молитва этихъ новообращенныхъ, объ отшедшихъ и живущихъ благотворителяхъ, будетъ менѣе доступна къ Богу, менѣе горяча, чиста, дѣйствена?..... Это невозможно!..... Мальковъ увидѣлъ себя не только въ новомъ мірѣ мысли, но и въ новомъ мірѣ существенности; храмъ, теплота, простота молитвы прихожанъ, самыя лица ихъ,—все было для него непривычное, иное! Онъ пришелъ къ начальнику Миссіи, о.

прот. *Ландышеву*, совершенно разстроенный или, вѣрнѣе сказать, настроенный.

Изъ разговора съ начальникомъ Миссіи посѣтитель узналъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ монастырь учредить желаютъ;—что Преосвященному доставлены свѣдѣнія, которыхъ онъ требовалъ и указано на семь мѣстъ.—Въ числѣ ихъ и на Телецкое озеро?—спросилъ Мальковъ.—Нѣтъ.—А почему-же? — Преосвященный былъ на немъ, онъ самъ знаетъ это мѣсто, что же указывать на него.—Говорено было и о женской Общинѣ, о необходимости учрежденія которой, въ пособіе Миссіи, дальновидный основатель ея, о. *Макарій*, тоже говорилъ въ своихъ письмахъ, и польза которой была очевидною. Согласные по существу въ томъ и другомъ, начальникъ и Мальковъ, по желанію послѣдняго, слѣдуя обычаю между благочестивыми людьми изъ стари существующему,—при затрудненіяхъ неразрѣшаемыхъ собственными соображеніями, съ полною вѣрою слушаться указанія свыше,—прибѣгли къ усердному молитвенному правилу съ положеніемъ жеребіевъ съ именами *Улалы*, *Чамала и Телецкаго озера*, чтобъ узнать, сперва, какое изъ этихъ мѣстъ предпочесть для основанія Общины.—Два раза сряду жребій указывалъ *Улалу*. Такимъ образомъ было рѣшено: здѣсь основать женскую Общину, если Богъ благословитъ дѣло, и оставить тутъ, въ Св. залогъ, привезенную икону— Споручницы, къ которой жители всего селенія, съ самаго пріѣзда Малькова уже прибѣгали съ молитвами и горячими слезами.—На другое утро икона эта, встрѣченная крестомъ и хоругвями, была внесена въ Церковь, гдѣ отслуженъ молебенъ, при стеченіи, въ храмъ и вокругъ него, всего Улалинскаго населенія, торжествовавшаго съ чрезвычайною радостію день этотъ.

Мальковъ отправился въ Бійскъ, гдѣ отыскалъ о. *Іоанна*, съ его товарищемъ *Михаиломъ*. Оба Миссіонеры эти, бывшіе вмѣстѣ въ Петербургѣ, передали посѣтителю подробности о сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена высшими духовными и гражданскими лицами въ столицѣ мысль основанія

на Алтаѣ женской Общины и мужскаго Миссіонерскаго монастыря.— «При первомъ представленіи она несомнѣнно будетъ утверждена;—необходимость монастыря для всѣхъ очевидна.— Начала Общины уже тверды, потому что новокрещенныя женщины собрались, рѣшились, желаютъ посвятить себя вполнѣ жизни благочестивой и благотворительной; — граждане помогутъ дѣлу;—но есть и пререкатели, есть какое то, нерасположеніе, можетъ быть отъ насъ же, Миссіонеровъ идущее.— Мы же и слишкомъ заняты и далеки, — когда намъ? Чтобъ разъяснить, распутать все это, чтобъ живо взяться за дѣло,— собрать свѣдѣнія,—сблизить людей,—писать бумаги,—побуждать, ходатайствовать у начальства, какъ говорятъ *ходить* по дѣлу здѣсь, и тамъ за 4000 верстъ,—тратить на это время, труды, деньги, жизнь;—нуженъ человѣкъ, который бы добровольно рѣшился, зная впередъ что дѣло долгое и тяжелое и что кромѣ непріятностей всякаго рода выгодъ не получится!—Гдѣ же взять этого человѣка?.... Отъ Миссіи не ждите; куда ей ввязываться во что либо подобное?....»

Установилось въ посѣтителѣ какое то странное колебаніе; вспомнилъ онъ что извѣстная въ Томскѣ юродивая, Домна Карповна поговаривала ему что-то, прикровенно,—«будто падетъ на него какое-то дѣло, отъ котораго онъ не долженъ смѣть отказываться;» — дала ему свитокъ бумагъ и записку, говоря объ о. *Іоаннѣ*; а когда онъ ѣхалъ изъ Барнаула то повторяла:—«смотри, знай Бій, Бія!.. Будешь съ хозяйками богатыми;... билетъ тебѣ на три года!... Заставь-же за себя Бога молить! Богъ дастъ добро!... Записку не теряй.»—Пріѣхалъ на время и начальникъ Миссіи; на слѣдующій день усердно помолились у утрени, опять поговорили о дѣлѣ, о необходимости кому либо приняться за него.—Неужели мнѣ—думаетъ посѣтитель?—Но угодно-ли это будетъ Богу?... А мысль все не отстаетъ.—Дѣлаютъ жребіи, окропляютъ ихъ святою водой, кладутъ на престолъ, читаютъ акаѳистъ Божіей Матери, прилѣжно молятся, чтобъ Она благоволила Сама вразумить, чтобъ не попустила сдѣлать неполезнаго, противнаго волѣ Госпо-

да...... Жребій указываетъ: — «взяться за дѣло!»—Тогда, уже съ полною вѣрой къ призванію, Мальковъ даетъ обѣтъ: неотступать, употребить всѣ старанія, приложить всѣ возможныя ему труды и пожертвовать, по мѣрѣ способовъ, частію состоянія своего.—Сказано—и тотчасъ же положено начало; заготовлена памятная записка, Миссіон. *Михаиломъ*; — принята подписка отъ крещенныхъ Калмычекъ о томъ, что онѣ уже три года просятъ и желаютъ составить Общину;—собраны показанія.—Мальковъ уѣзжаетъ въ Барнаулъ и пишетъ отъ туда о всемъ новому Преосвященному.—Отвѣта нѣтъ.—Мальковъ спѣшитъ самъ отправиться въ Томскъ.—Вотъ какими, какъ говорятъ, — «*судьбами*» — (мы предпочитаемъ это выраженіе слову «*случаемъ*»), — досталось Малькову неожиданно сдѣлаться ходатаемъ, рачителемъ, побудителемъ, устроителемъ дѣла, на которое онъ видимо былъ назначенъ,—о чемъ свидѣтельствуютъ и воистину тяжелые, понесенные имъ труды и чрезвычайный успѣхъ, которымъ они увѣнчиваются,—съ неизмѣннымъ постоянствомъ.

Первыя убѣжденія ходатая пока не удавались.

Но когда Мальковъ передалъ въ письмѣ все и вручилъ бумаги, когда Преосвященный ознакомился съ запискою, составленною *Мих. Невскимъ*,—лучшимъ, по его словамъ, изъ его учениковъ,—онъ принялъ обстоятельство къ сердцу и обѣщалъ помогать.—Съ этой минуты дѣло, за которое взялся ходатай, стало единственнымъ дѣломъ его жизни, цѣлью всѣхъ его занятій. Онъ чувствовалъ что такъ быть должно, торопился, горѣлъ охотою заниматься только имъ.—Съ письмомъ отъ Преосвященнаго онъ поскакалъ опять въ Улалу.—«Точно, справедливо,—отвѣчалъ начальникъ Миссіи,—Общину находилъ необходимою основатель о. Макарій, женщины просятъ о ней уже три года, но не было случая, теперь онъ представляется, и Богъ можетъ устроить.»— Въ оффиціальной бумагѣ сестры выразили глубокое сожалѣніе свое—«о слѣпотѣ некрещенныхъ своихъ родственниковъ,»— желаніе употребить всю свою жизнь на способствованіе Миссіи въ ея трудахъ и просили

быть Малькову попечителемъ ихъ Общины;—а собраніе 27 старшинъ—отличныхъ людей, окрещенныхъ еще основателемъ Миссіи Арх. Макаріемъ,—въ приговорѣ своемъ, подъ самое помѣщеніе обязалось дать собственную землю, а для угодій указало на прекрасную землю, которую надлежало просить въ даръ Общинѣ. Снабженный всѣми необходимыми актами Мальковъ возвратился въ Томскъ гдѣ представилъ ихъ Архіерею, въ надеждѣ что теперь конецъ этому дѣлу близокъ.—Но дѣло съ сей минуты не двигалось впередъ.—Съ неменьшею горячностью онъ принялся за разъясненіе вопроса о Миссіонерскомъ монастырѣ; собиралъ справки, мнѣнія, узнавалъ причины расположенія за и противъ; запасался всѣмъ необходимымъ,—и въ 1861 году пустился въ далекій путь, въ Петербургъ.

Обрадованный участіемъ и милостивымъ вниманіемъ Московскаго Архипастыря, съ письмомъ отъ него къ г. Оберъ-Прокурору Св. Сѵнода, Мальковъ прибылъ въ С. П. Бургъ, гдѣ оба вопроса были встрѣчены такимъ же живымъ вниманіемъ и содѣйствіемъ Высшей Духовной власти и многихъ значительныхъ лицъ. Но не смотря на это, на неусыпныя хлопоты, на переѣзды изъ Петербурга въ Москву и обратно, на повторительное требованіе Св. Сѵнодомъ свѣдѣній,—изъ Томска, болѣе полутора лѣтъ, неполучалось никакого извѣстія!—Мальковъ отправился обратно въ Томскъ, и прибывъ на мѣсто дѣйствовалъ тамъ еще съ бо̀льшимъ жаромъ и настоятельностью.—Не щадя трудовъ и издержекъ въ 1863-мъ году онъ снова явился въ С. П. Бургъ, вооруженный на этотъ разъ уже болѣе нежели всѣмъ, чего Св. Сѵнодъ такъ долго ожидалъ отъ мѣстнаго Епархіальнаго Начальства.—Онъ привезъ благопріятное заявленіе Гражданскаго Начальства;—отзывъ начальства Горнаго, о чрезвычайной для края пользѣ намѣренія и о возможности отвесть подъ оба учрежденія избранныя мѣста;—свидѣтельство отъ Общества объ избраніи Малькова и довѣріи ему ходатайства;—обязательство его съ пожертвованіемъ имъ значительной суммы;—планы, фасады для будущихъ зданій;—извѣстіе о пожертвованіяхъ денежныхъ и матеріальныхъ,

какъ уже произведенныхъ, такъ и обѣщанныхъ благотворителями въ основаніе и поддержаніе предположенныхъ учрежденій и пр. и пр.. Съ этой минуты дѣло приняло другой ходъ.—Непосредственныя сношенія Кабинета Его Императорскаго Величества съ Горнымъ Вѣдомствомъ и Главнымъ Начальникомъ края,—дарованіе щедротами Монаршими 6400 дес. земли подъ женскую Общину и 3000 дес. подъ Миссіонерскій мужскій монастырь,—милостивое вниманіе обращенное Ея Величествомъ на эти столь истинно-полезныя начинанія,—вполнѣ благопріятное рѣшеніе Святѣйшаго Сѵнода о существованіи Общины и монастыря и утвержденіе ихъ Высочайшею властью,—увѣнчали успѣхомъ продолжительныя старанія по дѣлу очевидно прекрасному, но обставившемуся самыми странными затрудненіями.

Оставалось молить Бога объ указаніи лицъ въ начальствованіе какъ Общиною такъ и монастыремъ; предметъ важный для обоихъ учрежденій, особенно же для послѣдняго, — такъ какъ соединеніе начальствованія всею Миссіею съ начальствованіемъ новоучреждаемымъ монастыремъ, должно было имѣть стольже сильное сколь благодатное вліяніе на будущія судьбы ея.—И это затрудненіе вскорѣ разрѣшилось; опытная въ духовной жизни старица, Анастасія Семеновна, монахиня Ардатовскаго Покровскаго монастыря, рѣшилась ѣхать въ отдаленный Томскій край,—(послушница о. Серафима Саровскаго). Она была отвезена туда Мальковымъ, вступила въ начальство своей паствы, для которой все необходимое по маленьку изготовлялось, и теперь, подъ правильнымъ уже руководствомъ, Община дѣйствуетъ ревностно въ пособіе и довершеніе трудовъ Миссіи..... Мальковъ тотчасъ опять возратился въ Петербургъ.—Вскорѣ, къ общей радости, и другой, гораздо болѣе трудный вопросъ,—о будущемъ начальникѣ новаго монастыря,—казалось разрѣшался не менѣе благопріятно.

Такъ, прежде всего, воздавъ благодареніе Господу, совершителю всего, нельзя не принесть вполнѣ заслуженной благодарности частному человѣку, неотказавшемуся отъ неожидан-

наго призванія его къ этому дѣлу. Его горячему участію, трудамъ истинно-тяжелымъ, утомительнымъ путешествіямъ, пожертвованіямъ, неусыпной настойчивости и всегда христіански—разумному способу дѣйствій, обязано было оканчаніемъ дѣло, которое такъ долго сперва замирало въ зародышѣ, а потомъ задушалось въ пеленахъ оффиціальной заботливости.—Послѣдствія еще болѣе докажутъ, что судьбамъ Алтайской Миссіи, разрѣшеніемъ вопросовъ этихъ, положено начало будущности необходимо лучшей, и слѣдовательно для сотень-тысячъ душъ,—спасительной, для края и государства полезнѣйшей. Мальковъ оставался здѣсь, довершая столь успѣшно совершенное,—призывая къ дѣятельному участію и благотворному пособію сочувствующіе этого рода вопросомъ лица высшаго общества, православнаго гражданства и всегда готоваго на богоугодныя пожертвованія купечества.—Успѣхъ, какъ мы увидимъ, и въ этомъ не измѣнилъ искренней ревности ходатая.

Но, легкіе облачки проходятъ и по самому ясному небу.—Въ началѣ истекшаго года протоіерей Ландышевъ, начальникъ Алтайской Миссіи, тоже прибылъ сюда съ многочисленнымъ семействомъ.—Главная цѣль его пріѣзда изложена имъ самимъ, (въ прим. *К.*), въ статьѣ его, напечатанной въ Апрѣлѣ, въ «*Душеполезномъ Чтеніи*,»—«Эта крайняя нужда Миссіи,—*) говоритъ о. протоіерей,—послѣ многихъ безуспѣшныхъ хлопотъ на мѣстѣ о ея удовлетвореніи, побудила меня выѣхать въ С. П. Б. для личнаго ходатайства предъ начальствомъ. Собравъ на проѣздъ всевозможныя, послѣднія средства, и войдя въ долги, я прибылъ въ Москву со всѣмъ моимъ семействомъ, въ числѣ 12 человѣкъ. Но успѣхъ по сему дѣлу ограничивается доселѣ только тѣмъ, что Св. Сѵнодъ нашелъ возможнымъ отпустить, еще на одинъ годъ, прежній окладъ 4,000 р., хотя число служащихъ, служебныя нужды и цѣнность на все весьма значительно увеличились противъ прежняго.»—Са-

*) Собственно то, что срокъ ежегоднаго отпуска назначенныхъ Св. Сѵнодомъ 4,000 р. оканчивался и что Миссіи, на всѣ возможные расходы, оставалось опять только по 571 р. 41 к. въ годъ.

мо собою разумѣется, что въ бытность свою здѣсь начальникъ Миссіи не могъ ограничиться только однимъ этимъ, хотя и жизненно важнымъ для него предметомъ; онъ обратилъ вниманіе высшаго Духовнаго начальства и на другіе, существенно важные же, о которыхъ нами упомянуто, какъ н. пр. о правилахъ 1862 г. относительно крещенія инородцевъ и пр.— Онъ вмѣстѣ узналъ здѣсь и о счастливомъ совершеніи дѣла,— о дарованіи земель,—о разрѣшеніи Св. Сѵнодомъ и утвержденіи уже Высочайшею властію учрежденія Общины и Миссіонерскаго монастыря.

Въ статьѣ о. протоіерея, о которой тотчасъ упомянуто, гласно заявилось его мнѣніе относительно Миссіонерскаго монастыря,—и здѣсь мы обязаны войти въ небольшое прерканіе съ искренно уважаемымъ нами начальникомъ Миссіи.—Вотъ эта часть его статьи;—мы вмѣшиваемъ въ нее нѣсколько замѣчаній *).

—«Дѣло Миссіонера есть не только проповѣдь Евангелія и духовно-правственное и обрядовое христіанское обученіе новообращенныхъ; ему предлежатъ также весьма не маловажные и многообразные труды, хлопоты и попеченія относительно благоустроенія домашняго и общественнаго быта новообращенныхъ, только со времени крещенія начинающихъ жизнь осѣдлую и переселяющихся въ христіанское общество. Миссіонеру необходимо имѣть о новокрещенныхъ, какъ о дѣтяхъ, искреннее, отеческое попеченіе во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ для нихъ и единственный лекарь, онъ и защитникъ въ обидахъ, миротворитель и совѣстный судья; онъ и попечитель угнетенныхъ неотразимою бѣдностію, престарѣлыхъ, безпріютныхъ дѣтей и вдовъ.—Посему въ дѣлѣ миссіонерскаго служенія значительная часть трудовъ требуетъ помощи женскаго пола. Улалинская женская Община можетъ оказывать свое содѣйствіе Миссіи, особенно важное на мѣстѣ своего пребыванія, когда бу-

*) Необходимыхъ по *назначенію* и *посвященію* нашей записки;—мы непричастны, благодаря Бога, страсти полемизировать.

дутъ устроены при ней: больница, пріютъ, школа для обученія новокрещенныхъ грамотѣ, рукодѣліямъ и пр.;—но не можетъ замѣнить того ближайшаго, всегдашняго пособія, какое доставляютъ женатымъ Миссіонерамъ въ дѣлахъ сего служенія семейства ихъ, особенно въ другихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Трудный путь служенія миссіонерскаго, какъ требующій *самопожертвованія* и *свободы*, *болѣе приличенъ* монахамъ, но какъ состоящій въ средѣ народа и въ непрерывныхъ соотношеніяхъ и тѣсныхъ связяхъ съ семействами, *ближе всего* къ семейнымъ Миссіонерамъ».

Совершенно такъ!—Онъ точно *близокъ*, (а не ближе *всего*, и чего же *всего?*) къ семейнымъ Миссіонерамъ; но онъ *болѣе приличенъ*, какъ тутъ же сказано, монахамъ, именно потому, что требуетъ *самопожертвованія* и *свободы*, а это и есть главное *изъ всего*. И кто же лишалъ и лишаетъ семейныхъ священниковъ права и возможности быть Миссіонерами? Объ этомъ, какъ извѣстно, никогда не было ни мысли ни рѣчи.—Всѣ исчисленныя выше обязанности, необходимости, истекаютъ уже изъ обращенія, изъ принятія крещенія; а оно-то и есть слѣдствіе дѣла, которое болѣе *прилично* монахамъ, потому что требуетъ *самопожертвованія* и *свободы*. О чемъ же заботливость, особенно когда доказано, въ той же Алтайской Миссіи,—(при прибытіи на мѣсто Архимандрита Макарія и въ Архангельской губерніи, при прибытіи въ нее Миссіонера, частнаго человѣка, послѣ Крымской войны),—что какъ тутъ множество людей, такъ и тамъ Самоѣды,—которые, по оффиціальному убѣжденію даже уже были обращены въ христіанство *всѣ*,—оказались, большею частью съ семействами своими, не только утратившими всякое уваженіе къ истинной вѣрѣ, но преспокойно воспитывающими новыя поколѣнія въ старомъ язычествѣ. А они, и крещены, и по крещеніи были поручены водительству священниковъ.—Что же мѣшало имъ и семействамъ ихъ «*въ непрерывныхъ и тѣсныхъ соотношеніяхъ и связяхъ*» съ семействами окрещенныхъ, не только заводить больницы, школы, пріюты; обучать, доставлять ближай-

шія, всегдашнія пособія; но хотя бы только поддерживать искру Вѣры, чтобъ она не угасла такъ безслѣдно, какъ то оказалось?.... Въ основаніе Улалинской Общины было заложено добровольное желаніе не болѣе 10 женщинъ изъ новокрещенныхъ, онѣ не могли допроситься исполненія ихъ желанія 3 года; но едва Община была утверждена ихъ уже явилось 20, говорятъ теперь 40.—Будетъ 200—400 и болѣе, въ числѣ которыхъ всегда найдутся и матери, и вдовы, и молодыя, и пожилыя.—Что же мѣшаетъ и Общинѣ, какъ Миссіи,—имѣющей станы вездѣ гдѣ нужно, — имѣть при станахъ, и вездѣ гдѣ окажется необходимымъ, свои Отдѣленія? Быть одинаково полезными и дѣятельными не на одномъ мѣстѣ, а повсемѣстно?—Дѣло не въ предсѣданіяхъ и разбирательствѣ, кто лучше, кто способнѣе; *дѣло—въ дѣлѣ*, въ пользѣ, въ фактахъ живыхъ и изъ которыхъ выводятся заключенія живыя, вѣрныя.—Гдѣ учредится поселокъ, селеніе новокрещенныхъ, весьма желательно, чтобъ тамъ былъ тотчасъ *приходъ*, бѣлый священникъ;—желательно чтобъ онъ еще и согласился на приходъ самый небогатый н. пр. изъ 8—10—15 семей, что для семейнаго есть уже *самопожертвованіе* и *стѣсненіе свободы* всѣхъ членовъ его семьи;—желательно чтобы семейство его ревностно занималось, во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ, семействами новокрещенныхъ, а онъ ревностно поддерживалъ-бы и развивалъ въ нихъ Вѣру.—Все это желательно, необходимо, и все это не препятствуетъ какъ тому, что есть и будутъ, по призванію, Миссіонеры семейные священники, такъ и тому, что дѣло миссіонерства есть дѣло, *по превосходству* монаховъ, этихъ истинныхъ піонеровъ Евангельской проповѣди между язычниками, и что, для сего то именно, мужской Миссіонерскій монастырь непремѣнно необходимъ и польза его не можетъ быть замѣнена ни чѣмъ.—Въ предметѣ весьма важномъ по вліянію на будущее, не лучше-ли утверждать на истинѣ, мнѣніе о малоизвѣстномъ большинству, нежели колебать его неясностью и сомнѣніями?

—«Положеніе монаха,—говоритъ о. протоіерей,—внѣ мо-

настыря, постоянно среди *мірскихъ людей* всякаго пола, и возраста, которыхъ Миссіонеръ долженъ имѣть на своемъ ближайшемъ попеченіи, иногда даже въ своемъ домѣ,—есть положеніе вовсе *ненормальное.* Потому то лучшіе монахи Миссіонеры, сознавая на пути сего *служенія* необходимость въ пособіи женскаго пола, просили дозволеніе имѣть постоянныхъ помощницъ при себѣ. Но и эта мѣра едвали болѣе была-бы удобна, еслибъ только не *болѣе опасна.»*—Въ этой картинѣ опаснаго будто бы положенія монаха внѣ монастыря, нужно бы было яснѣе выразить, кто тѣ — *«мірскіе люди»*,—посреди которыхъ онъ находится постоянно,—въ *Чемалѣ*, въ *Ануйскомъ*, въ *Ангутаевѣ*, въ *Ильинскомъ*, среди горъ и дебрей?—*Скотоподобные* Калмыки и Калмычки, идолопоклонники, въ ихъ отвратильно-грязныхъ чумахъ съѣдаемыя, насѣкомыми и страшными болѣзнями нервовъ *) и псорическаго худосочія; да какіе нибудь закоренѣлые раскольники, и кое когда мелкій, чиновникъ? Это конечно не совсѣмъ *нормальное мірское* общество и положеніе. Можно однакоже безъ особенныхъ усилій вѣры уповать, (и 20-и лѣтняя опытность о. протоіерея несомнѣнно подтвердитъ истину, что такъ всегда и было въ управляемой имъ Миссіи),—можно смѣло уповать, говоримъ мы, что Миссіонеръ-священникъ, какъ бѣлый такъ нисколько не менѣе его и черный, могутъ и будутъ умѣть, даже и при болѣе *нормальной обстановкѣ* мірской, одинаково—свято чтить страшный обѣтъ священства, къ которому, у послѣдняго, присоединяются еще строжайшіе обѣты монашества. Что же относится до помощницъ, то Миссіонеры нуждаются имѣть ихъ *постоянно* не при своей особѣ, а при своемъ дѣлѣ. Держать—и ихъ, и тѣхъ о которыхъ имъ должно имѣть попеченіе,—т. е. дѣтей,—въ самомъ домѣ Миссіонера, никогда не можетъ быть нужно **), если только начальство Миссіи, имѣя это въ

*) Особенно родъ Витовой—пляски, какъ прямое слѣдствіе идолослуженія.

**) Примѣръ о. Архим. Макарія, державшаго у себя долгое время двухъ безпріютныхъ, но однако нашедшаго же женщину, которая, за плату, приняла ихъ на воспитаніе,—есть примѣръ самаго начальнаго времени Миссіи, болѣе 30 л. тому

виду, заблаговременно озаботилось устроеніемъ необходимыхъ избушекъ или келлій. Постоянныя помощницы эти теперь конечно будутъ изъ сестеръ Общины, тоже связанныхъ добровольнымъ, но святымъ обѣтомъ.—Нельзя не сознаться, что требуется очень уже сильный пессимисмъ въ отношеніи къ страху Божію, блюденію священнаго долга и вообще къ совѣсти и добродѣтели всякаго монаха, чтобъ опасаться, что и эта мѣра едва-ли— «*не болѣе опасна*».—На монашество обыкли бросать вообще всякія тѣни;—довольно и тѣхъ.

— «Не служитъ-ли это, (все приведенное выше),—продолжаетъ о. протоіерей,—яснымъ указаніемъ на то, что *и люди семейные*, чувствующіе призваніе къ миссіонерской дѣятельности, *если и семейства* ихъ расположены къ тому,» — (но тутъ уже является *если*, котораго тамъ нѣтъ),—«*не должны* быть лишаемы чести сего служенія.»—А кто же лишалъ или говорилъ когда, что должны быть лишаемы этой чести, когда и самъ о. протоіерей начальствуетъ Миссіею 20 лѣтъ?—Изъ чего опасеніе это и будто-бы страхъ?—Неужели изъ того, что учредится монастырь? Но священниковъ съ семействами въ него не запрутъ же; Миссіонеры монастыря только наготовятъ священникамъ болѣе новыхъ прихожанъ и приходовъ, никакъ не мѣшая и имъ самимъ, по желанію, дѣлаться Миссіонерами. Далѣе;—«это—(т. е. Миссіонерство для бѣлыхъ священниковъ),—*ихъ путь*; здѣсь они *вполнѣ* на своемъ мѣстѣ, какъ имѣющіе болѣе,—(болѣе—*тутъ*, или болѣе—*кого*?);—способовъ и удобствъ къ выполненію многообразныхъ требованій въ служеніи народу.»—Это очень ново!—Выходитъ что въ обыкновенномъ (не миссіонерскомъ) положеніи, бѣлые священники *не вполнѣ* на своемъ мѣстѣ? Тамъ имъ будто-бы меньше способовъ и удобствъ *многообразно служить народу?*—Гораздо проще было-бы сказать прямо,—(далѣе о. протоіерей и говоритъ это самое, только другими словами),—что бѣлому священнику,—не касаясь его достоинствъ и таланта,—такъ же

назадъ; съ тѣхъ поръ Миссія подвинулась же въ своемъ дѣлѣ;—а даже и тогда нашлась женщина для воспитанія дѣтей; какъ же не найтись теперь?—А Община?

ненормально быть Миссіонеромъ, безпрерывно двигающимся съ мѣста на мѣсто, чрезъ рѣки, горы, пустыни и кочевья; какъ ненормально священнику черному, сидя на мѣстѣ, завѣдывать поселками или селомъ, т. е. меньшимъ или большимъ приходомъ старо-и-новокрещенныхъ, съ ихъ семействами и многообразными требованіями служеній народу.

—«Свобода монаха имѣетъ свою цѣну и важность; но свобода есть только возможность къ усердной дѣятельности; а отъ возможности къ дѣйствительности заключеніе несправедливо, если оно безусловно.»—Кто же и гдѣ выводилъ изъ чего либо такое заключеніе? А если ни кто и ни гдѣ,—то къ чему рѣчь объ этомъ, въ запискѣ желающей утвердить ясныя, истинныя понятія о дѣлѣ миссіонерскомъ?—Не менѣе того въ этомъ довольно запутанномъ предложеніи является будто-бы та мысль, что, напротивъ того, *несвобода* бѣлаго священника, которая стало быть *не есть возможность*,—(ибо свобода монаха названа только возможностью),—*есть уже дѣйствительность* усердной дѣятельности.—Какъ же дѣйствительность при невозможности?—И будто дѣйствительность усердной дѣятельности человѣка, семейнаго или безсемейнаго, бѣльца или монаха, въ приложеніи къ тому или другому данному дѣлу, зависитъ не отъ воли его и совѣсти?

—«Поистинѣ безкорыстное *усердіе*,—продолжаетъ о. протоіерей,—крѣпкое любовію къ Богу и человѣкамъ, возможно и свойственно женатому Миссіонеру, столько же сколько и монаху. (Вотъ, это такъ!)—И сильно (оно) побѣдитъ всякое житейское попеченіе,—(нужно было прибавить,—и всякое *мірское* искушеніе),—выработать себѣ свободу для сего служенія и преодолѣть всякую трудность. (Совершенно такъ и ни кто, никогда ничего противнаго этому не говорилъ).—И бѣльцы и монахи нужны и полезны;—(наконецъ-то! къ чему же было не начать прямо съ этого?)—если они служатъ по призванію, тѣ и другіе имѣютъ *свой жребій* въ служеніи миссіонерскомъ.» (Именно; въ этомъ-то, своемъ жребіи, все дѣло!). — «Удѣлъ первыхъ въ мѣстахъ *населенныхъ* новообращенными и болѣе до-

ступныхъ къ проѣзду; а доля приличная послѣднимъ, преимущественно тѣ мѣста, гдѣ *еще нѣтъ христіанства* и удобныхъ путей сообщенія.»—Стало быть то что мы говорили и эти собственныя слова опытнаго начальника Миссіи— одно и тоже; т. е. удѣлъ священника—приходъ обращенныхъ, съ его службами, требами и пастырскимъ попеченіемъ о прихожанахъ; удѣлъ монаха—обращеніе, т. е. то, что называется именно *миссіонерствомъ*. Очевидно, что все предшествовавшее, при подобномъ заключеніи, вовсе было не нужно; предшествовавшее изложеніе совершенно противно и стремилось усильно постановить и утвердить то, что заключеніемъ этимъ ниспровергнуто.—О. протоіерей прибавляетъ однако же еще слѣдующее:

—«Впрочемъ изъ опытовъ вотъ что извѣстно: *всѣ начинанія* Евангельской проповѣди въ самыхъ *отдаленныхъ* пунктахъ Алтая, за исключеніемъ первыхъ дѣйствій о. Архимандрита Макарія,—(первыхъ дѣйствій),—тутъ принадлежатъ не монахамъ, а женатымъ Миссіонерамъ.» Какое же заключеніе?—Одно то, что это отрадно, прекрасно; честь и слава миссіонерамъ-священникамъ и несомнѣнная награда имъ отъ Господа! Но никогда, ни кто и не спорилъ чтобъ это было невозможно, и фактъ подтвердилъ благоразуміе неспорившихъ.—Однако изъ опытовъ же извѣстно еще, какъ на Алтаѣ,—(по запискамъ и о. Арх. Макарія и пріемника его, нынѣшняго начальника Миссіи,—у насъ выше говорено объ этомъ),—такъ между Самоѣдами и въ другихъ занятыхъ инородцами мѣстахъ,—изъ опытовъ извѣстно еще и то,—что бѣлое духовенство точно было посылаемо на проповѣдь, а потому оно и обратило въ христіанство и крестило значительное число людей, иногда цѣлыми мѣстностями;—что крещенные поручались послѣ его же попеченію;—но что чрезъ нѣсколько лѣтъ въ однихъ мѣстахъ находили сильное приращеніе некрещенныхъ между крещенными, въ другихъ—ослабленіе вѣры и понятія о ней, т. е. уже полуязычество въ крещенныхъ; въ другихъ наконецъ

совершенную утрату всякаго начала христіанства.—*) Изъ этого тоже могутъ выводиться заключенія,—неужели вывесть то,— что Миссіонерство (собственно такъ называемое) *есть путь* бѣлаго духовенства, что оно въ немъ *вполнѣ* на своемъ мѣстѣ,—и что, слѣдовательно, всеобщее назначеніе его дѣйствій между мірянъ *не есть его путь*, — что въ немъ оно *не вполнѣ* на своемъ мѣстѣ? . . .

Далѣе о. протоіерей подробно перечисляетъ *всё*, въ чемъ Миссіонеры и ихъ семейства должны помогать и служить народу, новокрещенныхъ, удовлетворять его нуждамъ, отъ попеченія за новорожденными, чрезъ всю жизнь, со всѣми ея воспитательными, хозяйственными, экономическими и всякими требованіями, до погребенія умирающихъ хотя бы отъ старости, и чего Миссіонеръ одинокій, т. е. монахъ, исполнить не можетъ.—Совершенно такъ; но это все, *во первыхъ*, осноится къ окрещеннымъ и перешедшимъ уже въ осѣдлый бытъ вступившимъ въ общество поселка, селенія, деревни;— а въ томъ именно и дѣло, что гдѣ *есть* уже общество, малое или большое, тамъ *долженъ быть* тотчасъ и бѣлый священникъ, приходъ котораго составляетъ Общество это.—*Во вторыхъ* въ невесьма продолжительное переходное время, (а чтобъ оно было не продолжительно, въ этомъ и заключается важная заботливость и умѣніе Миссіи), — сестры Общины такъ же вполнѣ способны, какъ жены священниковъ, въ каждомъ отдѣлѣ Миссіонерства, во всемъ этомъ служить новокрещеннымъ. — *Въ третьихъ*,—и это уже составляетъ самую яркую очевидность, если ни кто болѣе, какъ только *однѣ* жены и семейства священниковъ способны служить христіански новообращеннымъ и

---

*) Относительно Алтая свидѣтельства были уже приведены; между Самоѣдами въ 1830 г. оффиціально считали не окрещенныхъ только 300 чел., въ 1861 г. ихъ расплодилось болѣе 2000. На остр. Калгуевѣ были окрещены *всѣ*; лѣтъ 10 тому назадъ туда ѣздилъ священникъ изъ Пустозерска), нашелъ уже наибольшую часть жителей некрещенными. Вездѣ дѣти у крещенныхъ оставались, росли, брачились, выходили изъ чумовъ и семействъ идолопоклонниками, и возстановляли и распространяли идолопоклонство, въ то время какъ старшее поколѣніе, крещенныхъ, вымирало.—То же относится и къ фактамъ Миссіи Забайкальской.

восполнять *всѣ* возможныя потребности, перечисленныя и неперечисленныя, то сколько же нужно будетъ священниковъ и ихъ семействъ, чтобы исполнить все это хотя-бы н. пр. между 1-ю тыс. семействъ новообращенныхъ? А сколько, если въ слѣдствіе успѣха проповѣди будутъ обращаться тысячами, если изъ полумилліона язычниковъ Миссія обратитъ хоть десятую долю?—Дадите-ли вы имъ хоть 150—200 священниковъ, чтобъ они могли руководить, учить, а семейство каждаго изъ нихъ могло исполнить всю эту службу между 3—4-хъ-5-и сотъ семействъ новыхъ христіанъ, отъ ихъ колыбели до могилы?.... И что издержутъ прихожане на содержаніе этихъ семействъ?—Ясно что жены священниковъ, оставаясь по своему положенію *всегда* первыми, и,—вседушно вѣримъ,—лучшими руководительницами и дѣятельницами этого великаго христіанскаго добра, *никогда*,—(и чемъ далѣе тѣмъ болѣе),—не будутъ имѣть возможности *однѣ* исполнить его. Такая исключительность можетъ повесть только къ тому что уже было, о чемъ тотчасъ говорено,—къ ослабленію и упадку вѣры въ новыхъ ея чадахъ:—qui trop embrasse, mal étreint, (кто много охватываетъ, удерживаетъ худо).—Ясно каковы могутъ быть помощь и безпрерывная заботливость о чужихъ дѣтяхъ, больныхъ и пр., жены священника у которой своихъ 6, 8, 10 погодковъ, которыхъ нужно вымыть, одѣть, накормить, обшить, учить; да весть хозяйство, домъ, дѣла?—Ясно, что первыми помощницами самимъ женамъ и семействамъ бѣлыхъ священ. Миссіонеровъ будутъ всегда Сестры Общины; что Община представляетъ учрежденіе неоцѣнимое, незамѣнимое ничѣмъ; что его нужно расширять, раздѣлять на отдѣлы, множить ихъ; что его нужно весть съ строгимъ разумомъ, внимательно направляя къ цѣли; что нужно со всею дѣятельностію доброй, о Бозѣ, воли, заняться для этого,—т. е. воспитанія, утвержденія въ христіанствѣ,—*Общиной*, а для обращенія,—т. е. проповѣданія, миссіонерства,—*Миссіонерскимъ монастыремъ*, оставивъ не приносящіе никакой пользы, (напротивъ того), разбирательства о томъ, кто лучше и способнѣе?—Въ такомъ святомъ дѣлѣ лучше и

способнѣе всегда тотъ, кто, по мѣрѣ человѣческой возможности, въ совѣсти чистъ предъ Господомъ. Благость Господа можетъ восполнить и недостатокъ семейства, — какъ безъ благословенія его и семейство можетъ не принесть ни какой пользы.

Не безъ причины и не изъ желанія полемизировать мы особенно остановились на этомъ отрывкѣ изъ небольшой, статьи, о. протоіерея Ландышева, названной: — «*Алтайская Духовная Миссія.*» —Начальникъ Миссіи очевидно хотѣлъ, статьею этою, возбудить участіе къ дѣлу Миссіонеровъ и привлечь приношенія, пожертвованія совершенно необходимыя. Къ чему же замѣшалось въ ней разобранное нами разсужденіе, вовсе недоказавшее и того, что оно повидимому усиливалось доказать?—А между тѣмъ оно могло посѣять мнѣнія неясныя. — Мы, православные, можемъ понимать существованіе только одного рода соревнованія или состязанія между духовенствомъ бѣлымъ и черным, это—исполненіе каждымъ обязанности, которая на него возложена, въ молчаливомъ смиреніи, но стойко, хотя-бы до смерти, до крови; заботясь только о держаніи обѣтовъ свято и совѣсти чистою предъ Богомъ; а не о томъ кто лучше и способнѣе, что думаютъ, что скажутъ или напишутъ люди? какъ посудятъ о «дѣлѣ и дѣланіи» духовнаго лица многочисленные непризванные судьи, не учившіеся и азбуки этого «дѣла и дѣланія?»

Миссія, не безъ Божіяго промышленія, вступаетъ въ новый, непремѣнно лучшій періодъ своей жизни. Когда все особенно-счастливо устроивается для этого, означенная журнальная статья вмѣсто выраженія благодарности, подкрѣпленія надеждъ и развитія довѣренности, словомъ истекающимъ изъ души и продолжительнаго, близкаго знанія дѣла, бросаетъ, какъ будто тѣнь недовѣрія и сомнѣнія именно на то, на чемъ и гражданское и горное управленіе, и частные знающіе дѣло люди, наконецъ и Высшая Духовная власть основывали, напротивъ того, разумно-вѣрный разсчетъ будущихъ успѣховъ и пользы;—мы говоримъ о Миссіонерскомъ монастырѣ и Общинѣ.

Такое мнѣніе наше не есть голословность, и вотъ доказательство.—Каково-бы ни было впечатлѣніе или вліяніе, которое могло быть произведено этою статьею, о. протоіерей Ландышевъ *оффиціально* заявилъ, что и самое мѣсто подъ монастырь указанное, есть мѣсто—«отдаленное, недоступное, ущельное, непроходное, не населенное, вовсе не соотвѣтствующее Св. цѣли, и предъизбранное помимо Епархіальнаго и Миссіонерскаго начальства, и даже вопреки его мнѣнію.»—Кого не заставило-бы призадуматься такое описаніе?—Не удивительно-ли однако, что въ странѣ, ни кто не замѣтилъ этихъ столь же печальныхъ сколько крупныхъ качествъ за означеннымъ мѣстомъ; ни Арх. Макарій, предрекшій быть монастырю на Телецкомъ озерѣ; — ни Преосвященный Парѳеній, лично освятившій его;—ни кто изъ лицъ вѣдомства Горнаго, близко знающаго всѣ углы Алтая;—никто изъ граждапъ; — ни даже самъ о. Протоіерей,—хотя и не помѣстившій въ спискѣ семи мѣстъ, подъ монастырь имъ указанныхъ, Телецкаго озера (*), собственно потому, что оно знакомо Преосвященному,—однакоже отозвавшійся объ этомъ мѣстѣ, такъ: (**)

—«*Южный берегъ* озера необитаемъ; на немъ только небольшая дельта Чулышмана представляетъ *ровную почву и луговыя мѣста*.—(Она-то и избрана подъ монастырь).—Дикій, непроходимый *западный* берегъ, возвышаясь круто, въ многихъ мѣстахъ представляетъ доступъ къ нему почти невозможнымъ; высокіе, часто отвѣсно-стоящіе утесы его неспособны къ обитанію. Только *сѣверный берегъ* и *частью восточный* представляютъ мѣста *удобные для жительства*..... Величественная картина Телецкаго озера и теперь рисуется въ моемъ воображеніи!..... Глубокая тишина царствуетъ на озерѣ и величественныхъ берегахъ его; только по мѣстамъ шумятъ водопады и иногда бушуютъ ураганы; особенно осенью продолжительные и ужасные..... Еще есть возмутители спо-

(*) Объ этомъ упомянуто было выше.

(**) Извлеченіе изъ писемъ его: — изъ прибавленій къ изд. *Твореній Св. Отцевъ*, Ч. V; 1847 года.

койствія *жителей* при Телецкомъ озерѣ, рослые медвѣди; но и они такъ робки что не смѣютъ итти на твердый голосъ взрослаго человѣка, самые дѣти, оставаясь въ юртѣ одни, нерѣдко прогоняютъ ихъ горящими головнями, и пр......»

Между этимъ описаніемъ и опредѣлительными качествами мѣста, »—*отдаленное*, *недоступное*, *ущельное*, *непроходное*, *ненаселенное*, *вовсе не соотвѣтствующее святой цѣли*,»—есть очевидно значительное различіе.

О. протоіерей Ландышевъ, ученикъ-сотрудникъ основателя Миссіи, Арх. Макарія, былъ избранъ имъ—(какъ по особеннымъ способностямъ и расположенію, такъ и потому, чтобъ не измѣнять разумнаго плана и способовъ дѣйствій о. Архимандрита въ Миссіонерскомъ дѣланіи),—заступить его мѣсто, когда болѣзнь заставила его сойти съ этого поприща. Но и при избраніи этомъ, не имѣя въ виду почти никого болѣе, о. Архимандритъ, прежде всего, *предложилъ* Ландышеву принять монашество, какъ званіе и состояніе преимущественно предпочтительнѣйшее для Миссіонера. Ландышевъ не нашелъ въ себѣ расположенія къ монашеству, а потому сдѣлался бѣлымъ священникомъ. Изъ этого, личнаго вкуса и избранія, ни какимъ образомъ нельзя вывесть общаго заключенія, особенно-же діаметрально — противнаго мнѣнію умнаго, опытнѣйшаго изъ Миссіонеровъ, Арх. Макарія, руководителя о. Ландышева;—нельзя частнаго мнѣнія этого предпочесть и свидѣтельству всѣхъ фактовъ, по всѣмъ миссіонерствамъ,—а не по отдѣльнымъ случаямъ. Не настоитъ сомнѣнія въ томъ, что нынѣшній начальникъ Алтайской Миссіи непререкая сознается самъ, что дѣла служенія Миссіонерскаго, какъ для него, такъ и для уважаемой супруги его были несравнимо легче,—стало быть для пользы новокрещенныхъ плодотворнѣе,—въ то время, когда у нихъ не было дѣтей или когда ихъ было двое, трое,—нежели въ то, когда ихъ стало девять?—Это естественно всегда, вездѣ, особенно же въ бытѣ, гдѣ нѣтъ кормилицъ нянекъ, гувернантокъ, надзирательницъ, ключницъ, экономокъ, поваровъ, дворецкихъ и пр., и пр., и пр..—Казалось-бы что

начальнику Миссіи, въ теченіе болѣе 20 лѣтъ всегда прекрасно ведшему дѣло,—даже и въ сильно затруднительныхъ обстоятельствахъ,—на основаніи мудро-обдуманныхъ предначертаній о. Арх. Макарія, — слѣдовало-бы и въ отношеніи къ предмету о которомъ говорится, вмѣсто изложеннаго выше отрывка, съ своимъ мнѣніемъ, лучше привесть какой либо отрывокъ изъ многочисленныхъ писаній о. Архимандрита объ этомъ предметѣ еще и ненапечатанныхъ; (а напечатаніе ихъ было-бы весьма полезно).—Мы укажемъ, для примѣра, хотя слѣдующій (*).

«IV. Разныя силы потребны для исполненія заповѣди Христа Спасителя, о преподаваніи Евангелія народамъ, въ суевѣріи разныхъ образовъ остающимся, разсѣяннымъ по разнымъ членамъ сего духовнаго тѣла Христова. Духъ Іисусовъ возбуждаетъ и движетъ сіи силы ея, (Церкви, Миссіи), она же собирая ихъ въ союзъ единства, направляетъ всѣхъ къ цѣли, указуемой заповѣдью Спасителя. Отсюда происходятъ различныя состоянія, служащія распространенію Вѣры Христовой и разныя стихіи Церковной Миссіи.—Между тѣмъ какъ однихъ посылаютъ на проповѣдь, другіе пекутся о воспитаніи, образованіи проповѣдниковъ; а другіе собираютъ по всему пространству церковному, слагаютъ во едино, сохраняютъ, приводятъ въ движеніе многоразличные способы къ поддержанію Миссій и къ учрежденію новыхъ.—Вѣрные, составляющіе Россійскую Церковь, одни угождаютъ Богу въ благословенномъ супружествѣ, а другіе приносятъ ему дѣвство или вдовство свое въ благопріятную жертву или одиночество, такъ же двухъ образовъ, мужескаго и женскаго. —Во всѣхъ сихъ разрядахъ Церковь имѣетъ силы благопотребныя для составленія Миссій. Всѣ эти силы должны дѣйствовать вкупѣ, по единому побужде-

---

(*) Изъ рукописнаго соч. о. Арх. *Макарія*:—«Мысли о способахъ къ успѣшному распространенію Вѣры между Евреями, Магометанами и язычниками въ Россійской Державѣ.»—Сочиненіе (монаха) полное, объемлющее предметъ со всѣхъ сторонъ и—никому неизвѣстное!—Къ чему же эти плоды ума, сердца и глубокой опытности?—Неужели для того, чтобъ пропадать безвѣстно?

нію духа Христова, во славу Божію, къ созиданію Церкви и ко благу всего человѣчества. Что одной силѣ свойственнѣе и легче дѣлать, не все то съ удобностію и успѣхомъ можетъ совершать и другая; каждая сила имѣетъ свое удѣльное качество, свою особенную способность и дѣятельность и надобность.— Миссіонеръ, имѣющій жену и дѣтей долженъ свѣтить предъ иновѣрцевъ примѣрами вѣрности, единодушія, мира, воздержанія въ христіанскомъ супружествѣ; примѣромъ благоразумія, трудолюбія, порядка и чистоты въ домоводствѣ; образцемъ въ воспитаніи чадъ въ страхѣ Божіемъ. — Если жена, какъ и онъ, ищутъ царствія Божія и правды его, если она одного съ нимъ духа и правила, то, при помощи Божіей, будетъ ему многоплодною помощницей по службѣ, и въ особенности важно будетъ ея содѣйствіе внушеніемъ христіанскихъ истинъ женщинамъ и обученіемъ дѣвочекъ новокрещенныхъ.— *Но при всемъ томъ опытъ подтверждаетъ* истинну сихъ изреченій Апостола: — «не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ.»—Между замужнею и дѣвицею есть разность:— незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобъ быть святою тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу.—Скорби по плоти, попеченія о своихъ дѣтяхъ, и занятія по хозяйству, развлекаютъ вниманіе и время женатыхъ клириковъ; отъ развлеченія вниманіе ослабѣваетъ, а за нимъ и внѣшняя дѣятельность.—Для поддержанія же и продолженія дѣла Божія тамъ, гдѣ сила женатыхъ клириковъ изнемогаетъ, и для надзора и за ними, необходимы въ сотавѣ Миссіи иноки.—Для одинокаго легко служить Богу безъ заботъ и развлеченія, и Церковь имѣетъ полное право требовать отъ него и ревностнѣйшихъ трудовъ и подвиговъ, и благодушнѣйшаго и свободнѣйшаго отъ печалей житейскихъ терпѣнія, и отрѣшеннаго отъ привязанности къ земной отчизнѣ странничества; а такъ же готовности къ самопожертвованію,—всего чего страшатся плоть и кровь; чистѣйшаго безкорыстія въ служеніи человѣкамъ и въ дѣлахъ мило-

сердія христіанскаго.— Но попеченія о женскомъ полѣ между новокрещенными и невѣрными весьма часто можетъ быть затруднительнымъ и опаснымъ для одинокихъ Миссіонеровъ; — посему благопотребны для Церкви и посвятившія себя Богу вдовы и дѣвы, которыя-бы воспринимали на себя для нихъ безопасное попеченіе.—Не говоря о многихъ женщинахъ, которымъ Спаситель не воспретилъ ходить за Нимъ и служить Ему, и изъ которыхъ нѣкоторыя удостоились быть первыми благовѣстницами воскресенія Его, мы читаемъ, что Господь обѣщалъ излить въ наши дни духъ свой на всякую плоть, на рабовъ своихъ и на рабынь своихъ *(Дѣян. II.—18)*. Мы видимъ въ Церкви древнихъ временъ Діакониссъ, которыя раздѣляли съ пастырями и учителями бремя Христово, наставляли между вѣрными и пламенными женщинъ, помогали больнымъ изъ нихъ, посѣщали исповѣдницъ и мученицъ въ темницахъ, исполняли и другіе дѣла, приличіемъ усвоенные женскому полу. — И такъ сословіе Миссіонеровъ должно составляться изъ разрядовъ и пр..»

Такъ разсуждалъ о дѣлѣ глубоко-опытный Миссіонеръ, отстранивъ всякую предвзятую мысль, всякое личное расположеніе, предъубѣжденіе и собственный вкусъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи отецъ Архимандритъ, разъясняя планъ правильнаго устройства дѣйствій миссіонерскихъ, считаетъ, для пользы ихъ, совершенно необходимыми слѣдующія части или учрежденія:

А.—Россійское Миссіонерское общество.

Б.—Образовательныя заведенія въ пользу церковной Миссіи,

1) Мужское и 2) Женское.

В.—Сословіе самыхъ Миссіонеровъ:

1) Миссіонеры служащіе въ одиночествѣ.

2) Подвижницы посвятившія свое одиночество Богу, и наконецъ

3) Миссіонеры избравшіе для себя путь супружескаго состоянія.

Такова постепенность значенія отдѣловъ этихъ, полезнѣйшіе поставлены выше менѣе полезныхъ, хотя весьма полезныхъ тоже.—Въ этотъ-то планъ и введены о. Арх. Макаріемъ *Мужскій Миссіонерскій монастырь*, и *женская Община* совершенно необходимые учрежденія, могущія совмѣстить въ себѣ и восполнить собою какъ приведенные выше въ отдѣлѣ Б, пункты 1—и 2-й, такъ пункты 1—2-й отдѣла В, и многія другія пособія, к. н. пр. больницы,—богадѣльны,—школы,—мастерства.—А именно все это, желанное, 30 лѣтъ требуемое и ожидаемое, имѣется въ виду теперь, когда наконецъ многотрудное и никакъ не дававшееся дѣло *Общины* и *монастыря*, вдругъ помощію Господа, пошли въ ходъ блестящимъ образомъ.—Къ чему же, затрудненныя мнѣнія, внушающія недовѣрія, опасенія, людямъ ничего незнающимъ о дѣлѣ Миссіонерскомъ,—особенно въ такую минуту, когда долголѣтнія препятствія были отстранены, казалось, окончательно?

Благорасположенные къ дѣлу, готовые на пожертвованія, весьма естественно ждали, для совершенія приношеній, пріѣзда избираемаго начальника для обители, главнаго распорядителя и его дѣйствій; а начальникъ, имѣвшійся въ виду, съ своей стороны можетъ ждалъ для отъѣзда, ихъ пожертвованій, распоряженій и дѣйствій,—и отъѣздъ не состоялся....

Но, что Богу угодно—то совершится! — Ходатай по дѣлу этому, Мальковъ, распространяя о немъ извѣстіе, привлекалъ къ участію со дня на день бо́льшее число лицъ и, въ самое время затрудненій о назначеніи начальника, нѣкоторые разумно-благотворительные лица въ С. П. Бургѣ возимѣли намѣреніе, прибѣгнуть наконецъ не къ полумѣрамъ а къ существенно-дѣятельному пособію для Церковныхъ Миссій въ Россіи, обративъ первоначально ближайшее вниманіе на Миссію Алтайскую.—Слава Богу!—Счастливая, дѣльная мысль эта носила въ себѣ всѣ залоги успѣха, котораго тщетно бы ждали отъ частныхъ, дробныхъ средствъ. Всякое такого род дѣло выходя изъ тѣсной черты какого нибудь замкнутаго, єдми-

нистративнаго круга на просторъ общественности, становится всегда на почву благопріятную. Малѣйшій лучь участія, каждая росинка добраго расположенія, каждая лепта, дѣлаются тогда питательными, живительными; что отъ немногихъ требуетъ усилій и пожертвованій тяжелыхъ, невозможныхъ, — то всѣмъ не значитъ ни чего. Въ первомъ случаѣ дѣйствія бываютъ безсвязны, тогда какъ обсужденія, мѣры, мнѣнія соборныя, сводятся въ нѣчто полное, стройное, разумное.

Рѣшились учредить—*Миссіонерское Общество*, (опять мысль Арх. Макарія, тридцать лѣтъ тому назадъ видѣвшаго и писавшаго, что безъ подобнаго учрежденія, Миссіямъ не возможно дать хода,—дѣятельнаго, правильнаго, истинно-полезнаго). Написали проэктъ первоначальнаго Устава,—зародышъ будущихъ развитій его,—и представили на утвержденіе, уповая, что по Милостивому Ея Величества благоволенію, новому учрежденію этому, въ православномъ государствѣ столь необходимому, не будетъ отказано въ Высочайшемъ покровительствѣ.

Какъ бы ни была хороша и полезна мысль, для приведенія ее въ исполненіе необходимы средства; сосредоточеніе ихъ въ началѣ такого дѣла всегда болѣе трудно, нежели въ послѣдствіи, когда оно обобщится и привлечетъ вниманіе и участіе.—Зная это, нѣсколько лицъ движимыхъ чувствомъ истиннаго добра, согласились между собою вносить разными суммами ежегодно до 1,500, т. е. доходъ составляющій проценты съ капитала свыше 37,500 р.;—лица эти:—Ком. Совѣт. Василій Θедуловичъ Громовъ,—Поч. Граж. Ст. Θедор. Соловьевъ,—Кол. Асс. Григорій Мар. Пермикинъ,—Ник. Ив. Погребовъ;—Дми. Егор. Бенардаки,—Красноярскій куп. Мих. Кон. Сидоровъ,—и Почет. Граж. Ник. Степ. Поповъ,—суть первые основатели перваго въ Россіи Миссіонерскаго Общества; добрый примѣръ ихъ не остался безъ послѣдствій.

По предначертаннымъ основаніямъ Миссіонерское Общество имѣетъ въ виду всѣхъ инородцевъ, гдѣ бы то ни было (*) на

(*) За исключеніемъ Кавказа, имѣющаго уже свое Общество для распространенія тамъ христіанства.

пространствѣ Россійской Имперіи находящихся, предоставляя себѣ, когда настанетъ къ тому время и откроется возможность, распространять дѣйствія свои и за предѣлами государства.— Членомъ Общества можетъ быть всякій кто пожелаетъ, безъ различія состоянія, званія и пола.—Ежегодные взносы для поддержанія и дарованія возможности дѣйствовать, не имѣютъ опредѣленной цыфры, они зависятъ отъ средствъ и воли жертвователей.—Общество должно сдѣлаться центральнымъ мѣстомъ полученія и распространенія по государству точныхъ извѣстій о состояніи и дѣйствіяхъ Миссіонеровъ, о ихъ успѣхахъ, нуждахъ и пр.—Широкая гласность и совокупное обсужденіе относящихся къ дѣлу вопросовъ, при всеобщемъ участіи,—котораго не могло и быть когда едва-ли кто слыхалъ что либо о Миссіяхъ нашихъ,—дадутъ жизнь и движеніе, всегда тѣмъ болѣе вѣрно направленное, что Общество будетъ не только въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ Миссіями и что члены его будутъ разсѣяны по всей Россіи, но что многіе изъ нихъ добровольно будутъ изучать, отдѣльно или въ видѣ экспедицій, состояніе дѣла на самыхъ мѣстахъ дѣйствій.—Понятно что пособія будутъ распредѣляться и требованія исполняться всегда равномѣрнѣе и правильнѣе.—Общество станетъ посредникомъ и ходатаемъ съ одной стороны, между народами и Миссіями, съ другой—между ими и правительственными властями; можно съ увѣренностью ожидать что тогда вопросы самые существенные не будутъ тянуться по 5—6 лѣтъ и болѣе, безъ отвѣта, и не будутъ разрѣшаться вопреки существенныхъ необходимостей дѣла и пользъ края.— Для сосредоточенія пожертвованій, приношеній вещественныхъ, завѣщательныхъ даровъ;—для завѣдыванія, для управленія ими, для ихъ назначенія на дѣло, отсылки куда слѣдуетъ и. т. п., Общество найдетъ въ себѣ самомъ, въ сношеніяхъ своихъ и въ составѣ своихъ собратій по цѣлой Россіи, средства, пособія и содѣйствія, которыхъ ни одна отдѣльная Миссія имѣть не могла и не можетъ.

Постепенное развитіе этого учрежденія докажетъ вскорѣ всю

важность пользы, которую оно можетъ и должно принесть, прямо дѣлу своего назначенія, краю, и государству;—пользы безъ него не достижимой, что уже доказано многочисленными фактами и самымъ капитальнымъ изъ нихъ, тѣмъ, что Общество это было признано жизненно-необходимымъ еще незабвеннымъ основателемъ Миссіи на Алтаѣ, Архимандритомъ Макаріемъ, и не могло осуществиться до нынѣ, въ теченіе тридти-пяти лѣтъ!

При такомъ отрадномъ свидѣтельствѣ милости Божіей къ трудамъ, на пользу великаго дѣла, вседушно принятымъ на себя и ревностно несомымъ А. Г. Мальковымъ, онъ вновь отправился, едва-ли не въ пятый разъ, на Алтай, гдѣ оканчивались постройки, заготовлялись матеріалы, вводилось хозяйство, работа не усыпала и дѣло двигалось сообразно съ средствами.—Утѣшивъ, ободривъ всѣхъ, привезенными имъ добрыми извѣстіями и надеждами, посвятивъ все удобное время распоряженіямъ и личному надзору, Мальковъ пустился обратно въ С. П. Бургъ, куда прибылъ въ Январѣ текущаго года,—уповая найти уже оконченнымъ,—въ теченіе почти полугодичнаго его отсутствія,—дѣло объ утвержденіи Миссіонерскаго Общества.

Къ великому горю его, дѣло это онъ нашелъ,—и нашелъ не безъ труда,—на неопредѣленное время недвижимымъ, по причинамъ, или невозможностямъ, для разрѣшенія которыхъ Господь внушилъ этому православному русскому человѣку смѣлость, которой не допустили бы болѣе тонкія и менѣе простыя политическія соображенія.—«Поѣду къ Царицѣ,—сказалъ онъ перекрестясь,—Она наша милостивая Мать, помнитъ слово:—«оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ,»—не гнѣвается на прибѣгающихъ къ Ней, не отринетъ и меня, послѣдняго изъ нихъ.»

И вотъ Мальковъ въ Ниццѣ!—Чувство Вѣры и сознаніе чистоты намѣренія,—не обманываютъ. Удрученная глубокою скорбью о тяжкой болѣзни сына,—оплакиваемаго теперь шестьюдесятью милліонами искренно возлюбившихъ Его подданныхъ,—Государыня Императрица однакоже не отвергла далекаго пришельца. Милостиво приняла этого простаго русскаго

человѣка, этого истиннаго представителя народной любви, скорби, преданности и Вѣры. Ея Величество соизволила лично расспрашивать его о всемъ касающемся дѣла; утѣшила и повторила непремѣнное обѣщаніе Свое быть Попечительницею Общества.—По примѣру и слову Государыни Общество пріобрѣло еще тридцать новыхъ членовъ,—русскихъ, окружавшихъ Царицу въ Ниццѣ,—съ обязательнымъ взносомъ составляющимъ вообще, ежегодно, до 1,000 руб.

Мальковъ поѣхалъ обратно въ родину, чрезъ всю Европу.—Изъ всѣхъ чудесъ ея и красотъ, въ глазахъ, въ памяти головы и сердца, и на душѣ русскаго человѣка осталось нерушимо запечатлѣннымъ только одно: —христіанское милосердіе, благость Государыни. О Ниццѣ собственно онъ узналъ, опытно, что тамъ, пожалуй, *довольно красиво* все, отъ растительности, отъ моря и неба, до мраморныхъ зданій; но что груди русской крайне тяжело дышать половину дня сорока-градуснымъ накаломъ воздуха, а что выдерживать сырой холодъ другой половины дня, ему сибиряку, помогъ только взятый имъ съ собою русскій тулупъ.—Неразрѣшимою для него задачей остался вопросъ,—«какъ это ослабѣлыя и чахлыя груди нашихъ, думаютъ излечаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ крѣпкая здоровая его грудь зачахла-бы несомнѣнно, подъ обманчивою, по острою нѣгой горячихъ, истомительныхъ дней и истиннымъ вредомъ, для насъ сѣверянъ, переходовъ ея къ сырому холоду, и сквозникамъ, для защиты отъ которыхъ онъ не нашелъ въ тамошнихъ красотахъ и комфортахъ ничего, кромѣ взятаго имъ съ собою тулупа?»—Мальковъ привезъ сюда однакоже, на память, войлочную шляпу изъ тѣхъ, которыя носятъ тамъ обыкновенно, съ довольно широкими завороченными полями. Онъ призналъ ее достаточно разумною, хотя далеко не принадлежащею къ созданіямъ новѣйшей цивилизаціи, такъ какъ татары, бухарцы, хивинцы и множество инородцевъ въ Россіи, съ незапамятныхъ временъ носятъ точно такія же шляпы.

Проѣздомъ чрезъ Парижъ, путешественникъ помолился благодарственно за новое явленіе милости Божіей къ его дѣлу.—

При сердечномъ участіи уважаемаго Настоятеля Русской Церкви въ столицѣ Франціи, Миссіонерское Общество пріобрѣло еще сорокъ членовъ, соотечественниковъ, находившихся въ Парижѣ; они обязались ежегодными взносами всего до 1,000 рублей.— О Европѣ вообще,—видѣнной мелькомъ изъ вагонныхъ оконъ и внимательнѣе, обозрѣнной, на практикѣ ея, въ станціяхъ и въ буфетахъ желѣзныхъ дорогъ,—а о Парижѣ въ особенности,—такъ какъ Мальковъ погостилъ въ немъ нѣсколько дней,—здравый, неизвращенный смыслъ и неподкупленная сластями и страстностями жизни, православная совѣсть нашего путешественника, вывели краткія но весьма опредѣлительныя заключенія, съ которыми,—что Малькову неизвѣстно,—совершенно согласны мнѣнія многихъ извѣстныхъ писателей тѣхъ же странъ, иначе лишь выраженныя.—Въ порядкахъ пріятныхъ и ловкихъ для человѣка по плоти, и онъ какъ такой же, многое похваляетъ, безъ восхищенія однакоже, и не мало не находя, чтобъ все подобное было верховнымъ выраженіемъ человѣческаго достоинства и совершенства, сильнѣйшимъ знакомъ его блаженства на земли, и ручательствомъ въ блаженствѣ за гробомъ. Напротивъ, его собственно, какъ вѣроятно и множество другихъ смертныхъ мыслящихъ, глубоко поразилъ ничѣмъ не скрываемый перевѣсъ всего матеріальнаго надъ всѣмъ нравственнымъ и духовнымъ. Все тамъ,—какъ онъ говоритъ, — въ плоть и въ кровь; все отъ нихъ,—за нихъ и для нихъ, — стремленія, исканія, средства и цѣли.—Мальковъ помнитъ, что плоть и кровь Царствія Небеснаго не наслѣдуютъ; да о царствѣ же небесномъ тамъ почти нѣтъ и помысла! Сильно опечалилась его душа!... Но тутъ, для новыхъ идолопоклонниковъ этихъ, Миссіонерскаго Общества не устроишъ, какъ для простодушныхъ Калмыковъ!

— «Вавилонъ,—говоритъ Мальковъ,—Вавилонъ (*)! злѣйшій древняго; котлы мяса и плотоуслажденіе всяческое; хожденіе въ воляхъ сердецъ своихъ, единый законъ, кумиръ, задача, цѣль

(*) «За распущенность нравовъ еще въ XIII в. Парижъ прозывали новымъ Вавилономъ.»—С. П. Б. Вѣдом. № 167, 1865.

жизни! Либерализмъ обладающій Вавилономъ этимъ распоряжается такъ же вѣрно и самовластно своими поклонниками, какъ бубенъ Шамана и шесты съ навернутымъ на нихъ тряпьемъ и коннскимъ волосомъ, — своими; фасонъ и матеріалы другіе, духъ—тотъ же. Всѣ, неугомонно, тревожно, въ торопи и угорѣлой многопопечительности, почти неестественной, пекутъ этотъ «насущный свой хлѣбъ»; и высоко всходитъ и пучится это тѣсто, изъ трехъ сатей муки: тщеславія, сластолюбія и самоволія, на закваскѣ духа безвѣрія и слѣдственно безнравственности, глубокой, уже не сознаваемой, вошедшей въ натуру тамошняго человѣка! Но,—прибавляетъ Мальковъ,—это обще, а люди вѣрные Богу есть у Него повсюду; да сохранитъ же Онъ ихъ и тамъ въ тѣснотѣ и тугѣ побудокъ вѣка!»

Еслибъ неожиданный путешественникъ нашъ, изъ Алтая до Ниццы, напечаталъ книгу своихъ впечатлѣній и наблюденій, она вся заключалась бы въ приведенныхъ выше строкахъ, по его диктовкѣ написанныхъ. Онъ предпочитаетъ отечество свое Европѣ, во всѣхъ возможныхъ сразсужденіяхъ.—Алтай съ его дикарями и ихъ свѣтлою будущностью утоляетъ его горькую духовную безнадежность о новомъ Вавилонѣ, все глубже погрязающемъ въ мракъ роскошной своей могилы, въ мракъ въ которомъ погибъ Вавилонъ древній.

Если такую, можетъ быть не вполнѣ *гуманную*,—по нѣкоторымъ понятіямъ, — но вполнѣ православно-христіанскую скорбь, Мальковъ привезъ изъ своего странствія, то онъ привезъ и великую, какъ мы уже сказали радость. Дѣло Миссіонерскаго Общества стало на прочно положенныя рельсы, преграды отброшены и оно значительно двинулось впередъ.— Что можетъ быть выше этой чистой радости для человѣка, когда и Ангелы радуются о душѣ и одного грѣшника обращающагося къ Богу:—а тутъ сколькимъ душамъ готовится спасеніе?

Мая 2-го соединилось въ домѣ Т. Б. Потемкиной первое, многочисленное собраніе основателей и членовъ ревнителей вновь учреждаемаго Миссіонерскаго Общества, для содѣйствія распространенію православія между язычниками инородцами въ

Россіи.—Проф. Осининъ, въ краткой рѣчи, изложилъ главныя свѣдѣнія, необходимыя для предварительнаго ознакомленія съ дѣломъ и для привлеченія къ нему вниманія и участія. Инспекторъ С. П. Б. Дух. Академіи, Архимандритъ Владиміръ, дополнилъ свѣдѣнія эти объ Алтаѣ, извѣстіями о трудахъ, успѣхахъ и положеніи Миссіи за Байкаломъ, частностями о миссіонерской жизни и т. п.—Тутъ же было собрано еще нѣсколько добровольныхъ обязательствъ на ежегодные взносы, и члены перваго собранія этого оставили его въ несомнѣнной уже увѣренности въ успѣхѣ дѣла труднаго, долго боровшагося съ препятствіями всякаго рода, но наконецъ, Милостивымъ Провидѣніемъ Божіимъ и Высокимъ участіемъ Государыни Императрицы двинутаго вѣрно къ цѣли великой.

Малькову, какъ неутомимому и разумному дѣятелю, рѣшительному, твердо ни на мигъ не отступившему, ни на шагъ не остановленному на пути, не смущенному препятствіями, не утомленному тяжестью возложенной на него ноши, каждый изъявлялъ самую искреннюю и вполнѣ заслуженную имъ признательность.

Ознакомясь съ дѣломъ Миссіи Алтайской, со всѣхъ сторонъ, зная его положеніе со дня въ который пала на Малькова обязанность имъ ревностно исполняемая, посмотримъ что пріобрѣтено за это время, и закончимъ взглядомъ на то, что настоятельно-необходимо, не въ отдаленномъ будущемъ, а въ настоящемъ положеніи, чтобы счастливые начатки не могли зачахнуть безъ призора и ухода.

Число членовъ Общества уже перешло за двѣсти (*); ежегодными взносами ихъ упроченъ годичный, вѣрный доходъ до 8,000 руб., представляющій собою проценты съ капитала (по 4%) въ 200,000 рублей (**).—Независимо отъ сего собрано единовременныхъ пособій, на женскую Общину и Миссіонерскій монастырь, до 5-и тыс. р.; да принята, однимъ благотворителемъ уплата 1,700 руб. по построенію Церкви въ Общинѣ.

(*) Теперь уже за 500, какъ мы тотчасъ извѣстились.

(**) Теперь, черезъ 4-е мѣс., вѣроятно на 50% болѣе.

Приношеній вещественныхъ тоже было не мало; перечислять всѣ невозможно, но мы упомянемъ о нѣкоторыхъ, полученныхъ, какъ и деньги, чрезъ Малькова.

Отъ Гр. Шереметева, часть животворящаго Креста, при актѣ на оный; напрестольное Евангеліе и священническая риза.—Отъ Т. Б. Потемкиной,—облаченія: Архіерейское, Священническое и Дьяконское.—Отъ Г. Сенявиной, — запрестольный Крестъ.—Отъ Г. Трубина,—Крестъ напрестольный;—отъ многихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ Св. Иконы, нѣкоторыя въ ризахъ и окладахъ,—другія на доскахъ и бумагѣ, для раздачи обращающимся.—Отъ Гр—ни Адлербергъ,—сосуды, священническія облаченія, кресты для инородцевъ принимающихъ православіе, одежды и бѣлье для дѣтей.—Отъ Малькова, кромѣ другихъ пожертвованій, церковно-служебныя и священныя книги; отъ комитета грамотности и разныхъ лицъ книги учебныя, аспидныя доски и т. п.—Отъ Г-на Бударина Крестъ напрестольный, выносные подсвѣчники, водосвятная чаша, — кадила;—отъ другихъ лампады, кресты и пр. — Инородцы и родственники новокрещенныхъ тоже жертвовали, по мѣрѣ силъ и съ истинною радостію, пчелъ, улья, лошадей, телѣги, коровъ, овецъ, хлѣбъ на извѣстное число лѣтъ; одинъ изъ нихъ принесъ въ даръ домикъ о двухъ комнатахъ.—Такимъ образомъ небывалое движеніе это, единожды начавшееся, поддерживается, и во славу Господа,—развивающаго мысли правыя и чувства истинно добрыя,—будетъ поддерживатьси, при содѣйствіи новаго Общества.

Перечислимъ то, что успѣли уже сдѣлать по нынѣ, на мѣстѣ, благодаря упомянутымъ выше благотворительнымъ приношеніямъ, съ издержкою на расходы эти до 11,100 рублей.—Для *женской Общины* построены: — двух-этажный домъ для училища и безпріютныхъ;—больница;—особый домикъ;—два амбара;—погреба;—ограды;—навѣсы.—На дачѣ сестеръ Общины, *Уахтъ*, въ семи верстахъ отъ селенія, — зданіе для настоятельницы; — для сестеръ, домъ съ тремя келліями; — еще такой же;—домъ для священника, о четырехъ комнатахъ;—

кухня и трапеза.—Достроиваются:—ограда,—погребъ,—амбаръ,—баня,—прачешная,—подвалы для ульевъ;—и заготовлены телѣги, лошади и др. хозяйственныя принадлежности.—Для *Миссіонерскаго монастыря*:—домъ для пріѣзжающихъ и рабочихъ;—домъ о четырехъ келліяхъ для настоятеля;—домъ съ четырьмя келліями для братій;—погребъ.

Настоятельно требуется построить и заготовить, еслибъ то оказалось возможнымъ, не медля, чтобъ не утратить цѣлаго года, слѣдующее:

По *Миссіонерскому монастырю*:—Церковь какъ и все для нея необходимое,—и училище;—заготовить лодки для плаванія по озеру,—земледѣльческія орудія, лошадей и пр.

Для новаго стана Миссіи, *въ Бачатѣ*:—домъ,—Церковь,—иконостасъ, —книги,—сосуды и т. п.—Упрочить содержаніе Церкви и всѣхъ лицъ, а такъ же раздать необходимыя пособія.

Обезпечить новый станъ *на Чуѣ*, гдѣ уже строится Церковь, но нѣтъ еще постояннаго Миссіонера, какъ и средствъ для содержанія и пособій новокрещеннымъ.

Въ *Киргизской степи* нужны такія же обзаведенія, постройки и пособія.

Въ деревняхъ Таштѣ, Билюлѣ, Ильинскомъ и Калтанской, гдѣ Миссіонеровъ нѣтъ постоянныхъ, нужны на первое время хотя учители;—необходимы домы для помѣщенія училищъ, средства на ихъ содержаніе и на пособія и обзаведеніе вновь обращающимся.—Нужно еще содержаніе сверхштатныхъ священниковъ и служителей уравнять съ штатными, и дать опредѣлительныя, съ совершенною необходимостію соображенныя средства, на содержаніе церквей и на помощь бѣднѣйшимъ изъ новокрещенныхъ.

Начиная записку эту, мы сказали, что настоящее время,—благодаря Бога знаменующее себя усильнымъ желаніемъ исправленій, улучшеній многаго, что въ строѣ народной и государственной жизни нашей оказывается несоотвѣтствующимъ болѣе требованіямъ времени этого,—повидимому должно на-

чать новую эпоху и въ жизни нашихъ церковныхъ Миссій. Мы этимъ и заключаемъ записку о церковной Миссіи Алтайской, предоставляя себѣ въ послѣдствіи изложить такія же свѣдѣнія о другихъ нашихъ Миссіяхъ.

Если иногда, и при самомъ можетъ быть горячемъ желаніи добра, самонадѣянность дѣятелей-фантазеровъ и неопытность ретивыхъ реформаторовъ-идеологовъ только путали дѣло и наводили вящшее зло, вмѣсто исправленія недостатковъ;—то здѣсь, кажется, это невозможно. По складу своихъ сочувствій эти господа не думали и врядъ-ли вздумали-бы когда нибудь, поставить вопросъ объ обращеніи язычниковъ въ православіе, на очередь вопросовъ важнѣйшихъ, нетерпящихъ отлагательства?—Съ ихъ понятіемъ о свободѣ совѣсти, и совершенной одноцѣнности духовной, жида, язычника, католика, магометанина и православнаго, еслибъ совѣтники эти жили во времена равноапостольнаго просвѣтителя Св. крещеніемъ народа русскаго, трудно-бы было ему совершить то величайшее дѣло, которое положило начало всѣмъ историческимъ успѣхамъ нашего отечества.—Дѣло и значеніе Миссій православныхъ, по самой природѣ своей слишкомъ широко, глубоко и ясно,—когда разобрано и понято въ истинѣ,—чтобъ не накрыть всѣхъ узоровъ разнохарактерныхъ мудрованій,—чтобъ не подавить всѣ незрѣлыя, переходныя теоріи,—чтобъ не вывесть, своимъ свѣтомъ, наружу всѣ пятна и тѣни мнимо ученой научности;—чтобъ не уничтожить всякія лжи своею истиною.—Слѣдовательно помѣшать этому дѣлу въ успѣхахъ его ни кто не можетъ, лишь бы новое Миссіонерское общество постоянно держалось на высотѣ значенія цѣли, для которой оно образовалось, и не ослабляло-бы въ себѣ того прекраснаго стремленія, не угашало-бы того благодатнаго жара, съ которымъ такъ дружно принялось за дѣло это. Выдержать гораздо труднѣе нежели начать.—Порывы не всегда свидѣтельствуютъ о силѣ;—не тотъ конь могучъ,—говоритъ пословица,—который стянетъ кладь съ мѣста, а тотъ, который дотянетъ ее до мѣста.—Мы увѣрены что Общество, при Божіей помощи, окажется мо-

гучимъ нравственнымъ дѣятелямъ, который не только бодро и сильно двинетъ въ дальній путь, къ желанной цѣли, огромную, неоцѣненную, принятую имъ на себя тяжесть; но вмѣстѣ съ симъ вытянетъ изъ колеи равнодушія, безразличія и холодности, къ сочувствію и содѣйствію, множество людей, для пользы не только общей, но и для ихъ собственной, самой драгоцѣнной.

Обращеніе полудикихъ идолопоклонниковъ въ Вѣру Христову;—положеніе въ начало всякой премудрости страха Господня;—просвѣщеніе, прежде какой бы то ни было цивилизаціи, Самою Истиною;—указаніе въ Ней, пути и жизни,—это даже не мысль, а чувство; болѣе,—это даръ Духа Святаго, соприсущій естеству духа человѣка возрожденнаго въ купели Св. Крещенія, и потому съ отрадою желающаго такого же возрожденія, такого же дара, подобнымъ себѣ. Это нераздѣльно съ сознаніемъ всякаго здравомыслящаго православнаго, будетъ-ли онъ истинно-ученый или послѣдній изъ простцевъ въ отечествѣ нашемъ. А такими здраво-чувствующими и право-мыслящими, обходя горсточку другую межеумокъ и столкнувшихся въ пути прямаго, благодаря Бога, была, есть и будетъ полна земля русская!

Уставъ Миссіонерскаго Общества утвержденъ.

УСТАВЪ

Миссіонерскаго Общества, Высочайше утвержденный 16-го іюля 1865 года.

Цѣль и дѣйствія Общества.

§ 1. Миссіонерское Общество имѣетъ цѣлію распространеніе православнаго христіанства между язычниками въ предѣлахъ Имперіи (кромѣ Кавказа) и сосѣднихъ странъ, а также между другими не христіанами, въ нашемъ отечествѣ обитающими.

§ 2. Общество состоитъ подъ Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.

§ 3. Дѣлами Общества завѣдуетъ совѣтъ, который находится въ С.-Петербургѣ.-*Примѣчаніе.* О составѣ сего совѣта будетъ изложено ниже.

§ 4. Дѣятельность Общества предполагается прежде обратить къ мѣстностямъ Алтая и Забайкалья, во 1-хъ, по многочисленности язычниковъ, тамъ обитающихъ, и во 2-хъ, въ противодѣйствіе пропагандѣ мусульманской и ламайской. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія средствъ Общества, оно предоставляетъ себѣ право расширять свою дѣятельность и на язычниковъ, обитающихъ какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, кромѣ Кавказа, такъ и за предѣлами ея (содѣйствуя, напримѣръ, нашей православной Миссіи въ Китаѣ), а равно на другихъ не-христіанъ, живущихъ въ Россіи. *Примѣчаніе.* Когда представится возможность перенести миссіонерскую дѣятельность Общества въ среднюю Азію или на пограничныя къ ней мѣстности, то предварительно какихъ-либо тамъ дѣйствій, совѣтъ входитъ по этому предмету въ сношенія съ главными начальниками тамошнихъ нашихъ областей.

§ 5. Въ кругъ дѣйствій Общества входятъ вообще: а) возбужденіе, поддержаніе и развитіе въ членахъ русской Церкви сочувствія

къ миссіонерскому дѣлу; б) содѣйствіе духовному начальству въ снабженіи Миссій достаточнымъ числомъ благонадежныхъ Миссіонеровъ; в) удовлетвореніе всѣмъ вещественнымъ нуждамъ Миссій по содержанію Миссіонеровъ, строенію и содержанію миссіонерскихъ становъ, церквей, школъ, больницъ и т. д.

§ 6. Общество, чрезъ своихъ членовъ, на мѣстѣ собираетъ свѣдѣнія о состояніи Миссій.

§ 7. Миссіонерское Общество не препятствуетъ дѣятельности тѣхъ православныхъ ревнителей, кои взяли бы на себя заботу, независимо отъ Общества, содѣйствовать миссіонерскому дѣлу въ какихъ-либо изъ населенныхъ язычниками мѣстностяхъ.

Составъ Общества.

§ 8. Общество образуется изъ неограниченнаго числа православныхъ всякаго званія, состоянія и пола, и состоитъ изъ *членовъ-покровителей* и изъ *членовъ-ревнителей.*

§ 9. Покровителями Общества считаются тѣ лица, которыя по своему высокому положенію въ Церкви и государствѣ могутъ оказывать законное покровительство дѣятельности Общества.

§ 10. Ревнителями Общества именуются всѣ прочіе члены Общества, обязавшіеся ежегоднымъ взносомъ въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, равно тѣ, которые, по усердію къ цѣли Общества, примутъ на себя какія-либо постоянные труды по дѣламъ Общества, какъ-то: доставку вещей, жертвуемыхъ на Миссію, составленіе плановъ на церкви и зданія миссіонерскія, изданія книгъ и т. п.

§ 11. Внѣшнихъ знаковъ отличія для членовъ Общества не установляется.

Средства Общества.

§ 12. Средства Общества составляютъ постоянные и единовременные взносы членовъ, а равно пожертвованія разныхъ лицъ и мѣстъ.

§ 13. Общество для усиленія своихъ средствъ, дѣлаетъ чрезъ совѣтъ, сколь возможно чаще, воззванія ко всѣмъ Русскимъ православнымъ о посильныхъ на предпринятое ими дѣло пожертвованіяхъ.

§ 14. Для постояннаго сбора пожертвованій, по желанію самихъ

членовъ и по мѣрѣ надобности и усмотрѣнію совѣта, могутъ быть выдаваемы членамъ Общества, на каждый годъ особо, собранные листы, съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ совѣта.

§ 15. Совѣтъ, завѣдывающій дѣлами Общества, находясь въ С.-Петербургѣ, состоитъ изъ семи лицъ, избираемыхъ изъ членовъ Общества въ общемъ собраніи. Члены совѣта избираютъ изъ среды своей председателя. Сверхъ того, при совѣтѣ состоятъ секретарь и казначей, которые избираются Обществомъ изъ числа его членовъ.

Примѣчаніе. Порядокъ, сроки избранія и обязанности членовъ совѣта определяются особыми положеніями, утверждаемыми общимъ собраніемъ.

§ 16. Рѣшенія совѣта постановляются по большинству голосовъ наличныхъ членовъ, которыхъ, для дѣйствительности засѣданія совѣта, не можетъ быть менѣе 3, кромѣ председателя. Въ случаѣ равенства голосовъ, перевѣсъ дается той сторонѣ, съ которою согласенъ председатель.

§ 17. Члены Общества, находящіеся въ С.-Петербургѣ, могутъ вмѣстѣ съ членами совѣта присутствовать въ засѣданіяхъ онаго, но съ правомъ совѣщательнаго только голоса, и всѣ вообще, ревнуя объ успѣшномъ ходѣ дѣла, сообщать совѣту свои виды и предположенія.

§ 18. Совѣтъ дѣйствуя отъ лица Общества и съ помощію средствъ, частными лицами жертвуемыхъ, обязанъ полною отвѣтственностію Обществу.

§ 19. Совѣтъ сносится съ Миссіями чрезъ лицъ начальствующихъ надъ оными.

§ 20. Совѣтъ заботится объ устраненіи, по возможности, формальностей въ веденіи дѣлъ Общества. Впрочемъ, относительно порядка веденія дѣлъ, полученія, храненія и выдачи суммъ и вещей, постановляются общимъ собраніемъ особыя правила для руководства совѣта.

§ 21. О всѣхъ пожертвованіяхъ и взносахъ, а равно о расходахъ суммъ и вещей, совѣтъ ежемѣсячно публикуетъ въ столичныхъ и мѣстныхъ (по состоянію Миссіи) вѣдомостяхъ.

§ 22. Кромѣ того, совѣтъ ежегодно составляетъ отчетъ, въ ко-

торомъ со всею подробностію должно быть изложено все, входящее въ кругъ дѣйствій Общества, какъ-то: а) списокъ наличныхъ членовъ Общества; б) доходы и расходы Общества за истекшій годъ; в) свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общес. по отношенію къ Миссіямъ, а также Миссіонеровъ за истекшій годъ; г) состояніе Миссій, и д) виды и предположенія Общества на слѣдующій годъ. *Примѣчаніе.* Въ видѣ прибавленія къ отчету, имѣютъ быть издаваемы записки Миссіонеровъ о ихъ дѣятельности, повременно отдѣльными брошюрами, или при самомъ отчетѣ, по усмотрѣнію и возможности.

§ 23. Совѣтъ Общества, имѣетъ свою печать съ изображеніемъ честнаго Креста въ сіяніи и надписью: «печать совѣта Миссіонерскаго Общества.»

Общія собранія членовъ.

§ 24. Общія собранія бываютъ: обыкновенныя, годовыя и чрезвычайныя; они созываются совѣтомъ Общества, при чемъ о днѣ, назначенномъ для собранія, и предметахъ, подлежащихъ его обсужденію, публикуется заблаговременно въ вѣдомостяхъ.

§ 25. Обыкновенныя собранія созываются чрезъ каждые три мѣсяца: годичныя—въ февралѣ мѣсяцѣ, а чрезвычайныя—по мѣрѣ надобности.

§ 26. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ разсматриваются предположенія, вносимыя членами Общества и совѣтомъ, обсуждаются мѣры къ развитію и упроченію дѣйствій Общества и вообще разрѣшаются всѣ дѣла, превышающія предѣлы власти совѣта. Въ годичныхъ собраніяхъ читается годовой отчетъ совѣта и производятся выборы членовъ онаго. Затѣмъ въ чрезвычайныхъ собраніяхъ разсматриваются только дѣла, не терпящія отлагательства.

§ 27. Для повѣрки отчета совѣта и суммъ Общества, могутъ быть назначены особые уполномоченные, которые, по повѣркѣ отчета, представляютъ о послѣдствіи своей ревизіи общему собранію.

§ 28. По утвержденіи въ общемъ собраніи, отчетъ представляется Августѣйшей Покровительницѣ Общества, сообщается членамъ Святѣйшаго Синода и другимъ почетнымъ лицамъ Церкви и государства, также всѣмъ покровителямъ и ревнителямъ Общества, и затѣмъ пу-

бликуется, въ цѣломъ видѣ, или въ извлеченіи смотря по удобству, и вообще распространяется, сколько можно, въ большемъ числѣ экземпляровъ между всѣми членами русской Церкви.

§ 29. Рѣшеніе общаго собранія постановляется простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ объ измѣненіи устава Общества или закрытіи самаго Общества, для чего требуется большинство не менѣе $^2/_3$ наличныхъ членовъ.

Дѣло воистину благочестивое, вполнѣ достойное государства православнаго, утверждено въ начаткѣ рукою Благочестивѣйшаго Императора нашего и поставлено подъ непосредственное покровительство Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы.

Основатели,—значительностію жертвуемыхъ имъ ежегодныхъ взносовъ и быстрымъ осуществленіемъ своего намѣренія,—доказали что поняли разумомъ сердца всю благотворность предпріятія, которое они, первые, двинули своими средствами.

Благодаря Вѣрѣ,—непогашенной еще въ большинствѣ сохранившихся истинно-православными, дѣтей родной земли нашей, ждущихъ всегда лишь случая удобнаго для заявленія завѣтныхъ стремленій своихъ;—сочувствіе общее высказалось такъ положительно, что число вписавшихся въ члены Общества,—показанное нами за нѣсколько предъ симъ страницъ,—болѣе нежели удвоилось въ короткое время съ утвержденія устава.

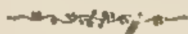
Слава Господу! Благодарность дателямъ и дѣятелямъ!

Обществу при самомъ началѣ представляются всѣ задатки, всѣ условія полной возможности направлять дѣло къ имѣющейся въ виду прекрасной, великой цѣли.

Не менѣе того никто не польститъ себя надеждою, чтобъ это было легко. Безъ денегъ конечно ни чего сдѣлать нельзя, но и деньгами одними ничего не дѣлается,—въ смыслѣ дѣланія истинно-полезнаго.—Труда впереди много.

Общество не опуститъ конечно изъ вида, что даже и самые

первые его дѣйствія, будутъ дѣйствіями чрезвычайно важными, тѣмъ направленіемъ и вліяніемъ, которые отразятся на будущемъ.—Да потрудится-же оно здѣсь, какъ потрудился тамъ, незабвенный основатель Алтайской Миссіи, о. Арх. Макарій,— предрекшій осуществленіе Общества нашего;—какъ потрудились и трудятся достойные его послѣдователи, Миссіонеры,— обдуманно, зорко, цѣлѣпостно, въ вѣрномъ убѣжденіи что дѣло это есть дѣло святое, и въ твердомъ упованіи на Того, Кто—«благословляетъ благословляющихъ Его и освѣщаетъ на Него уповающихъ.»—Онъ Самъ дастъ Обществу всякое даяніе благое;—Самъ научитъ Общество вести свое дѣло такъ, чтобъ оно было даромъ совершеннымъ, достойнымъ, вполнѣ Ему пріятнымъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

